

60(6 აბკ)
A 17

ҚЫРҒЫЗСТАН ССР АНАУКАҒА АКАДЕМИА
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Д. И. Гулиа ихъ зхыу Аҟснытән абызшәи, алитературеи,
аҟоурыхи ринститут

დ. ი. გულიას სახელობის აფხაზეთის ენის, ლიტერატურისა და
ისტორიის ინსტიტუტი

Абхазский институт языка, литературы и истории
им. Д. И. Гулиа

АДЫРРАҚУА : аҟаааа ИЗВЕСТИЯ

XV

მეცნიერება

Мецниереба

Қарт — თბილისი — Тбилиси

60(6 АБХ)
А 17

ყველაზე მაღალი სკოლა
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Д. И. Гулиа ихъ зхыу Аҧснытән абызшәи, алитературеи,
аҭоурыхи ринститут

დ ი. გულიას სახელობის აფხაზეთის ენის, ლიტერატურისა და
ისტორიის ინსტიტუტი

Абхазский институт языка, литературы и истории
им. Д. И. Гулиа

ადირრაқуа : მონათ ИЗВЕСТИЯ

XV

მეცნიერება

Мецниереба

Қарт — თბილისი — Тбилиси

1989

ТЕКА

Настоящий выпуск "Известий" Абхазского института языка, литературы и истории им.Д.И.Гулиа АН Грузинской ССР содержит статьи по различным вопросам истории, экономики, этнографии и археологии Абхазии, основанные в значительной мере на новых архивных и полевых материалах.

отв.редактор

Г.А.Дзидзария

Рецензенты: канд.ист.н.

Г.А.Амицба

канд.ист.н.

С.М.Шамба

0505040000

И Рез.-89

М 607(06) -89

© "Издательство"

"Мешниереба" 1989

Б.Е.Сагария

СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В АБХАЗИИ

(1928 - 1930 гг.)

Образование городских Советов в Абхазии

Еще до начала 1929 года в уездных центрах Абхазии, а именно в городах Гагра, Гудаута и Очамчири официально не существовало городских Советов. Функции их были возложены на коммунальные отделы уездных исполнительных комитетов. За состояние городского коммунального хозяйства фактически отвечал заместитель председателя уездного исполкома, он же заведующий коммунальным отделом. Вместе с тем интересы развития городов, создание в них различных отраслей промышленности промышленного характера, задачи культурного строительства, роста материального благосостояния городского населения требовали создание официальных органов власти - городских Советов. С другой стороны необходимо было путем создания горсоветов увеличить в их составе процент рабочих за счет уменьшения числа служащих.

Поэтому, обсуждая вопрос о работе Горсоветов Тбилиси, Сухуми, Батуми, Кутаиси и Хашури ВЦИК Грузии 21 июня 1928 года счел необходимым создание "в городах Абхазии (Гагры, Очамчиры, Гудауты),.... организацию сельских Советов"¹. Принимая такое решение ВЦИК Грузии исходил из того, что в указанных городах все еще не было промышленного рабочего класса, и по числу населения они являлись небольшими, преимущественно с крестьянским населением.

В постановлении ВЦИК Грузии были намечены конкретные мероприятия, способствующие улучшению деятельности городских Советов. ВЦИК Грузии в своем постановлении обратил внимание на следующие моменты: а) на необходимость дальнейшего увеличения в составе горсоветов числа рабочих, а в его исполнительных органах (президиума) женщин и членов комсомола; б) констатируя недостаточное участие городских Советов в разрешении вопросов

¹ Центральный государственный архив Абхазии (в дальнейшем ЦГАА) Ф.1, оп.1, д.796, л.3.

касающихся коммунальных предприятий, ВЦИК Грузии считает необходимым в дальнейшем предварительно разрабатывать и обсуждать эти вопросы и ставить на утверждение пленумов Советов; в) при горсоветах организовывать самые необходимые секции, как то: коммунального хозяйства, финансово-бюджетная, торгово-кооперативная, здравоохранения и др.²

Далее ВЦИК Грузии, в целях вовлечения депутатов Совета, а также актива рабочих в работу по борьбе с бюрократизмом и усилению деятельности горсоветов в области контроля и руководства над работой подведомственных учреждений и предприятий, счел своевременным создание секции РКИ при Тбилисском и Батумском советах. Секции РКИ возникли и в Абхазии в начале 1929 года.

Постановление ВЦИК Грузии сыграло важную роль в оживлении деятельности горсоветов на всей территории Грузии, в том числе в Абхазии.

Однако практическое осуществление данного постановления ВЦИК в Грузии, в части создания советов в городах и районных центрах Абхазии, затянулось до конца 1928 года.

Вопрос об организации городских Советов обсуждался президиумом Абхазского обкома КП Грузии 24 ноября 1928 года. Руководствуясь постановлением ВЦИК Грузии Президиум обкома считает нужным "организацию горсоветов в Гудаутах, Гаграх и Очамчире"³. Норма представительства определялась от 50 избирателей I делегат. Центральной избирательной комиссии было поручено обеспечить состав горсоветов максимальным числом рабочих.

ЦИК и СНК Абхазии в конце 1928 года рассмотрели вопрос "об организации управления в городах Абхазии за исключением города Сухуми"⁴. В этом решении указывалось, что вопреки конституционным нормам города Абхазии, а именно: Гагры, Гудауты, Очамчиры и Гали не имеют органов управления, т.е. каких либо Советов. "Президиум ГрузЦИК"а, - говорилось в нем, - предлагает в виду недостаточности в этих городах рабочих, организовать в них сельсоветы, а не горсоветы..... Постановление это не выполнено и наши города продолжают существовать на старом положении.

Необходимо этот вопрос как либо разрешить".⁵

Окончательно вопрос о создании городских Советов в Гаг-

2 ЦГАА, ф. I, оп. I, д. I796, л. 4.

3 ПА Абхазского обкома КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 201, л. 263.

4 ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 747, л. II7.

5 ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 747, л. II7.

рах, Гудаутах и Очамчире был решен постановлением Президиума ЦИК Абхазии 2 февраля 1929 г. Созданные этим решением городские Советы тогда действовали на основании Положения о сельсоветах Абхазии 1927 года. Согласно указанного постановления новые горсоветы не должны были иметь отдельных собственных исполкомов. Во главе городского Совета стоял Президиум, а председателем его считался председатель уездного исполкома.⁶ Техническое обслуживание горсовета производилось аппаратом уездного исполкома.

Как видно из постановления, специального отдельного аппарата для городских Советов еще не создано. С одной стороны, это объяснялось отсутствием, все еще, средств у республики. Но самое главное заключалось в том, что юридически было положено начало создания городских советов, как отдельных самостоятельных органов власти, независимых в своей деятельности от других сельских исполкомов.

Для массового вовлечения членов городских Советов в практическую их работу, а также для предварительной разработки вопросов, касающихся ведению городских Советов и их Президиумов, ЦИК Абхазии решил создать следующие секции: коммунального хозяйства, финансово-бюджетную, народного образования, здравоохранения, кооперативно-торговую, судебно-административную.⁷ Городской Совет и его президиум, по утверждению исполкома, мог принять решение о создании и других секций.

К фактическому осуществлению указанного постановления было приступлено сразу. Проведение этого мероприятия происходило одновременно с отчетно-перевыборной кампанией Советов 1928/29 года.

Отчетно-выборная кампания Советов в 1928-1929 гг.

Как известно на основании постановления Президиума ЦИК СССР, выборы Советов намеченные на начало 1928 года были приостановлены по всей нашей стране и перенесены на осень 1928 г. На основании постановления ЦИК СССР, ЗакЦИК и ЦИК Грузии⁸, ЦИК Абхазии принял 25 октября 1928г. постановление "о производстве по республике перевыборов Советов и созыве съездов в 1928/29 гг."⁹

6 ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 5, л. I30. Советская Абхазия, 1929г. 27 февраля.

7 ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 58, л. I30.

8 Постановления о перевыборах в советы в 1928/29 гг. ЦИК СССР принял 26 сентября 1928 г., ЗакЦИК 17 сентября, а ЦИК ССР Грузии 21 октября 1928 г. См. ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 749, лл. I07-I09; д. 747, лл. 76, 76-об, I28.

9 ЦГАА, ф. I, оп. I, л. 747, лл. 79, 79-об.

В постановлении ЦИК¹⁰ Абхазии подробно излагались основные задачи отчетно-перевыборной кампании. К подготовительной кампании приступили с 1 декабря, а к отчетной с 15 декабря 1928 года. Перевыборы в сельсоветах, Сухумском Совете и уездных исполнительных комитетах должны были проводиться в течение февраля месяца 1929 года.

Как и прежде, всей работой по организации и проведению выборов в советы руководили Центральная, а на местах уездные и сельские избирательные комиссии, назначенные в самом начале избирательной кампании.

Президиумом ЦИК Абхазии 25 сентября 1928 года был утвержден состав центральной и уездных избирательных комиссий.¹⁰ Председателем Центральной избирательной комиссии был назначен С.Чанба, а уездных избирательных комиссий – председатели уездных исполкомов: Гальского – Я.Хабурзания, Кодорского – Д.Габуния, Сухумского – Е.Домения, Гудаутского – В.Лакоба и Гагрского – Г.Алшундба.

Перевыборы Советов 1928/29 года явились важнейшей политической кампанией. ЦИК СССР в своем постановлении о перевыборах в советы отметил, что "Отчетно-перевыборная кампания Советов есть генеральный смотр, производимый трудящимися, всей деятельности Советской власти".¹¹ Поэтому необходимо было принять меры к организации максимальной широкой отчетности не только местных, но и центральных органов власти. ЦИК СССР отметил, что к обслуживанию перевыборной кампании и собраний избирателей должны быть привлечены все государственные учреждения и общественные организации.

Основная задача перевыборной кампании заключалась в дальнейшем широком привлечении трудящихся к государственному строительству и управлению. Партия призывала к сплочению батрачества и деревенской бедноты под руководством рабочего класса и к всемерному укреплению союза их с середняком для отпора кулацким и антисоветским элементам.

Абхазский обком КП Грузии и ЦИК ССР Абхазии в своих решениях, связанных с проведением отчетно-перевыборной кампании Советов широко разъясняли политику партии и советского государства. В ряде постановлений обкома партии и ЦИК¹² Абхазии ставились конкретные задачи перед партийными, советскими и другими общественными организациями и учреждениями в связи с перевыборной кампанией.

¹⁰ ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 747, л. 77.

¹¹ ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 749, л. 109.

В постановлении Президиума обкома КП Грузии 23 октября 1928 г. обращено внимание уездных комитетов партии, исполкомов, ячейкам организации партии на усиление авторитета среди широких масс и наибольшее закрепление их руководящей роли во всех сферах жизни; на все большее оживление Советов, максимально политическое и организационное укрепление их; широкое участие рабоче-крестьянских масс в работе Советов; дальнейшее укрепление блока рабочих и деревенской бедноты с середняком: проведение широкой предвыборной агитации и участия в нем профсоюзных,¹² комсомольских, женорганизаций, красноармейских частей и др.

В циркуляре 14 декабря 1928 г. ЦИК Абхазии особое внимание обратил на привлечение бедности и батрачества в выборах в Советы. ЦИК потребовал от местных органов власти и избирательных комиссий "принять необходимые меры к тому, чтобы всем изобразителям, работающим в деревне по найму, была предоставлена возможность участия как в предвыборных подготовительных собраниях, так и в избирательных".¹³ А 11 января 1929 г. ЦИК принял специальное постановление по этому вопросу, где указывалось, что за нарушение этого постановления нанимателей будут привлекать к уголовной ответственности.¹⁴

ЦИК Абхазии в своем обращении к избирателям, принятом в начале января 1929 года, призвал провести перевыборы под лозунгами дальнейшего оживления советов, усиления активности трудящихся, укрепления руководящей роли пролетариата в Советах, дальнейшего союза бедняцкого и середняцкого крестьянства.¹⁵ ЦИК Абхазии также внес некоторые изменения в инструкцию о выборах в Советы. В циркулярном письме уездным избирательным комиссиям от 21 января 1929 г. "Об установлении особых избирательных норм для рабочих, работающих на предприятиях", разъяснил, что "рабочие предприятий, расположенных на территории городских Советов Сухуми, Очамчиры, Гудауты и Гагр, избираются депутатами в Советы по расчету – один депутат на 25 избирателей".¹⁶ Далее в этом циркуляре отмечалось, что рабочие предприятий, расположенных вне территории городских Советов (т.е. в селениях или в местечке Гали), избирают депутатов в Советы по расчету один депутат на 35 избирателей рабочих. А для остальных категории избирателей норма оставалась неизменной. Не лишались также избирательских прав плантаторы табаководы, пользующиеся

¹² ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 747, л. 472.

¹³ Там же, д. 747, л. 184.

¹⁴ Там же, ф. I, оп. I, д. 749, л. 316.

¹⁵ Там же, л. 153.

¹⁶ ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 747, л. 341.

наемной рабочей силой до 150 рабочих дней.¹⁷

ВЦИК Грузии в своем постановлении 30 ноября 1928 г. "Об организации уездных, городских и сельских избирательных комиссий" еще раз обратил внимание Центральной избирательной комиссии Союзной ССР Абхазии на важнейшую политическую задачу - "обеспечение за рабочим классом в городе, и сельхозработниками, батрачеством и беднотой в деревне, руководящей роли в перевыборах советов".¹⁸

Все перечисленные решения вышестоящих партийных и советских органов послужили основой широкого развертывания перевыборной кампании на местах. Результаты отчетно-перевыборной кампании свидетельствуют о том, что местными партийными и советскими органами, особенно ячейками партии и комсомола, избирательными комиссиями была проделана большая работа.

В сводке о ходе отчетных собраний по городу Сухуми сообщалось, что собрания прошли активно, посещаемость составила свыше 80% избирателей.¹⁹ Всего в городе Сухуми было проведено 38 отчетных собраний и на одно собрание приходилось около 30 вопросов. "В сравнении с отчетной кампанией прошлых годов. - говорится в отчете городской избирательной комиссии, - настоящая отчетная кампания проходит чрезвычайно оживленно с высокой активностью".²⁰ Особенно следует отметить активность, проявленную профсоюзными организациями. Например, явка на отчетные собрания членов союза строителей по г. Сухуми составила 100%, совторгслужащих - 94,3%, медсантруд - 85,7 и др.²¹ Всего на отчетных собраниях выступило 234 чел. и задано докладчикам 668 вопросов.²²

Отчетные собрания повсеместно прошли активно. Так, по сведениям на 4 февраля 1929 года по Гудаутскому уезду явка избирателей на отчетные собрания составила 63,7% а из них женщин 26,7%.²³ Среди выступивших по отчетам исполкома и сельсоветов рабочих и бедняков 19, членов и кандидатов в члены партии 37, комсомольцев 119 и 268 беспартийных.²⁴

Более активно прошли отчетные собрания в Гальском уезде, где из 13115 избирателей на собрания явилось 11142 чел, а процент явки женщин здесь составил 76. В обсуждении докладов

приняло участие 735 чел, из которых 81 коммунист, 253 комсомольца и 127 женщин.²⁵

Президиум обкома КП Грузии 11 января 1929 года, заслушав доклады секретарей уездных комитетов партии о результатах отчетно-перевыборной кампании, констатировал возросшую активность всех слоев крестьянства, в особенности бедности и батрачества, а также некоторое обострение классовой борьбы вокруг перевыборной кампании, факты вербовки части середняков и бедняков кулаками.²⁶

В конце января 1929 года Президиум обкома партии заслушал доклад С.Н. Чанба "О деятельности Центральной избирательной комиссии". Отметив положительную работу в деле мобилизации общественных организаций вокруг избирательной кампании, активности всех слоев крестьянства в проведении массовой работы среди бедности и батрачества, Президиум обкома указал на ряд недочетов. В частности в принятом постановлении говорилось о том, что при проведении подготовительной кампании не было достаточно разъяснено, что в борьбе с кулаками партия выступает "не против жилищных трудовых хозяйств, а против эксплуатации кулацкими хозяйствами, против эксплуатации во всех ее проявлениях".²⁷ И вот почему, вследствие слабости бедняцко-середняцкого союза кулакам коегде удалось перетянуть в свою сторону часть крестьян. Так, например, в Гальском уезде некий Джинджилия - кулак задабривал бедноту тем, что продал ей 600 пудов кукурузы ниже рыночной стоимости, т.е. дешевле в два раза.²⁸ На одном из отчетных собраний в Володаровке, кулак, выступивший в прениях по отчету, заявил: "соворганы снабжают бедняка зерном для посева, а нам семян не дают, между прочим бедняки это зерно все поели, а поля остались не засеянными....".²⁹ Такие провокационные выступления имели место в Аабрах и Атар-Армянском Кодорского уезда и в Калдахварском сельсовете Гудаутского уезда и др.

Поэтому Абхазский обком КП Грузии в своем постановлении призвал партийные органы на местах делать "больше ударение на необходимость упрочения бедняцко-середняцкого союза".³⁰

Обком КП Грузии в решениях от 3 и 15 февраля 1929 года еще раз обратил внимание местных органов власти на необходи-

17 ПА Абхазского обкома КП Грузии, ф. I, оп. 2, д. 101, лл. 43.

18 ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 747, л. 143.

19 ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 977, л. 25.

20 Там же.

21 Там же, ф. I, оп. I, д. 747, л. 479.

22 Там же, д. 848, л. 55.

23 ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 747, л. 488.

24 Там же, ф. I, оп. I, д. 974, л. 20.

25 Там же, ф. I, оп. I, д. 846, л. 3.

26 Там же, д. 747, л. 470.

27 ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 747, л. 469.

28 Там же, л. 520.

29 Там же, л. 482.

30 Там же, л. 469-об.

мость строгого соблюдения на процентном соотношении социального состава Советов. При этом обращалось внимание на увеличение числа середняков в сельсоветах, но чтобы, в результате, преимущественный процент был сохранен за беднотой и батрачеством.³¹

Итоги перевыборной кампании по республике показывают, что не только отчетные собрания, но и сами выборы в Советы прошли при высокой активности избирателей.

В кратком своем отчете Кодорская уездная избирательная комиссия сообщает, что " кампания по перевыборам Советов в этом году прошла с большим подъемом в сравнении с прошлыми перевыборами. Имелось большое повышение активности всех слоев населения...."³²

В Сухумском уезде число избирательных участков было увеличено почти в два с лишним раза. А это дало возможность охватить все большее число избирателей, чем в 1927 году. Если в 1927 году на выборные собрания явилось 41,3% всех избирателей, в том числе женщин - 21,8%, то сейчас процент явки избирателей по Сухумскому уезду составил 60,5, в том числе женщин 34,1.³³ Например по городу Сухуми посещаемость со стороны профсоюзов увеличилась с 36,8% до 74,8%, женщин же 36,2% до 71,8%. В целом по Сухуми на избирательные участки пришло 73,5 проц.избирателей.³⁴

Орготдел Сухумского исполкома отмечает, что достигнутый успех в отчетноперевыборной кампании является результатом "несравненно лучшей организационной и подготовительной работы, чем в прошлой кампании....."³⁵

В Гудаутском уезде на выборы пришло 68,7 проц.избирателей³⁶ Гагрском уезде 57,52% мужчин и 29,45% женщин.³⁷

Произошли коренные изменения в составе Советов Абхазии. Особенно это заметно стало после создания Гагрского, Гудаутского

и Очамчирского городских советов. Городские Советы Абхазии выросли по своему численному, социальному и партийному составу. Результатом перевыборов Советов по городам явилось значительное расширение социальной базы Советской власти, т.е. увеличение в них числа рабочих и других слоев трудящейся массы. Об этом свидетельствует приводимая ниже таблица о составе городских Советов Абхазии.³⁸

Из приведенных выше данных видно, что количественный состав городских Советов вырос почти в четыре раза. Если в 1927 году в единственном Сухумском Совете было избрано 120 депутатов, то в 1929 году число их возрастает до 227, а всего в состав горсоветов Абхазии было избрано 433 чел. Произошли существенные изменения в социальном и национальном составе Советов Абхазии.

Если в прежнем составе Сухумского городского Совета было только 32,5 проц.рабочих, то сейчас они составляли 45,3 проц. В Гагрском горсовете рабочие составили 61,8, Гудаутском 43,8, Очамчирском 49,9. Таким образом всего в состав городских Советов было избрано 49,5 проц.рабочих (сюда входят и рабочие выдвиженцы, которые составили 7,2%).

Как видно из таблицы, в состав городских Советов были избраны служащие, которые еще составляли значительное число (37,9%) учащиеся, домохозяйки, кустари и ремесленники, крестьяне, красноармейцы и люди свободных профессий.

В состав горсоветов было избрано также 77 женщин (17,8), коммунистов 211(48,7%), комсомольцев 32(7,4%). Сравнительно был выдержан и национальный состав.

Существенные изменения произошли и в составе сельских и уездных исполкомов. Если в 1927 году в сельсоветах имелось 45,6% бедняков, то сейчас они составляют 55,2%, батраки 0,9% и 4,7%. Но зато уменьшилось количество середняков на 14,3%.³⁹ Уменьшение числа середняков в Советах в ряде случаев можно объяснить механическим зачислением их в списки бедняков. Абхазский обком КП Грузии еще в своем постановлении от 15 февраля 1929 года указывал на необходимость увеличения в Советах числа середняков до 45%. Но в то же время указывал и на то обстоятельство, что "часть маломощных середняков на местах падает в списки бедноты"⁴⁰. Но главное, по мнению обкома, заключалось в том,

38 См.таблицу на с.22-23.

39 ЦГАА, ф.1, оп.2, д.301, л.53; там же, д.44, л.35.

40 ЦГАА, ф.1, оп.1, д.747, л.413.

31 ЦГАА, ф.1, оп.1, д.747, л.413.

32 Там же, д.843, л.92.

33 Там же, д.848, л.57.

34 ЦГАА, ф.1, оп.1, д.848, л.74.

35 Там же, л.60.

36 ЦГАА, ф.1, оп.1, д.849, л.81.

37 Там же, д.894, л.87-об.

чтобы преимущество сохранено было за беднотой и батрачеством и такая цель была достигнута.

Одновременно с выборами в сельские и городские Советы происходили и выборы делегатов на уездные съезды Советов, а последние выбирали делегатов на У Всеабхазский съезд Советов. В начале марта 1929 года состоялись уездные съезды Советов, где заслушивались отчеты о деятельности правительства Абхазии, уездных исполкомов и др.

На VI съезде Советов Гальского уезда, состоявшемся 10 марта 1929 года, с докладом о деятельности правительства Абхазии выступил председатель ЦИК Абхазии С.Я.Чанба, а уездного исполкома его председатель Я.Хабурзания. С приветственной речью на этом съезде выступил председатель СНК Абхазии Н.Лакоба⁴¹. Съезд Советов Гальского уезда одобрил деятельность правительства Абхазии и уездного исполкома и избрал лучших своих представителей на предстоящий съезд Советов Абхазии. На состоявшемся 13 марта Пленуме исполкома был избран президиум в составе: Я.Хабурзания, К.Тория, Н.Микая, Б.Кортава, М.Квашилава и др.

С 19 по 22 марта проходила работа UI съезда Советов Гагрского уезда, где с докладом о деятельности уездного исполкома выступил Г.Алшунба.⁴² В состав Гагрского уездного исполкома было избрано 34 чел., кандидатами IO и в ревизионную комиссию 5 чел. На У съезде Советов Гудаутского уезда делегатами на съезд Советов Абхазии избрано 40 чел. и 2 кандидатами. В числе избранных Н.Лакоба, С.Чанба, В.Ладария, И.Вардания, Ан.Вардания, М.Чалмаз, Х.Шамба, М.Гарцкия, В.Агрба, В.Лакоба, М.Даурова, А.Царгуш и др.⁴³ Уездные съезды Советов состоялись в Сухумском и Кодорском уездах. Всего в состав уездных съездов Советов было избрано вместо 218 чел. (в 1927 г.) 282 чел.⁴⁴ В социальном отношении состав уездных Советов выглядел следующим образом.⁴⁵

Приведенная таблица показывает, хотя и не очень значительное, но уменьшение числа рабочих, занятых в сфере сельскохозяйственного производства в составе уездных исполкомов и увеличение за их счет числа служащих. Но с другой стороны, впервые в составе уездных исполкомов мы видим батраков, которые как видно из таблицы составили 2,1%.

41 ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 846, л. 40, 41, 42-об.

42 Там же, д. 894, лл. 105, 109.

43 Там же, д. 977, л. 27.

44 Там же, ф. I, оп. 2, д. 44, л. 34.

45 Там же, ф. I, оп. 2, д. 44, л. 34.

Социальное положение	Г о д ы	
	1927	1929
1. Крестьяне	39,9%	25%
2. Служащие	42,2%	48,9%
3. Сельхозработчие	4,1%	3,9%
4. Производственные рабочие	13,3%	11,7%
5. Батраки	-	2,1%

В целом выборы в Советы 1929 года, несмотря на отдельные его недочеты, показали возросшую организованность в работе Советов, рост их авторитета среди широких слоев трудящихся и что они под руководством партии способны решать поставленные перед ними задачи.

В период избирательной кампании 1929 года по инициативе ЦИК Нагорного Карабаха (Азербайджанская ССР) началось соревнование между Абхазией и Автономной областью Нагорного Карабаха. ЦИК Абхазии поддержал эту инициативу и решено было обменяться делегациями. ЦИК АОНК от 20 января 1929 г. обратился с письмом в ЦИК Абхазии в котором сообщалось: "ЦИК Нагорного Карабаха командует к Вам для ознакомления с постановкой работы в Советах и участия в кампании перевыборов Советов в связи с нашим дружеским соревнованием..."

Я не сомневаюсь, что Вами будет оказано командируемым необходимое содействие Председатель ЦИК АОНК Е. Григорян⁴⁶.

Делегация Нагорного Карабаха прибыла в Сухуми 25 января. Члены делегации участвовавшие в перевыборной кампании Советов, выступали с докладами о перевыборах и опыте Советского строительства в Карабахе. Последняя делегация из Нагорного Карабаха, ряда населенных пунктов, а также отчетных и выборных собраний, сыграло положительную роль, активизировало работу как местных, так и центральных органов.

В отчете Центральной избирательной комиссии по этому поводу говорилось: "Результатами соревнования явилась небывалая активность во время кампании, благодаря которой общественные и профсоюзные организации приняли активнейшее участие в

46 ЦГАА, ф. I, оп. I, д. 747, л. 357.

кампании.⁴⁷ Об этом говорилось и в статье члена делегации, секретаря ЦИК Нагорного Карабаха М.Сарумова, который писал: "Мы заметили, что в Абхазии за последнее время в политической жизни деревни произошел большой политический сдвиг. Прделана большая работа по благоустройству деревни, проведены дороги, построены новые школы и т.п. Эти достижения очевидны".⁴⁸

Однако, к большому сожалению этому важному начинанию не придали гласности, не было и официального договора о социалистическом соревновании. Кроме того не велся учет о ходе соревнования ни со стороны Абхазии, ни со стороны Нагорного Карабаха. По имеющимся сведениям ЦИК Абхазии не смог послать в Нагорный Карабах свою ответную делегацию.

Итоги всей работы по укреплению Советов были подведены Всеабхазским съездом Советов.

Пятый съезд Советов Абхазии, состоявшийся в апреле 1929 года обсудил важнейшие вопросы советского, хозяйственного и культурного строительства Абхазии.

С докладом о деятельности правительства ССР Грузии на съезде выступил председатель ЦИК Грузии Ф.Махарадзе. Съезд с особым удовлетворением отметил проводимую правительством Советской Грузии национальную политику "направленную к усиленному культурно-экономическому развитию республики, входящих в состав ССР Грузии и населяющих ее национальных меньшинств".⁴⁹

Съезд поручил Ф.Махарадзе передать рабочим и крестьянам Грузии привет от рабочих и крестьян Абхазии и самые искренние заверения в том, что союз между народами Грузии и Абхазии будет крепок и нерушим, как и союз между всеми народами Советского Союза.

Съезд также заслушал отчетный доклад правительства Абхазии с которым выступил Н.Лакоба, У съезд Советов принял специальную резолюцию по советскому строительству, в котором большое внимание уделено "проведению мероприятий по чистке госаппарата от чуждых ему элементов, привлекая кадры советских работников из среды рабочих и беднейших крестьян".⁵⁰

Съезд подтвердил незыблемость конституционных основ в области взаимоотношений, братских народов Грузии и Абхазии, способствующих национальнокультурному и экономическому развитию страны.

⁴⁷ Там же, д.989. лл.101, 101-об.

⁴⁸ А.К у п р а в а. Укрепление сельских Советов Абхазии в 1926-1929 гг.См.сб. Под знаменем Октября, Сухуми, 1968, с.61-62.

⁴⁹ ПА Абхазского обкома КП Грузии, ф.1, оп.2, д.201/1, л.94.

⁵⁰ Там же, л.95.

У съезд Советов Абхазии приветствовал делегатов из Пиленково, прибывших впервые на съезд Советов. Делегаты из Пиленково подарили съезду Советов Абхазии портрет В.И.Ленина. В своем постановлении съезд с удовлетворением отмечает решение Советского правительства о включении Пиленковского района к Абхазии и поручает правительству "принять меры по удовлетворению неотложных нужд, в соответствии с местными условиями...".⁵¹

У съезд Советов Абхазии избрал новый состав Центрального Исполнительного Комитета в количестве 150 членов и 39 кандидатов.⁵² 7-го апреля 1929 года была созвана первая сессия ЦИК Абхазии пятого созыва, которая обсудила вопрос о Президиуме ЦИК и Правительстве Абхазии.⁵³ Был избран Президиум ЦИК Абхазии в составе 21 члена и 5 кандидатов. Председателем ЦИК был избран С.Я.Чанба. Было образовано правительство Абхазии - Совет Народных Комиссаров во главе с Н.А.Лакоба.

Съезд также избрал делегатов на У Всегрузинский съезд Советов. Членами ЦИК Грузии от Договорной ССР Абхазии были избраны С.Чанба, Г.Кагба, П.Гегелия, Б.Зантария, Б.Чолокуа, Т.Лагвилава, Ив.Маргания, А.Чукбар, В.Гвалия, Н.Бигвава и др. всего 11 членов и 6 кандидатов.⁵⁴

В состав Союзного ЦИК а были избраны: в Союзный Совет - Н.Лакоба, в Совет национальностей - С.Чанба, Е.Кванталиани, Я.Хабурзания, П.Меладзе, А.Чочуа, Ч.Бебия, М.Даурова.⁵⁵

⁵¹ ЦГАА, ф.1, оп.2, д.62, л.304.

⁵² Там же, д.63, лл.116-118.

⁵³ Там же, л.5.

⁵⁴ ЦГАА, ф.1, оп.1, д.984, лл.30-31.

⁵⁵ Пятый съезд Советов СССР. Стеногр.отчет, М., 1929, Раздел "Постановления", с.37.

Таблица I

СОСТАВ
ГОРОДСКИХ СОВЕТОВ АССР АБХАЗИИ

1929 ГОДА

Наименование городских Советов	Всего	П о л		Национальный состав							
		Муж.	Жен.	Абхазы	Грузины	Русские	Армяне	Греки	Турки	Немцы	Прочие
Гагры	81	67	14	16	17	26	8	7	-	-	7
	100%	82,7	17,3	18,7	20,8	32,1	7,8	8,7	-	-	8,7
Гудауты	77	60	17	13	16	26	6	11	2	1	2
	100%	77,9	22,1	16,8	20,8	33,8	7,8	14,3	2,6	1,3	2,6
Очамчиры	48	38	10	18	25	3	-	2	-	-	-
	100%	79,2	20,8	37,5	52,1	6,2	-	4,2	-	-	-
Сухуми	227	191	36	34	59	84	19	17	-	-	14
	100%	84,1	15,9	15,0	25,9	37,0	8,4	7,5	-	-	6,2
ИТОГО	433	356	77	81	117	139	33	37	2	1	23
		82,2	17,8	18,7	27,0	32,1	7,6	8,6	0,5	0,2	5,3
Город Сухуми в 1927 г.	120	99	21	18	27	45	11	10	-	-	9
		82,5	17,5	15,0	22,5	37,5	9,1	8,4	-	-	7,5

ПРИМЕЧАНИЕ: Гагринский, Гудаутский и Очамчирский Горсоветы

I ЦГАА, ф. I, оп. 2, д. 44, л. 33-а, ф. I, оп. I, д. 848, л. 74: ф. I, оп. I, д. 849, л. 83.

Социальное положение									Бывш. в Кр. Армии	Партийность		
Рабочие	Раб. заним. адм. должн. или мобил.	Служ.	Учащиеся	Домохозяйки	Кустари и ремесл.	Крестьяне	Красноарм.	Своб. проф.		Члены и канд. ВКП (б)	Члены и канд. ВЛКСМ	Беспарт.
46	4	27	-	I	2	-	I	-	6	37	II	33
56,9	4,9	33,3	-	I,2	2,5	-	I,2	-	7,4	45,7	I3,6	40,7
33	-	3I	2	2	2	4 ^x	2	I	7	29	IO	38
43,8	-	40,3	2,6	2,6	2,6	5,I	2,6	I,3	9,I	37,7	I3 ^o	49,3
I5	9	I5	2	2	2	2	I	-	-	I6	7	25
3I,2	I8,7	3I,2	4,2	4,2	4,2	4,2	2,I	-	-	33,3	I4,6	52,I
85	I8	9I	-	6	7	-	I3	7	85	I29	4	94
37,4	7,9	40,2	-	2,6	3,I	-	5,7	3,I	37,4	56,8	I,8	4I,4
I79	3I	I64	4	II	I3	6	I7	8	98	2II	32	I90
42,3	7,2	37,9	0,9	2,5	3,0	I,4	3,9	I,8	22,6	48,7	7,4	43,9
30	9	57	2	5	2	-	I4	I	-	65	9	46
25	7,5	47,5	I,7	4,0	I,7	-	II,7	0,9	-	54,2	7,5	38,3

организованы впервые.

РОЛЬ БРИТАНСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ В РАСЧЛЕНЕНИИ ОМАНА

Оман является древнейшим арабским государством, расположенным на юго-востоке Аравийского полуострова. Он занимает исключительно важное географическое положение, ибо его прибрежные районы господствуют над входом в Ормузский пролив, а также омываются водами Персидского и Ормузского заливов и Аравийского моря. Свыше 5 тысяч лет тому назад оманские мореходы уже совершали на своих парусных кораблях (доу) путешествия вплоть до Индонезии.

Начиная с 8 в. н.э. правящая феодальноплеменная верхушка Омана в борьбе с Аббасидскими халифами, а затем и иранскими завоевателями, становится приверженцем ибадитской секты ислама. Она превращается в своеобразное религиозное знамя в борьбе против иранских суннитов и персидских шиитов.

В 16 в. португальские завоеватели, стремясь поставить под свой контроль торговлю Персидского залива, устанавливают свое господство над прибрежными районами Омана, в первую очередь Маската. В 17 в. к этому району начинает проявлять все больший интерес британская Ост-Индская компания.

К концу 18 в. обстановка в Омане становится весьма напряженной. В борьбу за имамат включаются ваххабитские правители Аравии из династии Саудидов.

В 1792 г. умер правитель Омана Хамад бин-Саид. Сразу же началась борьба за власть между номинальным имамом Саидом и его братьями Кайсом и Султаном. В результате почти годичных кровопролитных схваток победителем вышел Султан, который при помощи Ост-Индской компании сумел захватить Маскат и в дальнейшем, опираясь на поддержку верховного вождя одного из двух крупнейших племенных объединений страны (хинави образовавшегося, как и второе — гафири не только на этнической, но и на религиозно политической основе) укрепить свои позиции в важнейших пунктах страны. В результате, во время встречи претендентов в небольшом портовом городке Барках было достигнуто далекоидущее решение о разделе Омана на три части. В Рустаке номинальным имамом стал Саид, Султан стал правителем прибрежных районов Омана со столицей в Маскате, а район Соха-

ра, прилегающий к Ормузскому проливу, был отдан в управление Кайсу. Представители Ост-Индской компании в Бомбее и Персидском заливе были весьма удовлетворены этим результатом. В недавно рассекреченном издании "Исторический, этнографический и статистический справочник Персидского залива", опубликованном в 6-ти томах с грифом "секретно" в 1914-1915 гг. видным чиновником англо-индийской колониальной администрации Лориметром, в Баркале, тоги совещания он называет расчленением Омана".¹ С 1793 г. единый Оман, существовавший более полутора тысяч лет, при активном участии английских колонизаторов исчезает с политической арены. В прибрежных районах страны появляется султанат Маскат, которым с 1793 по 1804 гг. управлял Султан бин-Ахмад.

Агенты Ост-Индской компании сразу же начали разворачивать лихорадочную деятельность в трех направлениях. Они стремились расширить власть нового правителя за пределами Маската, с тем, чтобы при его помощи укрепить свои позиции в Персидском заливе; пытаются парализовать влияние французов, имевших прочные связи в прибрежных городах страны, и, наконец, укрепить там собственные позиции.

В 1793-1794 гг. Султан бин-Ахмад осуществляет при поддержке англичан две крупные военнополитические акции — он добивается от Насир-Хана Белуджа-правителя Келата — закрепления за собой Гвадара и расширяет свои владения на Макранском побережье путем присоединения к нему Чах-Бехара. Таким образом в руках правителя нового султана оказываются оба побережья Оманского залива. Почти одновременно Султан бин-Ахмад осуществляет крупную морскую экспедицию против шейхов арабского племени майн, контролировавших в те времена важные в стратегическом отношении острова Кишм и Ормуз. При помощи представителей Ост-Индской компании он добивается в том же 1794 г. от нового правителя Ирана Ага Мухаммеда, который еще не успел укрепить своих позиций на юго-западе страны, передачи ему в аренду не только указанных островов, но и Бендер-Аббаса и района Минаба. Последние в период крайнего ослабления власти Зендов находились в качестве ленного владения под контролем шейхов племени майн. Отныне они оказались в руках английского союзника — султана Маската; таким образом Ост-Индская компания и Маскат, вслед за контролем над Оманским заливом, начали устанавливать свой контроль и над Ормузским проливом.

В середине 90-х годов XVIII в. Султан бин-Ахмад, при прямой поддержке Ост-Индской компании, делает попытку укрепить свое влияние и в северной части Персидского залива. Это приводит к серьезным столкновениям в 1797 г. с шейхом Бушира, непосредственно подчиненным иранскому губернатору Фарса, а затем и с турецкими

властями в Багдаде и Басре. Поскольку военные позиции Османской империи в Ираке Арабском в тот период были ослаблены, турецкие правители обратились за посредничеством к резиденту Ост-Индской кампании в Басре. Именно это и нужно было англичанам. Выступив в роли "добросовестных маклеров", они укрепили свои позиции в Ираке Арабском и одновременно несколько замедлили слишком уж стремительное наступление маскатского правителя, который становился все сильнее, а следовательно менее управляемым. Последнее обстоятельство стало особенно беспокоить английских колонизаторов, ибо во второй половине 90-х годов XVIII в. в Европе, в Азии, на Средиземном море, в Атлантическом и Индийском океанах военные действия между Англией и Францией шли с заметным перевесом в сторону последней. Французский флот начал активно поддерживать старого союзника Омана — майсорского правителя Типу Султана и поэтому в Лондоне и Бомбее серьезно опасались, что в создавшейся обстановке французы попытаются укрепить свои позиции и в Маскате, и таким образом подорвать завоеванное с таким трудом влияние Ост-Индской кампании не только в новом султанате, но и во всем персидском заливе. Уже в 1794 г. местный "брокер" Ост-Индской кампании стал добиваться права поднятия английского флага на своем корабле, стоявшем в маскатской гавани. Через два года туда на военном корабле Ост-Индской кампании прибыл лейтенант Скиннер с весьма своеобразной миссией. Он был уполномочен установить число французских представителей и купцов во владениях султаната. В случае их обнаружения, маскатским властям предлагалось вознаграждение от 1000 до 3000 рупий за каждого француза, в случае если они будут переданы английским военным морякам вместе со всеми документами. Маскатские власти заявили английским "охотникам за головами", что французов во владениях султаната не обнаружено. Эта ложь насторожила Ост-Индскую кампанию, тем более, что по полученным в Лондоне тревожным сведениям Наполеон лихорадочно готовил свой завоевательный поход на Восток и готовился к захвату Египта, а следовательно к непосредственному выходу к Красному морю. Поэтому решено было несколько приструнить слишком уж усиливавшегося маскатского союзника.

В 1797 г. не без участия английских агентов, неожиданно возобновились военные действия между военными кораблями Маската и правителей Шарджи, Рас эль-Хаймы, территория которых известна под названием Джавассы. Этот район, расположенный вдоль южного побережья Ормузского пролива и юго-западной части Персидского залива, получил название в середине XVIII в. по имени племени касими, шейх которого в тот период стал правителем Рас эль-Хаймы.

Ныне этот район является важной составной частью Объединенных Арабских Эмиратов. Население Джавассы, существовавшее в течение столетий за счет доходов от каботажного плавания, посреднической торговли и добычи жемчуга, оказалось в крайне тяжелом экономическом положении после появления в Персидском заливе европейских колонизаторов. Ост-Индские кампании голландцев и англичан перехватили у арабов Джавассы каботажное мореплавание, крайне стесняли их рыболовство, вмешивались в межплеменные отношения, прерывали исторически сложившиеся связи между Джавассой, являвшейся в древности и средневековье частью Оманского государства, и портами, расположенными по обе стороны Ормузского пролива и Оманского залива. Положение еще более усугублялось после образования при английской помощи Маскатского султаната, пытавшегося монополизировать всю торговлю между внутренними районами страны и побережьем, и расчленением в 1793 году единого Омана, что несомненно нарушило связи Джавассы с центральными районами страны, в частности с Бурайми. В этих конкретных условиях население Джавассы, оказавшееся в отчаянном положении, прибегло к нападениям на корабли других государств Персидского залива, а в ряде случаев и на корабли европейских колонизаторов, лишивших их буквально куска хлеба. Доведя население Джавассы до такого положения (Ф.Варден-член Бомбейского совета Ост-Индской кампании — в секретной записке о тяжелом положении Джавассы прямо указывает, что именно англичане несут вину за это)², английские колонизаторы не только объявили их пиратами, но и назвали всю территорию Джавассы от Абу-Даби до Рас эль-Хаймы — Пиратским берегом. Так, это позорное имя было введено англичанами не только в исторические документы, но и в географические карты.

В 1794 г., когда нужно было несколько приструнить Султана бин-Ахмада, английские колонизаторы спровоцировали конфликт между Маскатом и "Пиратским берегом".

В английской литературе, посвященной истории Персидского залива, описывается факт нападения в октябре 1797 г. кораблей Джавассы на военный бриг Ост-Индской кампании "Виппер", стоявший в гавани Юшира. Однако только из материалов, опубликованных Лоримером, выясняется, что именно командир "Виппера" снабжал с гавани Бушира эскадру Джавассы порохом и орудийными снарядами, необходимыми им для атаки портовых городов Маската. Конфликт же возник после передачи этого смертоносного груза повидимому из-за оплаты.³ Во всяком случае, несмотря на этот акт "пиратства", также на аналогичный конфликт, имевший место за три месяца до этого, Ост-Индская кампания, которая из меркантильных и полити-

ческих соображений всегда требовала извинений и компенсации за нападение на свои корабли, не только не потребовала возмещения убытков, тем более, что во втором случае "пираты" захватили английский корабль "Бассейн", но даже не настаивала на извинении. Документы Национального Архива Индии свидетельствуют о том, что командиры английских военных кораблей имели специальную инструкцию не вмешиваться в случае нападения "пиратских" кораблей Джавассы на корабли других государств, в частности на корабли маскатского союзника Ост-Индской кампании.⁴ Все это подтверждает, что английские колонизаторы стремились использовать в своих целях этих "пиратов". Потребность в их давлении на султана Маската особенно возросла в 1798 году, когда Наполеон овладел Каиром и направил свои послания оттуда Типу Султану в Майсур и Султану бин-Ахмаду в Маскат.

В сентябре 1798 г. в Маскат со специальной миссией прибыл Мирза Мехди Али-хан - вновь назначенный резидент английской Ост-Индской кампании в Бушире. Этот иранский дипломат на службе Ост-Индской кампании, прибывший в Маскат на военном корабле "Пантера", имел серьезные поручения не только от бомбейского, но и лондонского начальства. Он должен был тщательно проверить имеются ли во владениях султана французы, а в случае наличия добиться от султана их немедленного изгнания, не говоря уже о получении обязательств от султана не принимать их на службу, не предоставлять им места для строительства фактории и не допускать французские корабли в гавани султана. Наконец, Мирзе Мехди было поручено сделать все возможное, чтобы добиться учреждения в Маскате английской фактории, с соответствующим персоналом для ее охраны. 12 октября 1798 г. Султан бин-Ахмад подписал торжественное обязательство, содержащее 7 параграфов. Большинство пожеланий Ост-Индской кампании было выполнено, за исключением одного весьма существенного, - султан отказался предоставить право Ост-Индской кампании учредить факторию в Маскате, но компенсировал это разрешением на создание таковой в Бендер-Аббасе, т.е. на иранской территории, которая, как уже упоминалось, находилась в ленном владении Маската. Именно там - подальше от оманских берегов - англичанам было разрешено не только соорудить здание фактории, но и снабдить ее артиллерией и охраной в составе 40-50 английских солдат и офицеров и 700-800 сипаев. Султан бин-Ахмад обязался не только не допускать французов и соперничавших с ними голландцев на территорию султаната, но и в случае возникновения сражений между английским и франко-голландским флотами в прибрежных водах Маската оказать поддержку британским кораблям.⁵

Таков новый этап в отношениях Великобритании со странами региона Персидского залива и, в частности, с Маскатом. Обязательство, выданное Султаном бин-Ахмадом, это первый документ, подписанный арабским правителем, в котором содержались односторонние обязательства, выданные британским колонизаторам. Хотя англичане не добились всего чего им хотелось - ведь ловкий правитель Маската предложил им разместить свою факторию не только на территории султаната, а в том самом Бендер-Аббаса, где они впервые создали ее за полтора столетия до этого. Но тем не менее начало было положено. Опираясь на это обязательство, агенты Ост-Индской кампании начали укреплять свои позиции в самом султанате, а затем прекратили его в плацдарм для проникновения в Персидский залив и Аравийский полуостров. Необходимо также отметить, что этот документ был своего рода международным актом, свидетельствовавшим об окончательном расчленении имамата Омая. Ведь Султан бин-Ахмад подписал это обязательство, которое распространялось на все его владения, не получив ни санкций, ни одобрения имама Саида, попрежнему находившегося в Рустаке.

О далекоидущих планах Ост-Индской кампании свидетельствует то обстоятельство, что, несмотря на значительные льготы, полученные от султана, воротилы компании в Бомбее отнюдь не были удовлетворены этим документом. В декабре 1799 г. в Маскат прибыл один из крупных дипломатов, разведчиков и востоковедов Ост-Индской кампании капитан Малькольм. После довольно острой дискуссии, во время которой Малькольм пригрозил, что в случае несговорчивости султана все порты Западной Индии будут закрыты для его кораблей, что было почти равносильно объявлению блокады, Султан бин-Ахмад вынужден был капитулировать. 18 января 1800 г. они подписали обязательство, в котором указывалось, что все недоразумения, существовавшие между ним и Ост-Индской кампанией ликвидированы и что для избежания их в дальнейшем он дает согласие на учреждение в Маскате резиденции политического агента Ост-Индской кампании.⁶ На эту должность был назначен хирург из армии Ост-Индской кампании Богль, который стал "по совместительству" личным врачом султана и таким образом смог одновременно следить как за здоровьем, так и за благонамеренностью поведения своего подопечного. Так на рубеже XIX в. Маскат стал первым арабским государством, где водворились британские резиденты, оставшиеся там, с несколько измененными функциями, до сегодняшнего дня. К экономическому проникновению в Маскат добавилось и постепенное установление политического контроля.

Причины, вызвавшие такую частую смену английских миссий в Маскате, и такой все усиливающийся нажим на султана, отнюдь не ограничивались французской угрозой, или опасностью создания франко-майсорско-оманского союза, о котором так много пишут английские историки. Ведь в 1800 г. Наполеон уже был вынужден покинуть Египет, а Типу Султан был убит. Поспешность действий британских колонизаторов в Маскате была в значительной степени связана с тем, что с запада к берегам Персидского залива прибывали весьма опасные соперники — ваххабиты.

Во второй половине XVIII в. феодальные правители небольшого неджийского княжества Дарийя — эмир Мухаммед ибн Сауд и его сын Абдаль-Азиз, принявшие учение Мухаммеда ибн аль-Ваххаба, названное по его имени ваххабизмом, возглавил борьбу за объединение племен и феодальных княжеств Неджда. В конце 80-х годов XVIII в. Неджд превратился в крупное феодальное теократическое государство во главе с династией Саудилов.

В 1791 г., после смерти основателя ваххабизма эмир Абдаль-Азиз объединил в своих руках светскую и духовную власть в новом государстве. Пытаясь укрепить свои позиции и способствовать экономическому развитию нового государства, саудины стремились получить доступ к портам Персидского залива. В 1793 г. важная в экономическом и стратегическом отношении приморская область аль-Хаса была оккупирована их войсками. В 1798 г. войска полностью разгромили турецкую армию, направленную в аль-Хасу из Басры при содействии представителей Ост-Индской компании. В 1800 г. войска овладели главным портом аль-Хасы Катифом и вышли на большом протяжении к побережью Персидского залива. В 1803-1804 гг. они овладевают оазисом Бурайми и всем побережьем Джавассы. Овладение бахрейнским архипелагом и установлением контроля над Джавассой превратило Ваххабитскую Аравию в крупную морскую державу, оказывавшую значительное влияние на политическую и военную обстановку во всем бассейне Персидского залива.

Все это привело к нарастанию конфликта между ваххабитами и Англией. Британские колонизаторы не хотели допустить появления в Персидском заливе крупного арабского государства, которое стремилось объединить мелкие арабские приморские княжества, обладавшие значительным флотом и моряками.

Объединительные тенденции ваххабитов, их ярко выраженная антитурецкая политика и все усиливающаяся антианглийская нап-

равленность встречали среди рыбаков, моряков, ловцов жемчуга — т.е. основных групп местного населения, жестоко страдавших от английских конкурентов и угнетателей.

К началу XIX в. Англия начинает принимать все более решительные меры для того, чтобы остановить наступление саудилов. Они осуществлялись в нескольких направлениях. С одной стороны, используя свое весьма сильное влияние в Маскате, они подталкивали Султана бин-Ахмада на всемерное усиление противодействия ваххабитам и на использование его крупного флота для захвата Бахрейнского архипелага, с тем, чтобы ограничить маневренные возможности в Заливе. С другой стороны — они подталкивали полуавтономных турецких правителей Багдадского пашалыка на все новые нападения на ваххабитские владения.

Все это свидетельствует о том, что британские колонизаторы уже в рассматриваемый период превращаются в ярых противников народов Персидского залива и всеми доступными способами выступают против арабских стран и народов этого региона. Они делают ставку на феодально-пламенную раздробленность, на разжигание национальных противоречий.

Однако в первые годы XIX в. планы и расчеты английских колонизаторов потерпели полную неудачу. В течение первого десятилетия XIX в. корабли портовых городов Джавассы, фактически контролировали западное побережье Персидского залива. В главном городе Джавассы — Рас эль-Хайме находился губернатор, назначаемый эмиром Саудом. Корабли Ост-Индской компании неоднократно подвергались атакам военных кораблей кавасим. То, что английские буржуазные авторы называют пиратством, в действительности было формой борьбы против британских эксплуататоров, которые в течение полутора столетий лишали местное население, столь тесно связанное с морем, источников существования. Вплоть до 1809 г. британские колонизаторы, основные силы которых были скованы наполеоновскими войнами в Европе и Средиземноморье, второй и третьей войнами с маратками в Индии, не только не принимали решительных действий против Саудии и Джавассы, но даже запретили капитанам своих военных кораблей без самой крайней необходимости вступить в сражение с арабскими моряками. Но в 1809 г. положение изменилось. Во второй половине года временно прекратились военные действия в Европе. Почти одновременно возникла передышка в третьей англо-маратской войне. Между тем напряженная обстановка в Маскатском султанате, где позиции Саид бин-Султана резко ослабли, заставляла Ост-Индскую кампанию, — опасавшуюся того, что дальнейшее бездействие приведет к полной потере ее влияния

не только в султанате, но и во всем районе Персидского залива, — перейти к активной наступательной политике. Это нашло свое выражение в двух скоординированных мероприятиях. Первое было связано с решительными мерами по укреплению позиций в Ираке Арабском и особенно в Иране.

Осенью 1811 г. правитель Египта Мухамад Али начал формально по приказу турецкого султана военные действия против ваххабитов. После нескольких неудач египетским войскам удалось в ноябре 1812 г. овладеть Мединой, в январе 1813 г. — Меккой. Все это резко ослабило положение ваххабитов во всей Аравии и, в частности, в бассейне Персидского залива. Только в 1819 г. Британские колонизаторы решились начать новую войну против Джавассы. Дата эта отнюдь не случайна: в сентябре 1818 г. после пятимесячной осады египетские войска штурмом овладели столицей Саудии Дарией. Ваххабитская Аравия временно прекратила свое существование. Зато египетские войска заняли эль-Хасу, а их передовые части вступили в Катиф. Все это определило решение воротил Ост-Индской кампании разгромить Джавассу и прочно закрепиться на арабском побережье Залива. 8 января 1820 г. генерал-майор Грант Кейр и шейхи княжеств, входивших в состав Джавассы — Абу-Даби, Дибай, Шарджа, Ум эль-Кайвайе и Рас эль-Хаймы подписали документ — так называемый "Генеральный договор с арабскими племенами Персидского залива". Это был тщательно продуманный акт, который явился своего рода эталоном для дальнейших кабальных соглашений британских колонизаторов с правителями княжеств Персидского залива и Красного моря. Заключение договора объяснялось необходимостью "прекращения грабежей и пиратства". "Генеральный договор" знаменовал собой первый этап установления британского протектората над северо-оманским побережьем Персидского залива.

"Генеральный договор" не только положил начало установлению британского протектората в юго-западной части Персидского залива, он также завершил окончательное расчленение древней Оманской державы, начало которому было положено созданием в 1793 г., при самом активном участии английских агентов, Маскатского султаната. Отныне на месте древнего Омана существовал имамат Оман, султанат Маскат и Пиратский берег.

Однако и этим не ограничился ущерб, нанесенный народам региона британскими колонизаторами за первые полтора столетия их господства в Персидском заливе. Они постарались увековечить расчленение арабских княжеств и мелких султанатов, пред-

отвратить их объединение в единый политический организм, они отрезали Неджд от побережья, они прервали существовавшие в течение столетий торговые, экономические и культурные связи между западным и восточным побережьями Залива, они затруднили выход Ирака Арабского к Заливу, попытались подорвать позиции Ирана на восточном побережье. Наконец, они сделали все возможное, чтобы предотвратить самостоятельные торговые и экономические связи между Индией — с одной стороны, арабскими княжествами и Ираном — с другой. Таков итог первого этапа британской колониальной экспансии в Персидском заливе, в которой столь большую роль играло проникновение в Оман и Маскат. До настоящего времени западные, в первую очередь англоамериканские, фальсификаторы истории, пользуясь своей монополией на архивы и документации, извращают подлинную историю Персидского залива, всячески возвеличивают и восхваляют деяния британских колонизаторов, последствия которых до настоящего дня испытывают на себе арабы иранцы — подлинные хозяева Персидского залива.

Вступив в борьбу за контроль над Оманом английские колонизаторы искусно использовали междоусобицу, раздиравшую страну. Они активно поддерживали правителей одного из центров Омана-Маската. Поэтому правители Маската, происходившие из влиятельного рода Бу Саидов, скоро захватили главенствующее положение в стране. Они сумели ликвидировать существовавшую здесь практику выбора главы государства, подчинили феодальных князьков Омана и основали династию наследственных султанов.⁷ Правители Маската связали свою судьбу с английскими колонизаторами и выступили активными проводниками британской политики в этом районе. Только благодаря английской поддержке маскатские султаны смогли сохранить за собой власть в Омане. Однако, пользуясь постоянной помощью Англии, маскатские султаны осуществляли эффективный контроль только над своей столицей и некоторыми прибрежными округами.⁸ Во внутренних районах страны могущественные вожди оманских племен совершенно не считались с маскатскими султанами и их английскими покровителями.⁹

Договор 1798 г. с Маскатом был первым в серии договоров англичан с правителями района Персидского залива. Он явился началом английской агрессии в Персидском заливе в начале XIX в. Во-первых он был направлен на устранение торговых конкурентов и монополизацию рынка. Во-вторых этот договор подстрекал султана Маската против Ирана и преследовал цель создания военной английской базы в самом Персидском заливе, непосредственно на иранской территории.

После смерти султана Ахмада в 1804 г. султаном Маската

стал его сын Саид бин-Султан (1804-1856 гг.). Англо-индийские власти использовали совпадение интересов Ост-Индской компании и Саида Султана, который стремился ослабить позиции персов. Суля устройство военной базы в Бендер-Аббасе, на которую султан мог бы опираться в борьбе с Ираном, английские колонизаторы ставили с одной стороны в зависимость от себя самого Саида Султана, с другой - проникали в глубь Залива, угрожая шаху Ирана. Договоры 1798-1800 гг. положили начало многочисленным английским подстрекательствам оманского правителя к захватам на Персидском заливе. С тех пор Маскат превратился в главный опорный пункт британского колониализма на Аравийском полуострове и исходный рубеж на пути превращения Персидского залива в "английское озеро".

Персидский залив в планах английских колонизаторов рассматривался как отправная база дальнейшей экспансии в Иран, Аравию, восточные вилайеты Османской империи и другие страны Ближнего Востока. Обосновывая перспективы, открывающиеся перед британскими колонизаторами в Маскате, Джон Малькольм в своем донесении руководителем Ост-Индской компании писал в 1808 г.: "Если мы укрепимся в Персидском заливе, все, чего мы пожелаем пойдет должным образом. Отсюда можно "угрожать" Персии, Аравии, Турции".¹⁰

Таким образом, характерной чертой английской агрессии в Персидском заливе на рубеже XVIII-XIX вв., как нового этапа явилось то, что укрепившись в Индии и используя ее как базу, английские агрессоры поставили на повестку дня захват прилегающих к Индии районов, конкретно Персидского залива и прилегающих к нему районов Малой Азии. Конечной целью наступательной политики Англии в Персидском заливе было обеспечение своего господства в Индии и присоединенные к ней новых владений, т.е. создание "средневосточной империи". В то же время Индия была опорной базой для английских колонизаторов не только во всей Азии и в бассейнах Индийского и Тихого океанов, но также и в Африке.¹¹ Планы английских колонизаторов сводились на первом этапе к захвату баз с целью господства над прилегающими арабскими княжествами. Встретив в дальнейшем ряд препятствий и потерпев ряд поражений при попытках открытого захвата военных баз на Персидском заливе, британские агрессоры тем не менее не оставили своего захватнического плана, но, изменив тактику, стремились осуществить захват баз в замаскированной форме, путем так называемой "дружественной оккупации", искусственно создавая предлоги для такой оккупации.¹² Что же до осуществления своей политики в отношении стран, прилегающих к Персидскому заливу, то путь провоцирования межнациональных конфликтов был главным рычагом, подготовившим и обеспечившим политическое

подчинение этих стран английскими колонизаторами и главным средством дезорганизации сил, объединившихся против захватчиков.

В 20-40 годы XIX в. Англия навязала ряд новых договоров правителям Договорного Омана, Маската и Бахрейна и под предлогом нарушения их, вмешивалась в дела этих государств.

Стремясь сделать новый шаг по укреплению своих позиций в Персидском заливе, в особенности в Омане и Маскате, английские колонизаторы использовали в качестве предлога фарисейскую борьбу с рабовладением и работорговлей. Известно, что могущество многих торговых компаний и форм в Англии, в особенности в Ливерпуле, возникло на основе выгодной работорговли, поставкой сотни тысяч негров из Африки во владения европейских держав в Америке. Однако в нач. XIX в. для наиболее развитой в капиталистическом отношении Великобритании рабовладение стало тормозом в развитии экономики. Поэтому британский парламент принимает акт "О запрещении работорговли", а британские власти в Индии и капитаны английских военно-морских эскадр фарисейски используют лозунг борьбы с работорговлей для подрыва колониальных позиций своих соперников в Африке и на Ближнем Востоке, для вмешательства в дела Персидского залива и в частности Омана.

4 сентября 1822 г. английские колонизаторы навязывали султану Маската новый договор "О запрещении рабства".¹³ По этому договору султан был обязан запретить продажу рабов. Английский флот получил право обыскивать оманские суда. Обстановка в Омане усложнилась. Борьба колониальных держав, народные восстания в Омане, междоусобные войны отдельных правителей, привели к ослаблению страны. Маскат находился под контролем английского резидента. Пушки дислоцированной здесь британской эскадры держали в повиновении все побережье.¹⁴ При их помощи английский резидент боролся с народными восстаниями, смещал и назначал правителей, навязывал договоры. Эти договоры периодически подтверждались и возобновлялись. При этом с каждым новым договором расширялись права британского политического резидента в Бендер-Бушире, который фактически управлял всеми этими территориями.

В 1822 г. Англия вынудила шейха Катара подписать соглашение, поставившее внешнюю политику Катара под контроль Англии. Одновременно с закабалением Бахрейна и Катара англичане продолжали укреплять свои позиции в Маскате.

Одновременно Англия усиливает свою экспансию и в Южной Аравии посредством целого ряда акций - договор 1821 г. с имамом Моли (в Северном Йемене), захват острова Сокотра в Аравийском море в 1834 г., и, наконец, оккупация гавани и селения

Аден у султана Лахеджа в 1839 г.

Таким образом к середине XIX в. Великобритания приобрела господствующее влияние в Маскате, Договорном Омане, на Ормузе, острове Харж, на Бахрейне и значительной части Катара.

В конце 60-х г. XIX в. в результате ряда реформ произошло некоторое усиление Османской империи, которое правящие круги страны поспешили использовать для укрепления своих позиций в Иране и на Аравийском полуострове. Реализации этих планов способствовало открытие в 1869 г. Суэцкого канала, которое дало возможность Порте осуществлять морским путем переброску войск из Анатолии в порты Аравийского полуострова и Персидского залива.

В 1871 - 1872 гг. крупный турецкий экспедиционный корпус высадился в Ходейде и приступил к оккупации Йемена. Одновременно турецкие войска под командой генерал-губернатора Багдадского пашалыка Мирхата-паши не только полностью восстановили турецкую власть в нижнем течении Шатт-эль-Араба, но и оккупировали почти весь район западного побережья Персидского залива от Кувейта до Договорного Омана. В главном порту аль-Хасы Катифе и главном городе Катара-Дохе - появились турецкие гарнизоны.

В связи с этими событиями весь британский колониальный аппарат бассейна Индийского океана, Красного моря и Персидского залива был приведен в состояние боевой готовности.

Английскую экспансию в Персидском заливе следует рассматривать не только в рамках вынашивавшихся в Лондоне планов закабаления Арабского Востока, но и в свете широкой экспансии английских монополий на Среднем Востоке. Ведь в 60-70 годах (1862, 1865, 1872) Англия вырывает у шахского правительства концессию на строительство и эксплуатацию телеграфной линии Ханекин - Тегеран-Бушир. Там она присоединялась к английскому подводному кабелю Бушир, Джаск, Маскат-Карачи. Так создавался Индо-европейский телеграф, провода которого связывали Лондон с Бомбеем, но и опутывали густой паутиной экономической и политической зависимости Иран и княжества Персидского залива.

В конце 70-х г. XIX в., в период второй англо-иранской войны английские генералы и разведчики не только руководили вторжением английских войск в Кабул, но и подготовили расчленение Афганистана на несколько вассальных ханств, в том

числе Кабульское, Кандагарское и Гератское.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что новый этап английской агрессии в бассейне Персидского залива на рубеже 70-80 -х годов XIX в. следует рассматривать не только в контексте экспансии на Арабском Востоке, но и в плане английской экспансии в Иране, Белуджистане и Афганистане. В этих планах Персидский залив занимал особое положение. Он как бы соединял афганский и арабский фланги английской агрессии, создавал дополнительные возможности британским колонизаторам для проникновения на запад - на Аравийский полуостров, на северо-восток - в Белуджистан и Афганистан. Это определялось не только центральным положением Персидского залива, но и тем обстоятельством, что для Великобритании - державы, обладавшей малыми сухопутными силами, но мощным флотом, крайне было важно прекратить Персидский залив в гигантскую акваторию для прыжка на Ближний и Средний Восток.

В конце 70-х г. XIX в. тщательно разработанный план вице-короля Индии Литтона, предусматривавший захват всего района Персидского залива южнее Кувейта, подробно обсуждался на нескольких заседаниях британского кабинета и был признан неосуществимым в полном объеме вследствие обострения одновременно как англорусских, так и англо-французских отношений. Поэтому в Персидском заливе решено было применять тактику постепенного продвижения. Как уже отмечалось, важным этапом на пути проникновения британских колонизаторов в Персидский залив был англо-маскатский договор 1798 г. С тех пор позиции английских колонизаторов в султанате окрепли. Они широко использовали флот, базы и влияние султана Маската для проникновения в район Договорного Омана, в особенности на территории, удаленные от побережья, и на Бахрейский архипелаг. В то же время, продолжая свою старую политику, британские колонизаторы делали все возможное, чтобы окончательно оторвать Договорный Оман и Маскат от имамата Оман.

Султанат Маскат представлял большой интерес для британских колонизаторов еще и потому, что со второй половины XVIII в. ему принадлежали острова Занзибар и Пемба и обширные территории на восточно-африканском побережье. Поэтому контроль над Маскатом открывал Великобритании большие возможности для проникновения в верховья Нила и для упрочения влияния в восточной части Красного моря. В свою очередь это создавало дополнительные перспективы для проникновения в Судан и восточные

районы Египта. Такова была взаимосвязь между колониальной политикой британских монополий в бассейне Персидского залива, Красного моря и на Африканском Роге.

Однако слишком большое усиление султаната Маскат к середине XIX в. противоречило интересам британских колонизаторов, ибо могло привести к излишней самостоятельности его правителей. Поэтому в 1856 г. после смерти султана Саида бин-Султана английские власти энергично вмешались в династический конфликт из-за наследства. В 1861 г. вице-король Индии Каннинг навязал претендентам на маскатский престол свой принудительный арбитраж, в результате которого султанат Маскат был разделен на два государства — Занзибарский и Маскатский султанаты. Султан Занзибара обязался выплачивать Маскату ежегодно 86 тыс. рупий в виде компенсации за потерю маскатскими правителями доходов, вследствие самостоятельности Занзибара. Однако в связи с возникшей в 1868–1871 гг. кровопролитной династической борьбы в султанате Маскат, правители Занзибара использовали это в качестве предлога для прекращения выплаты компенсации.

В 1873 г., после того как при помощи британских колонизаторов на маскатский трон был посажен их ставленник Турции, англо-индийские власти стали выплачивать компенсацию из "собственных" средств путем беспощадной эксплуатации народов Индостана, передавались ставленнику английского колониализма в Маскате для всемерного расширения сферы английского колониального господства на Аравийском полуострове и в бассейне Персидского залива.

Раздел ослабил Маскат, облегчил в дальнейшем англичанам захват Занзибара и укрепил их власть над Маскатом. Но французские колонизаторы не хотели отказаться от Маската. Еще в 1846 г. они заключили с ним торговое соглашение¹⁵, а в 1861 г. выступили с протестом раздела Маската на две части. Англо-французский конфликт кончился компромиссом: 10 марта 1862 года Англия и Франция подписали в Париже совместную декларацию о "независимости" Маската и Занзибара.¹⁶ По англо-французской декларации 1862 года Англия и Франция обязались уважать "независимость" этих двух султанатов. На деле соглашение не соблюдалось. Англия рассматривала его как отказ Франции от своих притязаний. Это позволило англо-индийским властям управлять "назависимым Маскатом и Занзибаром", как своими колониями, менять по своему усмотрению султанов и подавлять с помощью английского флота и десантных войск восстания в Маскате

В 1875 г. с помощью подкупа и дипломатических усилий Великобритания добилась покупки контрольного пакета акций Суэцкого канала. Фактически это было еще одним шагом на пути создания "средневосточной" империи британского империализма. В этих планах все большее место отводилось Персидскому заливу, и в первую очередь Маскату. Для укрепления позиций нового султана англо-индийские власти разрешили флоту Турции любые операции в Оманском заливе и Аравийском море. Используя индийскую казну, т.е. средства, которые они выжимали у миллионов индийцев, британские колонизаторы начали осуществлять прямой подкуп правителей Маската и в то же время приобрели дальнейший рычаг для давления на султана Маската. Занзибарская субсидия использовалась султаном Турции и его преемниками и для подкупа феодальной верхушки племен Омана. Турки превратил подкуп в политическую систему. Главная задача этой "системы" заключалась в том, чтобы предотвратить объединение племен хинави и гафири, сорвать единство племен Омана в борьбе против английских колонизаторов и их ставленника маскатского султана.¹⁷

В 1877 г. племена, проживающие в Шаркийа напали на города Маскат и Матрах. Султан не смог оказать сопротивления и вынужден был обратиться за помощью к англо-индийским властям, которые послали на помощь султану военные корабли, артиллерия которых защитила Маскат с моря и вынудила мятежников отступить.¹⁸ В 1883 г., когда на города Маскат и Матрах вновь напали мятежные племена, султан Маската Турции опять обратился за помощью к Англии. Англо-индийские власти вновь оказали аналогичную поддержку султану.¹⁹ В последующие годы корабли Ост-Индской компании продолжали оказывать султану действенную помощь в отражении нападений.²⁰ В феврале 1886 г. полковник Росс, английский политический резидент в Персидском заливе, был уполномочен сообщить султану, что британское правительство поддержит его в случае неспровоцированной агрессии, хотя политика британского правительства была: "не вмешиваться" в динамические междоусобицы".²¹

Документы, приводимые индийским историком Равиндером Кумаром, в первую очередь донесения английских агентов из Маската, свидетельствуют о том, что в течение всего своего правления султан Маската Турции держался на английских штыках.

В последней трети XIX в. в передовых странах Европы и Америки капитализм вступил в свою последнюю стадию, империалистическую. Это нашло свое отражение в борьбе за раздел Северо-Восточной Африки, Ближнего Востока. В 1882 г. британские колонизаторы оккупировали Египет, в 1898 г., потопив в крови восстание махдистов, устанавливают контроль над Суданом. В эти же

годы итальянские колонизаторы отрывают от Эфиопии ее красно-морское побережье, превратив его в свою колонию Эритрею. На рубеже XIX–XX вв. Англия, Франция и Италия завершают раздел Сомали, расчленив страну на свои колонии и протектораты. Одновременно британские империалисты всемерно расширяют свой аденский плацдарм, превращая прилегающие к нему арабские княжества в свои протектораты. В конце XIX в. в борьбу за Ближний Восток активно включается германский империализм. Добившись в 1898 г. от турецкого султана Абдул Хамида II концессии на строительство Багдадской железной дороги, они стремились прорваться – через Багдад, Басру и Кувейт к Персидскому заливу.

Таким образом к концу XIX в. бассейны Красного, Аравийского морей и Персидского залива становятся объектом ожесточенной борьбы империалистических держав. В этих условиях британские империалисты начинают уделять все большее внимание Маскату–Оману, рассматривая его как один из важнейших плацдармов для расширения и упрочения своих позиций в огромном регионе, простиравшемся от Каира и Александрии на западе до Басры, Бендер–Аббаса, Кветты, Гвадара – на востоке.

Между тем еще в конце 80-х годов обстановка в Маскате вновь обострилась. В связи с ростом объединительных и освободительных тенденций в Омане и Маскате даже английский ставленник – султан Турции попытался найти новые способы для укрепления своего положения, кроме опоры на корабельную артиллерию британского флота. Он начал переговоры с султаном Занзибара Баргаши о воссоединении двух султанатов в едином государстве, которое существовало до раздела 1856 г., осуществленного, как уже упоминалось, по арбитражному решению генерал-губернатора Британской Индии Каннинга. В случае осуществления этого плана Турции рассчитывал уменьшить свою зависимость от англо-индийских властей и ослабить противодействие феодально-племенной верхушки имамата Оман. Поскольку это полностью противоречило стратегии британских колонизаторов в этом регионе, в Лондоне решено было принять необходимые меры для торпедирования плана воссоздания Маскатско–Занзибарского султаната. В июне 1888 г. при невыясненных обстоятельствах умер султан Маската Турции.

После его смерти Власть в Маскате захватил его сын Фейсал. Однако против него выступили племена Омана, объединившиеся под руководством Ибрагима ибн Кайса и его дяди Абдул Азиза, который был тесно связан с главной хинави, правителем области Шаркийя Салехом Ибн–Али. Благодаря поддержке Англии

Фейсал разбил своих противников и укрепился в Маскате. Он попытался разъединить своих противников и установить мир с Салехом ибн–Али.

Непрочность положения Фейсала вынудило англо-индийские власти на протяжении двух лет воздерживаться от признания его в качестве султана Маската – факт весьма необычный в истории анломаскатских отношений. Тем не менее они возобновили выплату занзибарской субсидии под тем предлогом, что это было "необходимо", чтобы поддержать де-факто правительства и сохранить порядок.²² После поступления субсидии Фейсал переправил крупную сумму главе хинави Салеху ибн–Али.²³ Щедрая субсидия привлекла на сторону Фейсала правителя Шаркийя Салеха ибн–Али. Что же касается Ибрагима и Абдул Азиза, то они не решились занять наступательную позицию из-за опасения, что Великобритания поддержит Фейсала.²⁴ Поражение Абдул Азиза и Ибрагима заставило в феврале 1890 г. Иейта, политического агента в городе Маскат, поставить вопрос о признании Фейсала англо-индийскими властями.²⁵ Анализируя обстановку в Персидском заливе, он пришел к выводу, что поскольку Иран и Турция, за "которыми маячила зловещая тень России", активизировали свои действия в этом районе, необходимо упрочить не только фактические, но и юридические позиции Великобритании в Маскате. Для этого нужно было официально установить английский протекторат над султанатом.²⁶ Однако установить протекторат над султанатом было нелегко, так как на пути стояла англо-французская декларация от 10 марта 1862 г., которая гарантировала независимость Маскатского и Занзибарского султанатов. Поэтому новый вице-король Индии Ленсдаун смог в марте 1890 г. выполнить лишь первую часть рекомендаций Иейта – признать Фейсала султаном Маската.

Таковы особенности колониальной политики британского империализма в отношении Омана–Маската во второй половине XVIII–XIX кв. Как свидетельствуют приведенные выше факты и материалы, эта политика привела к расчленению крупного Оманского государства, к установлению английского протектората над Маскатом, к разгрому княжества Джавассы и превращению их территории в пресловутый Договорный Оман, также превратившегося фактически в английский протекторат.

Британские колонизаторы превратили Маскат и Договорный Оман в плацдарм для проникновения на Аравийский полуостров и в бассейн Персидского залива. Британская политика не только нанесла огромный экономический ущерб странам этого региона, но и всемерно способствовала обострению отношений между Оманом и ваххабитами, между Оманом и правителями Багдадского вилайета

Османской империи, а также между Маскатом и Оманом, с одной стороны, и Ираном с другой. Все это подготовило почву для установления в конце XIX века официального протектората Великобритании над Маскатом, к превращению Персидского залива в "британское озеро". Вплоть до настоящего дня народы этого региона ощущают тяжелые последствия британской колониальной политики.

П Р И М Е Ч А Н И Е

- 1 Horimer Y.G. Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia, Shannon, Ireland, 1970, vol. I, part. I pp. 420-421.
- 2 Ibid, p. 634.
- 3 Ibid, 635.
- 4 Ibid, 221.
- 5 Ibid, pp. 426-427.
- 6 Ibid, pp. 428-429.
- 7 С середины VIII в. на территории Омана главное положение заняла религиозная секта ибадитов - имамы возглавляли государственные образования на территории Омана. С 1741 г. имамы избирались из рода БУ Саидов.
- 8 Eceles G.T. The Sultanate of Maskat and Oman. With a Description of a Journey into the Interior Undertaken in 1925 "The Journal of the Central Asian Society", 1927, vol. XIV, p. 39.
- 9 Архив Института Востоковедения АН СССР /далее М.А.1/ N.A.Y. Precise of Mascat affairs (1892-1905), p. 6; N.A.Y. Secret E. Pros. September 1890, Nos 248-253.
- 10 Kaye. The life and correspondence of Sir John Malcolm, vol. I, p. 432.
- 11 Распад Британской империи, М., 1964, с. 41.
- 12 Kaye, The life and correspondence of Sir John Malcolm, vol. I, p. 454.
- 13 Aitchison C.U.A. Collection of Treaties, Engagements and Sanads relating. India, vol-s XI, XIII, XIV, Delhi, 1933. pp. 238-261.

14. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран, М. 1965, с. 128.
15. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М. 1965, с. 132.
16. Aitchison. Collection of Treaties... pp. 304-305; N.A.Y. Precise of Maskat affairs (1856-1872). Anglo-French Declaration Regarding the letter from Foreign Office dated 16 October 1861, letter from Foreign Office 30 November 1861.
17. Бондаревский Г.Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX - нач. XX вв.) М., с. 155.
18. N.A.Y. Precise of Maskat affairs (1892-1905), 559, 19
19. Ibid.
20. Ibid.
21. N.A.Y. External A. March 1886, Nos 142-152.
22. Kumar R. India and the Persian Gulf region 1856-1907, h. 1965, p. 72.
23. N.A.Y. Political Agent Maskat to Resident Persian Gulf, 17 June 1888, Nos. 312.
24. Ibid, Nos. 146.
25. Бондаревский Г.Л. Английская колониальная и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX - нач. XX вв.) М., 1968, 155; R. Kumar. India and the Persian Gulf region... p. 72. N.A.Y. Political Agent Mascat to Resident Persian Gulf, to Secretary, March 1890, Nos 128.
26. Ibid.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕНУИ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

В трудах отечественных и зарубежных медиевистов, посвященных исследованию экономических и социально-политических характеристик итальянских колоний или селттельментов в Причерноморье, при всем достаточно подробном и глубоком изучении этого обширного вопроса, сравнительно небольшое внимание уделяется проблематике генуэзской активности на западном побережье Кавказа. Основным предметом изучения историков являлась и является до сих пор социально-экономическая история XII-XV вв. таких крупных опорных пунктов "латинян" на Черном море, как Каффа, Пера и Хиос, что во многом объясняется и наличием содержательных собраний источников. История коммерческо-предпринимательской деятельности Генуи, равно как и эволюция ее взаимоотношений с местными народами в восточном Причерноморье остается изученной лишь фрагментарно, несмотря на очевидное научное, историографическое и методологическое значение этой проблемы для заполнения имеющихся лакун в знаниях о прошлом нашей многонациональной родины. Малочисленность и разобщенность письменных источников и археологических свидетельств, отчасти затрудненный доступ к ним, также существенно осложняют комплексную исследовательскую работу по выявлению истории отношений коммуны Генуи с прилежащими к Черному морю и близкими нагорными районами Кавказа.

Методологическим базисом статьи служат труды К.Маркса и Ф.Энгельса, в частности, "Капитал", "Дополнения к третьему тому "Капитала", "Первый международный обзор",¹ в которых дан научно обоснованный анализ истории развития и функционирования купеческого (торгового) капитала морской республики Генуи эпохи развитого средневековья. Классики марксизма в своих работах неоднократно оперировали историческими примерами, связанными со спецификой торгово-предпринимательской деятельности этой итальянской республики, оставив ценнейшие теоретические и методологические установки для современного исследования вопроса.

Основными историческими документами для изучения этой темы являются, как известно, сохранившиеся нотариальные акты, массарии (счетные книги), донесения, реляции, отчеты и письмен-

ные свидетельства итальянских консулов, других должностных лиц центральной и кафтинской администрации, священнослужителей, мемуары путешественников, постановления, кодексы и статусы официальных генуэзских учреждений и банка св.Георгия, такие крупные собрания исторических документов как "Францисканский архив" и "Церковные анналы". Ценными источниками особого рода следует назвать итальянские географические карты и портоланы, которые уже с середины XIII в. дают весьма подробные географические, до известной степени этнографические и социально-экономические описания Кавказского побережья. Факты, содержащиеся в вышеперечисленных документальных источниках, подтверждаются данными археологических изысканий, этнографическими и этимологическими исследованиями и материалами.

Существенный историко-методологический подход к исследованию средневековья обоснован и раскрыт в трудах А.П.Новосельцева, в том числе в фундаментальной монографии "Генезис феодализма в странах Закавказья".² При изучении эволюции и общего положения генуэзских селттельментов в Причерноморье в XII-XV вв., влияния Генуи на включенные в торговый обмен с этой итальянской республикой народности, отечественные историки, как уже говорилось, преимущественно концентрируют свое внимание на северном и южном берегах Черного моря, Дунайской долине и современной Молдавии. Работы этих авторов, в своей совокупности дают достаточно полную и богатую картину социально-экономической и политической истории присутствия Генуи на Черном море.

С привлечением нового исторического материала, на уровне современной постановки исторической проблематики глубоко исследует вопросы связей Западной Европы с Востоком, в том числе и с Кавказом, в эпоху развитого средневековья, Карпов С.П.⁴ Примером творческого отношения к обработке письменных источников могут служить работы Даниловой Э.В.⁵

В исследованиях отечественных авторов как советского, так и дореволюционного периода нашли свое освещение и отдельные вопросы, причем с привлечением интересного материала, касающиеся генуэзских факторий на Западном Кавказе и только одна статья Е.С.Зевакина и Н.А.Пенчко, опубликованная в 1938 г., специально посвящена этой тематике. Ее авторы делают основной упор на развитии генуэзских поселений в Эххии.⁶ Привлекают внимание работы историков дореволюционного периода Ф.Бруна, И.В.Лучицкого,⁷ в которых авторы опубликовали интересные выводы о локализации генуэзских поселений, географической атрибуции их названий, сделали попытку систематизации некоторых исторических явлений.

Из трудов общего характера, в которых затрагивается тематика деятельности Генуи в восточном Причерноморье, носящих

преимущественно научно-познавательный и педагогический характер и охватывающих значительно больший, чем предложенный автором в этой статье период, следует назвать книги Э.В.Анчабадзе, Ю.М.Воронова, Э.М.Мамиствалишвили.⁸ И.Е.Адзинба, М.М.Трапш.⁸

Содержательные выводы и результаты исследований изложены в трудах и публикациях, комментариях к собраниям источников зарубежных ученых-медиевистов. Общеизвестны и ставшие уже классическими работы румынского ученого Г.И.Братиану, в частности издание нотариальных актов Пера и Каффы конца XIII в.⁹ Богатый фактический и исследовательский материал, обоснованные теоретические положения предложены в фундированной двухтомной монографии французского ученого М.Балара,¹⁰ интересны и по-своему современны, несмотря на то, что вышли соответственно в 1968 г. и 1961 г., книги В.Хейда и Ж.Эйера.¹¹

Историю торгово-предпринимательской деятельности и социально-политических отношений коммуны Генуи с народами черноморского побережья Кавказа условно, как нам кажется, можно разделить на четыре периода или этапа, хотя и не всегда они будут четко очерчены конкретной датой.

Начало первого этапа – период ознакомления, первичной инфильтрации генуэзского купеческого капитала на восточное побережье Черного моря – мы связали бы с возникновением и укреплением генуэзской Каффы в северном Причерноморье, сначала на вассальных правах – т.е. 30-е годы XIII в. – начало 60-х годов.¹² Вероятнее всего от Каффы протянулись пути каботажного плавания к богатым поселениям на кавказских берегах-Мапе, Савастополису, даже Ло Вати. Это сравнительно недолгий период проникновения лигурийских купцов-мореходов на западный и северо-западный Кавказ скорее с ознакомительными или политическими целями. Примерно этим же временем датируются и первые известные генуэзские порто-ланы с весьма тщательными географическими, этническими и отчасти социально-экономическими описаниями открытых заморских земель.

Нифейский договор 1261 г., с которым связано общее падение торгового могущества Византии на Черном море и сосредоточение морских путей в руках коммуны Генуи, мог бы рассматриваться как четкая нижняя граница второго периода – периода экономического, институционального и религиозного закрепления генуэзцев в восточном регионе Черного моря. Данный этап включает в себя такие известные исторические события, как создание в 1313 г., в Генуе Оффициума (или Коллегии) Газарии, которому было внесено в обязанность распространить свою деятельность за пределы Крыма на восточное побережье.¹³ Первые упомина-

ния о консулате в Савастополисе датируются 1354 г., однако ученые-историки справедливо полагают, что Генуя, упорно претендовавшая на роль метрополии в отношении этих заморских земель, учредила консульские посты, должности протекторов, способствовала созданию католических епархий на побережье западного Кавказа несколько раньше. Известно распоряжение понтификата о назначении архиепископа Франко из Перуджи наместником Ватикана в Трапезунде с 1318 г., ему было поручено "заботиться" и о католической церкви во "владениях абхазских князей".¹⁴ Франко из Перуджи продержался на этом посту примерно до 1323 г., а через 6-7 лет уже прямо в Савастополис был послан латинский епископ Петр, о чем свидетельствует его письмо к архиепископу Кантерберийскому, датированное 1330 г.¹⁵ Назначение священнослужителя столь высокого иерархического уровня в савастополисскую епархию говорит и о возросшем значении этого города в глазах понтификата и самой Генуи как опорного пункта "латинян" на Западном Кавказе. Следовательно, вполне допустимо считать верхней границей второго периода, – периода закрепления Лигурии в восточном Причерноморье, 30-е годы XIV в. Уставом 1316 (*orao caffa e*) косвенно подтверждается, что институциональное и, следовательно, экономическое закрепление Лигурии, насаждение консулов, "президентов", т.е. комендантов поселений, других "латинских властей" в зихских, абхазских и мегрельских населенных пунктах произошло, по-видимому, в 20-е 30-е годы XIV в. Ареал нашего исследования в целом и составляют такие приморские города и поселения, в которых были расположены генуэзские селтельменты, как Мапа (Анапа), Суджук (Геленджик) на северозападном побережье Большого Кавказа, Коста (Хоста), Пезонда (близ Пицунды), Савастополис (Сухуми), Ло Вати (Батуми) и Фазо Фасция (Поти) на Восточном побережье Черного моря, а также некоторые нагорные районы.

Третий этап реализации экономических интересов Генуи на побережье Западного Кавказа можно назвать периодом неоспоримого процветания генуэзского торгового капитала на этих берегах, интенсивной эксплуатации местных сырьевых ресурсов, активного торгового обмена между итальянской республикой и народами прибрежного Закавказья. Нижняя граница этого периода – 40-е гг. XIV в. Начавшаяся в 1376 г. война с Венецией несколько пошатнула уверенность Лигурии в монопольном владении торговым обменом с зихским, абхазским и мегрельской (Зап.Грузия) народами, тем не менее другие, более поздние, политические и дипломатические конфликты, события, дали новый импульс торгово-предпринимательской деятельности Генуи в этом регионе.

Верхняя граница периода – середины 50-х гг. XV в., когда было отмечено первое нападение османов на Савастополис (1451 г.), разрушение генуэзской фактории в этом городе местными князьями в 1455 г.¹⁶ С 1453 г.¹⁷ все права на эксплуатацию ресурсов восточного Причерноморья были переданы генуэзским правительством банку св.Георгия, а последнее упоминание о генуэзском представителе в Савастополисе относится к 1474 г.¹⁸ В этот последний период – время упадка экономических связей итальянской республики с Кавказским побережьем Черного моря – окрепли связи зихского, абхазского и менгрельского побережья с Кафрой, захваченной турками только в 1475 г., которым и можно обозначить истощение и фактический разрыв торговых и политических отношений Лигурии с восточным Причерноморьем.

Выделенным этапам истории отношений Генуи с народами Западного Кавказа, инфильтрации закрепления до процветания и упадка торгово-предпринимательской деятельности Генуи на кавказском побережье в целом, соответствует и эволюция структуры экспортноимпортных операций генуэзского купечества, изменение содержания, форм и объема коммерции.

В своем труде "Капитал" К.Маркс указал на работоторговлю как на основной аспект коммерческой деятельности итальянских республик средних веков. Торговля на черноморском и генуэзском рынках невольниками кавказского происхождения, ее динамика и формы, влияние на национальное и социальное становление местных народностей, политические причины и последствия, само по себе, представляют отдельный и интереснейший вопрос истории средневекового Кавказа.

Однако основной темой исследования данной статьи является реализация экономических интересов Генуи на Кавказском побережье в XIII-XV вв. – вопрос внешне достаточно традиционный для историка-медиевиста, специализирующегося на истории черноморского региона, но тем не менее в отношении изучения средневекового восточного Причерноморья страдающий определенными пробелами.¹⁹

Если вспомнить методологически важное замечание Ф.Энгельса о редком успехе генуэзского купеческого капитала, которому удалось добиться на Черном море "монопольной торговли с монопольной прибылью",²⁰ то историю торгово-предпринимательской деятельности генуэзских купцов на Западном Кавказе в XIII-XV вв. и попытки правительства Генуи укрепить политический престиж своей республики в районе, справедливо было бы назвать историей экономической экспансии Генуи, растянувшейся на период свыше двух веков. Коммуна Генуи со специализированными учреждениями типа Оффициума св.Антония, контролировавшего весь работорго-

вый промысел, Оффициума Романии, наблюдавшего за торговлей с черноморским регионом, Оффициума виктуалиум, монополизировавшего торговлю зерновыми, в том числе устанавливавшего оптимальные закупочные цены, имевшего представителей на местах, выступала в известной степени как аналог современной монополии, как своего рода пра-монополия", осуществлявшая, естественно в зачаточных формах, экономическую (вывоз капитала и т.д.) и внеэкономическую экспансию (захват земель и т.д.) на побережье Западного Кавказа. Еще больше аналогий с деятельностью современной транснациональной корпорации можно усмотреть в функциональной активности финансового гиганта средневековья – банка св.Георгия, монопольно эксплуатировавшего, в стоворе и с опорой на привилегии, данные ему местными феодалами, с 1453 г. причерноморские поселения и народы и извлекавшего повышенную норму прибыли на пущенный в оборот капитал. С XIV в., указывал К.Маркс, в Генуе существовали даже кредитные ассоциации, для избавления от господства над оборотом отдельных крупных ростовщиков.²¹

В период развитого средневековья Лигурия вела активную торгово-предпринимательскую деятельность, в том числе занимаясь посредническими операциями при обмене товарами между Западной Европой, прибрежными районами Черного и Средиземного морей, Востоком. К.Маркс писал, что "главный барыш" генуэзцами извлекался не из вывоза продуктов своей страны, а из посредничества при обмене продуктов и из эксплуатации вступивших в обмен обеих производящих стран.²²

В отличие от практики Венеции коммерческо-предпринимательская активность правительства коммуны Генуи не сопровождалась ни сильным латинским проникновением, ни сельскохозяйственной колонизацией. Генуя, как показывают исторические документы, не рассматривала причерноморские поселения на Кавказе как центры для широкомасштабного переселения своих сограждан или рассчитанной на века эксплуатации местных ресурсов.²³ Генуэзцев, даже если они и занимали плодородные земли на побережье, в принципе не интересовало ни участие в производстве местных продуктов питания, то есть развитие агропродовольственных отраслей хозяйства, ни экстенсивное социальное развитие своих селителей.

Реализация экономических интересов республики, в целом, и ее граждан, в частности, были основными практическими задачами Генуи. Следовательно, активность коммуны на побережье Кавказа носила преимущественно неокOLONIALЬНЫЙ, чем колониальный характер в современном смысле этих понятий. Фактический

отказ Генуи от полной колонизации черноморских земель отмечает и М.Балар.²⁴

Именно финансовое могущество было основой господства, находившихся в абсолютном этническом меньшинстве официальных служащих центральной администрации, генуэзского купечества, других поселенцев латинского происхождения. Со второй половины XIV в. отмечены достаточно развитые для того времени инвестиции лигурийцев в локальную экономику. Однако называть коммуны Генуи метрополией в отношении Западного Кавказа можно лишь условно.

Генуэзцы ориентировались прежде всего на укрепление торговых связей с местными феодалами, постоянно стремились к монополии на кавказские рынки сбыта и вывоза продукции. Сельскохозяйственное и другое сырье, дары моря лигурийское купечество рассматривало в основном как поддающуюся коммерциализации продукцию. Коммерсанты экспортировали из Кавказского Причерноморья излишки и изыскивали дополнительные ресурсы, когда для продажи в Западной Европе или в Средиземноморье, были недостаточными. Продукты моря интересовали купцов также исключительно на стадии продажи, в основном, в Константинополе.

Однако укрепление экономических позиций Лигурии на Кавказском побережье, изменения структуры экспортно-импортных операций, естественно, обусловили перемены в облике генуэзского коммерсанта. Из купца, путешественника, вложившего по всей вероятности, все свое состояние в корабельный или караванный груз, фрахт судна, т.е. в одну, редко в несколько торговых сделок, генуэзцы на протяжении двух столетий превратились в предпринимателей, обладавших недвижимостью, иногда взимавших земельную ренту или пытавшихся непосредственно эксплуатировать труд местного населения. Торговля стала регулярной и в основном зависела от флуктуаций политической или экономической конъюнктуры.

Если в XIII в. финансовой основой генуэзской торговли на Западном Кавказе были личные средства купцов, то в ходе ее развития в XIV-XV вв. коммерцию с народами побережья Черного моря финансировали, наряду с купечеством, почти все слои лигурийского общества.

Росту торгового обмена во многом способствовало развитие ремесленного производства. Его структура в причерноморских городах Кавказа была в целом сходна с корпусом процессов и номенклатурой изделий в самой Генуе. Ремесленники ориентировались не только на удовлетворение локальных потребностей,

но, в известной мере, на подготовку к экспорту в Геную и Каффу готовой продукции и полуфабрикатов.

Об организации ремесел в городах кавказского Причерноморья сведений осталось чрезвычайно мало. Известно, что ремесленные гильдии возглавлялись "министрами", назначавшимися властями метрополии. Процессы купли-продажи, оплаты труда, ценообразования строго регламентировались нотариусами генуэзского или вообще латинского происхождения. Особо оберегались "секреты" производства редких и ценных товаров.

Несмотря на размах отношений, сочинения и отчеты итальянских странствующих купцов свидетельствуют, что коммерция Генуи, несмотря на все усилия, имела малоудачные политические последствия". Лигурия не могла утвердиться на Кавказе надолго, поскольку ее связи с этим регионом имели скорее случайный, конъюнктурный характер. Генуэзцам не удалось существенно проникнуть вглубь "богатого" Кавказа и, во-вторых, осуществлению замыслов коммуны воспрепятствовали различные политические обстоятельства, военные и дипломатические конфликты (например, взятие турками Константинополя в 1453 г., специфика отношений с татарскими ханствами и местными феодалами и т.д.).²⁵

Однако целый ряд политических и дипломатических мероприятий центральной администрации в Генуе на протяжении XIV-первой половины XV вв. свидетельствовали о стремлении итальянской республики рпоставить местных феодалов и население в более жесткие политические рамки. Для заморских земель издавались различные уставы, назначались в поселения официальные представители. Для управления черноморскими селтльментами правительством коммуны в 1413 г. был учрежден Оффициум Романии (Коллегия Романии - учреждение, на которое в идеале возлагалась задача управлять Романской империей). Упоминание об этом Оффициуме можно встретить в ряде исторических документов, причем наиболее существенные сведения содержатся в издании "Дипломатического кодекса колоний Тары-Лигурии в период владения банка св.Георгия (MCCCCIII - MCCCCXV)..."²⁶ Веком раньше, примерно с 10-х годов XV в. действовал Оффициум св. Антония (Коллегия св. Антония), чьи основные функции, судя по документам "Кодекса", состояли в сборе налогов от торговых.²⁷ Это учреждение имело своих агентов в Савастополисе и Фазо Фасции.²⁸

С осени 1453 г. все права на черноморские фактории правительство коммуны, в том числе и расположенные на восточном берегу, перешли к банку св.Георгия - крупнейшему финансо-

вому учреждению средневековой Европы XV в.²⁹ – счет погашения государственного долга. По всей вероятности, извлечь в полной мере солидные дополнительные ресурсы из кавказского региона банку так и не удалось, поскольку уже в 1454 г. Генуя лишилась своего консульства в Савастополисе, и экономическая власть генуэзцев была основательно подорвана. Тем не менее, представитель банка продержался в городе вплоть до 1474 г. Следовательно, определенную компенсацию или доходы от деятельности и торговли на абхазском берегу банк св. Георгия все же получил, но отсутствие данных не позволяет дать должную оценку размерам его доходов.

На практике в политическом отношении генуэзские власти преимущественно довольствовались требованием верности от местных феодалов и населения, а также относительно регулярным сбором каких-либо податей – в обмен на скорее символическую, чем эффективную военную защиту.

Основными пунктами контакта генуэзцев с местным населением были города-порты на западном побережье Кавказа. Портовые города-фактории или генуэзские торговые конторы стояли на завершении крупных континентальных и речных дорог, в удобных для навигации и стоянки кораблей местах (бухты, заливы), где и происходило подавляющее большинство коммерческих сделок.

С 20–30-х годов XIV в. к черноморскому побережью Кавказа, стимулированные массовыми закупками товаров генуэзскими купцами, устремились караваны с азиатскими и транскавказскими товарами. Небольшого постоянного населения, размещенного в порту вокруг торговой конторы, было вполне достаточно, чтобы обеспечить регулярность торгового обмена.

Итак, Генуя довольствовалась развитием сети факторий и небольших селений своих граждан, которые обслуживали и защищали коммерческие интересы коммуны. Если Генуя в принципе и намеревалась создать на Черном море "централизованную империю" по образу и подобию венецианской, то у Коммуны ничего не вышло с установлением "строгой иерархии" и полным политическим подчинением черноморских городов-портов.³⁰

Добившись усиления экономической и политической роли города,³¹ чему в немалой степени способствовали и генуэзские правители на местах, в начале XIV в. консулату Каффы удалось достичь почти полной автономии по отношению к подестату Пера. Несколько позже была сделана попытка подчинить себе более мелкие, чем Каффа, города кавказского Причерноморья, хотя, судя по историческим документам, она не удалась. Иерархические связи с Генуей, весьма сильные в Газарии до известного времени, значительно ослабевали по мере приближения к Сава-

стоподису и Ло Вати. Усиление и связанное с ним относительное обособление от метрополии Каффы – емкого регионального рынка и важнейшего опорного пункта на Черном море – весьма тревожило республиканские власти в самой Генуе, стремившиеся с помощью разного рода политических и экономических санкций ватормозить или пресечь этот процесс. Нечто подобное в дальнейшем происходило с Савастополисом, но уже во второй половине XV в., когда набрали силу и сделали успешную попытку к обособлению локальной экономики от давления итальянской республики местные феодалы – князья Шервашидзе.

О напряженных отношениях с местными, особенно абхазскими феодалами в последний период свидетельствует и то, что после нападения абхазов на Савастополис – в 1455 г. – от назначений на достаточно почетную должность протектора в этом крупном портовом городе последовательно отказывались семеро намеченных в Генуе кандидатов. Несколько лучшие отношения сложились у савастопольских владетелей Сабедиано с каффинским консулатом – "надежды на прочный мир".³²

В исследуемый период все торговые города-порты на Черном море имели сходную с метрополией институциональную структуру. "Колониальная" администрация за сто пятьдесят лет развивалась и до определенной степени способствовала осуществлению "черноморского" единства. Консулы, вдали от Генуи, – величили свою власть, разнообразили функции и задачи. Причерноморскими городами – это в целом характерно и для побережья Кавказа – к концу XIV в. управляли, наряду с консулом, небольшие постоянные советы, состоявшие из представителей торговой аристократии латинского происхождения. Местная знать в эти советы не допускалась; у нее была возможность принять участие в одной из многочисленных временных (гораздо реже постоянных) "комиссий", которые под надзором высшего органа принимали решения по тем или иным секторам деятельности: администрирование, снабжение или вопросы обороны. М.Балар указывает, что постоянный рост числа колониальных чиновников ослаблял эффективность и единство действий лигурийской администрации на Черном море: "Генуя перенесла за море свои институциональные ошибки метрополии."³³ Финансовая помощь метрополии, очевидно, была ничтожной, поступления от налогов, таможенных и других сборов едва отвечали нормальным потребностям социальноэкономического развития причерноморских городов.

Одна из причин того, что Генуе не удалось конституировать свою "заморскую империю" – отделенное расположение региона; невозможно было постоянно осуществлять власть и контроль над

Причерноморьем. В этой связи не кажется парадоксальным вывод М.Балара: "Провал планов на создание генуэзской восточной империи означал провал самого Генуэзского государства"³⁴, если вспомнить о жизненном значении этих земель для лигурийской торговли.

В отдельные периоды фактически автономные власти причерноморских торговых городов тяготели к более реалистической и последовательной, чем Генуя, социально-экономической политике, способствуя удовлетворению коммерческих интересов местной элиты. Даже локальные политические конфликты не препятствовали оживленной торговле, а в основном влияли на перемещение региональных рынков-центров сбыта той или иной продукции.

Периоды расцвета и упадка средневековых итальянских городов-государств во многом совпадают с основными направлениями эволюции международной торговли. Базисом активности Лигурии на Западном Еавказе была именно коммерческо-предпринимательская деятельность. В историю международной торговли генуэзские купцы и мореходы вошли как искусные практики своего дела, гибко ориентировавшие коммерческую политику и тонко чувствовавшие все колебания конъюнктуры на мировом рынке. Большой опыт, личная отвага и заинтересованность позволяли генуэзским коммерсантам находить все новые и новые пути к источникам прибыли. Многие исследователи и специалисты по средневековой истории итальянских республик отмечают подвижную структуру генуэзской торговли, ее гибкую адаптацию к изменению экономических или социально-политических условий. Для нашего исследования существенно то, что при сравнительном падении уровня торговли сужении емкости региональных рынков сбыта в Пера и Хиосе, несколько вырос интерес Генуи к Савастополису и Ло Вати.

Связь метрополии с береговыми факториями на Кавказе исключительно поддерживалась морским путем в основном по принципу каботажного плавания. Большое значение для нормального ритма навигации (без учета сезонных колебаний) имела политическая обстановка в бассейне Черного моря, размах морского пиратства, климатические условия и т.д.

Помимо меновой торговли - обмена эквивалентных по стоимости товаров (посредством, например, такой примитивной единицы как отрез боккасины - тонкого льна - на мужскую рубашку), в обороте между Генуей и Кавказом участвовали преимущественно такие денежные единицы (в серебре) как аспры "комнинанты", аспры Газарии и Савастополиса, каффинский соммо, реже - золотой византийский иперпер.

В конце XIV в. каффинский аспр сильно потерял в содержании серебра.³⁵ x Девальвировались монеты и других крупных черноморских городов, чеканивших свою "валюту": в Синопе, например, вес монеты упал до 0,6 граммов чистого серебра. Одному Савастополису удалось сохранить свою монету "хорошего веса": в 1386 г. каффинский соммо (брусок серебра определенного веса) оценивался в 125 савастопольских аспр, тогда как в самой Каффе соммо было эквивалентным в среднем 160 аспрам.³⁶

Генуэзские купцы стремились наилучшим образом инвестировать капитал и получить самую высокую прибыль. Торговля же с Западным Кавказом, несмотря на удаленность этого рынка от метрополии, в целом благоприятствовала быстрому капиталообороту. На развитие генуэзской торговли в немалой степени влиял процент коммерческой прибыли, т.е. чистый доход, полученный от реализации того или иного товара. Например, если в 1283 г. продажа воска, поставляемого с Кавказа, приносила генуэзским купцам 21% прибыли от стоимости товара (включая путевые издержки), то через век, в 1383 г., коммерческая прибыль от перепродажи этого товара в Западной Европе уже составляла 37%.³⁷

Товары или сырье лигурийцы задешево покупали прямо на месте производства или добычи, однако торговый обмен между Генуей и кавказским побережьем был сбалансирован только при условии солидного объема экспорта из Генуи.

Исследование путей генуэзского экспорта указывает на сложную сеть торговли. С одной стороны, были образованы емкие региональные рынки (Каффа, Матрага, Савастополис, Ло Вати). С другой, прибрежные фактории на Кавказе являлись логистическими продолжениями ветвей международной торговли, которые проникали вплоть до самых мелких рынков.

Значительную стимулирующую роль в развитии торговли Генуи с кавказским берегом сыграли выходцы (хотя их было сравнительно немного) из итальянских республик, закрепившиеся на постоянное жительство в поселениях Причерноморья.

На 1290 г., по имеющимся документам, коммерческие инвестиции каффинских генуэзцев достигли 2000 аспров, причем в Савастополисе и в окрестных землях - 1500 аспров. Ло Вати торговал также с Трапезундом (один постоянный контракт) и Копой (один постоянный контракт).³⁸

Торговля сопровождалась интенсивным движением капиталов, Каффинские генуэзцы чутко чувствовали коммерческую

x Н.А.Пенчо, Е.С.Зевакин считают, например, что эта монета греческого происхождения, поскольку право чеканить свою монету Каффа якобы получила лишь в 1453 г.

конъюнктуру. Они последовательно консолидировали деловые связи с различными городами кавказского Причерноморья. Снижение интенсивности торгового обмена Каффы с Западом было до определенной степени компенсировано образованием новых региональных рынков на Черном море.

В конце XIV в. понтийская коммерческая сеть, контролируемая предпринимателями латинского происхождения из Каффы, еще больше расширилась. В их руках полностью находился экспорт зерна из придунайских стран, зерновые ресурсы юга России также поступали в Каффу через эихов. Савастополис, Мапа, Ло Вати и Фазо Фасция находились в постоянных сношениях с Лигурийской республикой. Генуя распространила свою деятельность на все Черное море, практически осуществляя монополию на торговлю продуктами этого региона.

Черноморские рынки, в том числе на восточном побережье, спасли Каффу от асфиксии. Генуэзский рынок, как перевалочный пункт, ранее ориентированный на ось торговли Запад-Восток, в конце XIV в. во многом перестроился для двустороннего обмена с региональными рынками Северного и Восточного Причерноморья. 39

Особо нужно указать на такой крупный источник доходов Лигурии от торговли с местными народами, как сбор пошлины. В Уставе Черноморских факторий, принятом в Генуе в 1449 г., специально подчеркивалось право савастопольского консула взимать пошлину со всех экспортно-импортных товаров в размере "одного процента стоимости товара за ввоз и столько же за вывоз". 40 На эти деньги консулу предписывалось содержать небольшой "таможенный" персонал – письмоводителя, переводчика и курьера.

Ф.Энгельс в "Дополнениях к третьему тому "Капитала" приводит чрезвычайно интересные исторические данные об организации и структуре генуэзских торговых факторий, которые характерны и для поселений генуэзцев на берегах Кавказа. Он пишет, что селтльменты лигурийцев в "чужих" гаванях походили на своего рода гостинные дворы, состоявшие из жилого помещения, трактира, склада, "выставочного" помещения, самого магазина и общей конторы. 41 Торговые сделки в этих конторах проводили сразу несколько купцов: те, которые постоянно жили на месте и обеспечивали регулярный обмен, и странствующие купцы-мореходы, прибывшие со своим товаром.

Ф.Энгельс также отмечает, что генуэзские купцы, объединенные в "законченные торговые товарищества", были ограждены от конкурентов и "посторонних" клиентов; они продавали по ценам, установленным взаимным соглашением и совместно определяли цены,

которые приходилось платить "туземцам" за товары. 42

В кавказских факториях в роли конкурентов посланцам метрополии выступали каффинские купцы латинского происхождения, закрепившиеся на постоянное жительство в Газарии, которые, практически прервав свои связи с Генуей, продавали товары Крыма. Реже, особенно если речь шла об оптовых сделках, конкуренцию могущественной генуэзской и каффинской торговле составляли местные торговцы.

В первые два периода – середина XIII–XIV вв., – торговля Лигурии с черноморским побережьем Кавказа в основном состояла из обмена "сырого продукта" или полуфабрикатов, произведенного или добытого местными народами, на готовую продукцию – изделия более развитого в промышленном отношении Запада.

В третий период экономических связей Генуи с Западным Кавказом генуэзский ассортимент импорта из кавказского региона расширился и частично переориентировался с редких предметов быта и роскоши на сельскохозяйственное и минеральное сырье, лес. Усилился, как справедливо пишет М.Балар, "колонизальный аспект торговли", 43 этот процесс параллельно сопровождался укреплением региональных рынков сбыта, в частности Каффы, Савастополиса, Ло Вати. Эти города преимущественно и направляли опосредованную торговлю Генуи с Кавказом и его побережьем.

Если в XIII–первой половине XIV вв. лигурийцы концентрировали основное внимание на скупке и вывозе с кавказского побережья предметов караванной торговли (таких, как драгоценные металлы и камни, шелк, меха), то в последующее столетие перечень товаров был существенно дополнен. Генуя импортировала и частично перепродавала дальше, в Западную Европу, Византию, Трапезунд такие товары как древесина (из Абхазии ценные породы – самшит, розовый бук и т.д.), корабельный лес, кожи и меха (в том числе необработанные звериные шкуры), продукты бортничества (мед, воск), смолу, зерновые культуры, шелк-сырец и шелковые ткани. Изменились и функции портовых городов и поселений восточного Причерноморья. Из пунктов эпизодических торговых сделок с владельцами караванов или морских судов они становятся центрами регулярной посредническо-предпринимательской деятельности, стимулируя, в том числе, добычу драгоценных металлов и полезных ископаемых (например, разработку серебряных и серебряно-свинцовых копей в долине реки Гумиста, поселение Сант-Анджело), объем и спецификацию необходимой вырубке леса,

поставки невольников, и т.д.

Восстановить количественную сторону генуэзских коммерческих операций и ценоформирование довольно трудно. Лишь малая часть торговых документов (заказы, перечень путевых издержек, нотариальные акты, фрахтовые документы, и т.д.) называют количество товара, дают точный список экспортируемой продукции. Договоры о фрахте судна также не содержат необходимых сведений, в них в основном проставлена общая цена товара на корабле. Источники показывают, что генуэзские купцы были гораздо более внимательны к прибывшим из региона Черного моря судам, чем к отправленным, иначе говоря, к импортированным товарам, чем к экспорту. Современным исследователям осталась очень фрагментарная информация, которая вряд ли отражает в полной мере структуру генуэзского экспортно-импортного обмена с побережьем Кавказа.

Перечень экспортно-импортных товаров существенно менялся — в зависимости от торговой конъюнктуры, потребностей, с одной стороны западно-европейского и средиземноморского рынков, с другой — кавказского рынка; во многом — от политической и социальной обстановки в том или ином включенном в процесс торговли районе.

В числе товаров, предложенных Лигурией к экспорту на Западный Кавказ (включая продукцию других стран Западной Европы, которую генуэзцы перепродавали или посредничали при ее продаже), в реляциях купцов, нотариальных актах и других документах значатся цветные и простые ткани (сукно, холст, лен, шелк), хлопосырец, ковры, изделия из железа, соль; в основном для Эххии — специи (имбирь, шафран, горчица), благовония (ладан, амбра); рыба, рис, в меньшей мере — вино и растительное масло, сушеные фрукты; предметы обихода, украшения (кораллы), мыло, пеньковые веревки, особые сорта мехов, драгоценные металлы, в том числе обработанные, и т.д.

Вся эта продукция доставлялась преимущественно морем в портовые фактории, оседала на складах и оттуда, по необходимости, расходилась по побережью и даже вглубь Кавказа. Основными потребителями предметов роскоши, дорогих французских и ломбардских тканей, популярных сабельных клинков с инкрустацией или гравировкой была местная знать. Трудовое население было заинтересовано преимущественно в поставках соли, дешевых сукон и холстов, оловянной посуды и т.д.

Судя по имеющимся историческим документам, с серьезным опережением список экспортных товаров открывает продукция западной текстильной промышленности, хотя, к сожалению, цены

на нее практически неизвестны.

Экспортировалось преимущественно сукно, в том числе яркочерное и голубое, шелковые и хлопковые ткани тонкой выработки (в том числе бумазея или бокассин, кисея), букарин (дорогая ткань типа муслина), холщовое простое полотно, а также тесьма, готовые туники и рубахи, нитки, канва и т.д.

Генуэзские купцы в основном выполняли функции перекупщиков и поставляли на Кавказ французские, фламандские и северо-итальянские сукна и ткани. Перепродажа тканей была довольно прибыльным делом, доходы торговцев составляли от этой операции до 20% стоимости товара.

Значительная часть шелковых и хлопковых тканей, представленных к экспорту, была изготовлена на мануфактурах Западной Европы из импортированного с Востока самой Генуей сырья. Экспортно-импортные операции генуэзского купечества позволили в XIV-XV вв. создать обширную коммерческо-производственную сеть средневекового текстиля, благодаря которой ресурсы Запада и Востока взаимодополнялись. Необходимо также отметить, что феодалы и ремесленники Эххии охотно покупали у генуэзцев хлопосырец для изготовления дешевых тканей на месте.

Геную XIII-XIV вв. смело можно назвать центром мировой торговли шелком. Ее рынок снабжался в основном из трех производственных регионов: Малой Азии, прибрежных областей Каспийского и Черного морей, из отдаленного Китая. В нотариальных актах, закреплявших процесс купли-продажи шелка-сырца и шелковой ткани, называются такие сорта шелка (в том числе транскавказского) как иуреа (или иурия), канция (из Ганджи, близкой к Грузии), каннария (с Карабахской равнины), шелк камирия (возможно, производившийся в Шемахе) и т.д. Многие партии этих сортов шелка, по-видимому, поступали в Геную и Каффу с Савастопольского и Батумского рынков, использовавшихся и как перевалочные пункты. В XIII в. (данные приводятся по 1260 г.) транскавказский и кавказский шелк на генуэзском рынке ценился больше китайского. Цена куса шелка с Кавказа достигала примерно 24 су, а китайского — 20 су.⁴³

Потребности Генуи в шелке, начиная с 30-х годов XIV в. во многом удовлетворялись транскавказской и кавказской продукцией. Упоминания о рынке шелка в Ло Вати можно встретить и в XV в.: в 1402 г. некий армянский торговец из Транспезунда закупил (по поручению сарацина,^x приближенного ко двору властите-

^x сарацины — название ряда кочевых племен Аравии; в средние века распространилось на всех арабов и некоторые другие мусульманские народы Ближнего Востока.

теля Гилана) партию шелка стоимостью от 100 до 200 каффинских соммо. Однако этот шелк был конфискован "сеньором владетелем" Ло Вати.⁴⁴

На втором месте стоял экспорт железа и изделий из него, в сравнительно меньшей степени – боевого оружия, периодически запрещенного властями коммуны к вывозу в политически нестабильные районы Кавказского побережья (например, в середине XV в. в район Савастополиса).

Если судить по разнообразию ассортимента представленных в экспортном каталоге железных изделий, то можно сделать вывод, что причерноморские районы Кавказа были скудно обеспечены железной рудой хорошего качества. В свою очередь, Генуя с XIV в. получила доступ к железным рудникам на острове Эльба. Консулы и их охрана в кавказских поселениях получали средства защиты непосредственно из Генуи, реже – из Каффы, довольно хорошо снабжавшейся оружием.

В "разрешенные" районы Лигурия вывозила достаточно много разнообразного оружия. Этот вид торговли был практически монополизирован несколькими крупными торговцами из Генуи, которые сами, судя по документам, были оружейниками, владельцами мастерских.

В экспортируемые товары входили щиты, кирасы, кольчуги, шлемы, мечи, сабли, сабельные клинки и шпаги, боевые ножи, кинжалы, копья из железа. В нотариальных актах были проименованы также железные сундуки – сейфы. Вывозилась на Кавказ медная проволока, олово и изделия из него. Особое место в экспорте металлической продукции занимали драгоценные металлы, чрезвычайно необходимые для поддержания платежного баланса генуэзской торговли, борьбы с возможным коммерческим дефицитом. На кавказском побережье ценились слитки серебра в виде брусков, использовавшиеся и для установления менового соотношения золото-серебро.

В Савастополисе и Ло Вати высоко котиrowалось обработанное серебро (парадные пояса, кольчуги, кирасы и щиты, кубки и другая посуда, украшения), цена которого складывалась не только из рыночной стоимости самого металла, но и стоимости искусной работы серебряных дел мастеров, завышенных в силу торгового риска, путевых издержек. С конца XIII в. начинается экспорт золотой нити, украшений из золота и драгоценных камней, кораллов.

Однако факт существования серебряных и серебряно-свинцовых копей в ущелье абхазской реки Гумиста показывает, что внутренний рынок пополнялся серебром и местного проис-

хождения. Данных о вывозе с Кавказа свинца в исторических документах нет.

Генуэзцы широко поставляли на рынки кавказского Причерноморья соль – очень ходкий и популярный товар во всех слоях общества. С конца XIII в. генуэзцы из Каффы по сути дела обеспечивали снабжение Ло Вати и Савастополиса солью. По мнению З.В. Даниловой, торговые пути в Каффу с кавказского побережья проходили через крепость Воспора (ныне Керчь), где генуэзский консул взыскивал пошлину со всех судов, экспортировавших соль и лес и тем самым контролировал эту торговлю.⁴⁵

В нотариальном акте, датированном 26 апреля 1290 г., говорится о том, что Ингретто делла Вольта и его компаньон Даниэль Гриллес сдали в наем на правах фрахта Ибрагиму из Савастополиса свой корабль типа тариды для загрузки в Лумприко 10 мюдами соли и продажи этой соли в Синопе по цене 4 аспра за мюид.⁴⁶ (Тогда каффинский мюид примерно равнялся 281,51 килограмму, а савастопольский – 235, 719 килограмм)⁴⁷. В свою очередь, продажа вина, растительного масла, риса (кроме районов Черкессии), сушеных фруктов и рыбы, занимавшая третье место в общем списке торговли Генуи в XIII-XV вв., для Кавказа не имела особого значения. Не являлись народы (кроме, возможно, эихов) исследуемого региона и сколь-нибудь значительными (в сравнении со странами Средиземноморья и юга Черного моря) потребителями специй и благовоний, хотя эти товары были богато представлены в ассортименте "выставочных" помещений генуэзских факторий.

Значительны были потребности Генуи, практически не сеявшей своих злаков, в зерне. Необходимо было снабдить продовольствием население самого города, превышавшее в XIV в. 50 тыс. человек, прибрежные поселки, а также изготовить большое количество пшеничных сухарей – основного продукта питания экипажей многочисленных кораблей. Высокосортная пшеница нужна была и для поддержания уровня жизни, так как богатая Генуя предпочитала белый хлеб изделиям из других, более дешевых злаков.

Для Генуи, как вряд ли для какого-нибудь другого из средневековых городов, торговля пшеницей являлась массовым и широко-масштабным видом коммерции. Для регулирования рынка пшеницы, проса, ячменя и других зерновых культур в Генуе с 1361 г. был создан *Оффициум Видуэалиум*.^х

На Черном море не было ни одного в массовых масштабах сеявшего зерновые культуры района, который не посещался бы

^х Эту специализированную бюрократическую организацию породила, видимо, война Лигурии с Беннецией и Каталонией; которая в

генуэзскими закупщиками. С начала XIV в. пшеница в Геную поставлялась с болгарского берега (Варна), из Добруджи. Каффинская пшеница, поступавшая из южных районов России, считалась наилучшей на всем Черном море, но ее поставка на генуэзский рынок целиком зависела от отношений с татарами.⁴⁸

У зихов наиболее посещаемыми были такие "пшеничные" порты как Калинимено, Азиагон и, особенно, Матрега и Мала. Закупка пшеницы в Мале была почти полностью сосредоточена в руках крупнейшего торгового дома Дживанни ди Сан Донато.⁴⁹

На восточном побережье Черного моря генуэзцам свои зерновые ресурсы охотно предоставляли Савастополис и Ло Вати.^{xx} Существуют свидетельства, что Генуя уже в 70-х годах XIII в. закупала зерновые у зихов.⁵⁰

Советский исследователь С.П. Карпов ссылаясь на данные итальянского исследователя Дж. Муссо,⁵¹ также отмечает наличие импорта зерна с Западного Кавказа.⁵²

В первой половине XIV в. Генуя снабжалась зерном из восточных регионов Черного моря довольно регулярно. После 1350 г. анналы "Габелла грани" и Оффициума Виктуалиум позволяют, пишет М. Балар, лучше оценить значение этих поставок и сравнить их с другими источниками снабжения.^{53 x}

середине XIV в. прервала поступление сухопутных караванов пшеницы с Западного Причерноморья и дунайской равнины. Роль выборного Оффициума преимущественно сводилась к организации рынка, т.е. к посредничеству между хозяевами кораблей и торговцами зерном. В случаях затруднений с поставками пшеницы и других зерновых Оффициум Виктуалиум располагал правом направлять своих представителей в регионы-производители хлеба для закупок на местах.

xx Об интенсивных закупках Генуи пшеницы и зерновых в этих городах свидетельствуют нотариальные акты, датированные 28 апреля и 21 мая 1360, 1374, 1386 гг., которые сосредоточены в государственном архиве Генуи (Архив Сегрето) и в архиве "Каффа массария".

xxx Итальянский путешественник XIV в. Франческо Балдучи Пегалотти в своих записках указал на значение для снабжения Генуи зерном побережья, населенного зихами. Важность этого региона продовольственных поставок для Генуи и Каффы во многом определяла заинтересованность в исходе войны Каффы с татарами из Сольгата.

x В 70-е годы XIV в. Оффициум направляет своих представителей на места - в регионы-производители зерновых, чтобы стимулировать поставки, в частности в Малу, Савастополис и Ло Вати.

Война с татарами из Сольгата нарушила налаженные регулярные поставки зерна. Генуя была вынуждена закупить в 1384 г. 15-20 тыс. мин зерна в Париже и Брюгге, поэтому с 1386 г. вновь повышается заинтересованность генуэзцев в зерне из Болгарии и кавказского Причерноморья. Этот хлеб предназначался не только для внутреннего рынка, но и для снабжения ряда других черноморских городов и факторий. Так, в XIV-XV вв. хлеб из Каффы и с абхазского и черкесского побережья поставлялся в Трапезунд и Византию, минуя Геную.

Эти процессы еще не означали прекращения экономической эксплуатации Причерноморья со стороны Генуи, хотя Каффа, Пера экономически и политически отделились от итальянской республики, начав проводить линию на укрепление и защиту своих собственных местных интересов. Несмотря на то, что к 1400 г. связи между Генуей и черноморскими городами-портами несколько ослабевают, позиции генуэзских купцов на Кавказском побережье продолжают оставаться достаточно прочными до середины XV в. и этому во многом способствовала заинтересованность Лигурии в вывозе пшеницы.

Коммерческо-предпринимательская деятельность итальянских морских республик - Генуи и Венеции - была характерным и ярко выраженным феноменом мирового исторического развития в эпоху развитого средневековья.

Ф. Энгельс указывал на то, что норма прибыли генуэзских купцов в их морской торговле была чрезвычайно высока в силу рискованности самого предприятия, а также отмечал их стремление сделать эту норму равной для всех итальянских торговцев. При этом несомненно, что условия сбыта генуэзских товаров основывались на данных "чужеземными князьями" привилегиях, которые довольно часто нарушались или вообще отменялись⁵⁴ к сиюминутной выгоде местных феодалов.

Огромные торговые барыши генуэзского купечества послужили причиной расцвета средневековой Генуи, но, как это ни парадоксально, также причиной ее упадка. "Изгнанная" османами из международной торговли на Востоке, Генуя с конца XV в. не смогла найти применения огромным капиталам в своих пределах⁵⁵ и фактически задохнулась "во власти денег".

С одной стороны, население земель, где были расположены итальянские селтльменты, по сути дела подвергалось двойной эксплуатации: в силу действия марксового закона самостоятельного развития купеческого капитала, т.е. его стремления к повышенной норме прибыли⁵⁶ генуэзцы и прямо, или опосредованно - через местную феодальную знать -

эксплуатировали народы кавказского побережья. С.П.Карпов отмечает, что не всегда инициатива местных торговцев подавлялась генуэзской конкуренцией; они – иногда самостоятельно, иногда вместе с итальянцами осуществляли торговые операции в региональных масштабах.⁵⁷

Но как конкретный историко-экономический процесс, деятельность генуэзцев в исследуемом регионе имела и свою положительную сторону. Помимо задач собственного обогащения и улучшения положения Лигурии, генуэзские купцы сыграли в экономической истории развития причерноморских городов-факторий Кавказа объективно прогрессивную роль. Они привнесли в эти сравнительно отсталые (с Западной Европой) районы новые знания, более современные средства производства и земледелия, более совершенные приемы ремесленного мастерства и мореходства, эстетически сделанные предметы домашнего обихода. Они участвовали в снабжении центров кавказского побережья – Савастополиса и Ло Вати – продовольствием и оружием. Кроме функций "носителей" прогресса и снабженческой деятельности, генуэзцы часто служили связующим звеном, посредниками в экономических, социальных и политических отношениях между различными регионами Черного моря, городами Средиземноморья и дальше Западной Европой.

Для комплексной оценки влияния коммерческой деятельности Генуэзской республики на народы кавказского побережья исключительное значение имеет сделанное К.Марксом и Ф.Энгельсом сравнение последствий морской торговли средневековой Генуи с современным им предпринимательством Нью-Йорка и Калифорнии. В работе классиков марксизма "Первый международный обзор" говорится, что и в том, и в другом случае торговое "золото разливалось потоком" и втягивало даже самые "непокорные варварские народы в мировую торговлю и цивилизацию".⁵⁸ В этом сравнении содержится не только косвенная оценка роли Генуи в развитии международной торговли, но и указано на позитивные аспекты ее социального и культурного влияния.

Изучение истории экономических и социально-политических отношений народов, населявших в XIII-XV вв. побережье Западного Кавказа, с Генуей далеко не исчерпано и еще несомненно нуждается в адекватном осмыслении на современном уровне исторического знания.

П р и м е ч а н и я

- 1 Маркс К., Капитал, т.2, кн.2, т.3, кн.Щ:
Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т.24; т.25, ч.1-2;
Энгельс Ф. Дополнения к третьему тому "Капитала".
Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т.25, ч.2;
Маркс К., Энгельс Ф. Первый международный обзор. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.7.
- 2 Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья. Москва. 1980.
- 3 Бадян В.В. Генуэзская феодальная колонизация Северного Причерноморья в историографии дореформенной России. – Вопросы истории народов СССР, вып.6. Харьков, 1969, с.135-141 (на укр.яз.); Его же. Генуэзская феодальная колонизация Северного Причерноморья в русской историографии капиталистического периода (1861-1917). – Вестник Харьковского университета, 1970, № 45, с.48-53 (на укр.яз.); Его же. Советская историография генуэзской колонизации Северного Причерноморья в XIII-XV вв. – Вестник Харьковского университета, 1967, № 22, с.103-111 (на укр.яз.); Бадян В.В., Чиперис А.М. Торговля Каффы в XIII-XV вв. – В кн.: Феодальная Таврика. Киев, 1974, с.174-189; Гольдшмит И.А. Каффа – генуэзская колония в Крыму в XIII – первой половине XV вв. Автореф. канд. дисс. – М., 1952; Зевакин Е.С. и Пенчко Н.А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях северного причерноморья в XV в. "Исторические записки", 1940, № 7; Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837; Скржинская Е.Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. – "Византийский временник", 1947, № 1, с.215-234; Старокадемская М.К. Очерки по социально-экономической истории генуэзской Каффы конца XIII первой половины XV в. Автореф. канд. дисс. М. 1950; Чиперис А.М. К истории ранней генуэзской колонизации Северного Причерноморья. Вторая половина XIII в. – УЗ ТГУ, вып.27, сер.истор.наук. Ашхабад, 1964, с.30-48; Чиперис А.М. Социально-экономическое положение и движение моряков, социев и стипендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV-XV вв. – УЗ КПИ, вып.9. Нальчик, 1956, с.67-79; Чурсина С.А. Акты генуэзских нотариусов как источники для изучения средневековой торговли. УЗ ЯПИ, 1970, вып.76, с.56-70.
- 4 Карпов С.П. Трапезундская империя и западно-евро-

- пейские государства в XIII-XV вв. М., 1981. Его же: Образование Трапезундской империи и роль Грузии (1204-1215). - В кн.: Всесоюзная научная конференция "Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья" май 1975 г. Тезисы докл. Тбилиси, 1975, с.83-85; Его же: Трапезунд и Константинополь в XIV в. - "Византийский временник", 1974, № 36, с.83-99.
5. Д а н и л о в а Э.В. Каффа в начале второй половины XV в. В кн.: Феодальная Тафрика. Киев, 1974, с. 189-214.
6. З е в а к и н Е. и П е н ч к о Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. "Исторические записки", 1938, № 3, с.72-129.
7. Б р у н Ф. Черноморье. I-П. Одесса, 1879; Его же.: Восточный берег Черного моря по древним периплам и компасным картам. 300ИД, т.9, Одесса, 1875; Л у ч и ц к и й И.В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886.
8. А н ч а б а д з е З.В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959; В о р о н о в Ю.Н. Диоскуриада - Севастополис - Цхум. М., 1980; М а м и с т в а л и ш в и л и З.М. Сведения итальянских путешественников о Грузии. Тбилиси, 1981. И.Е.А д з и н б а. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958, М.М.Трапш.Труды, т.4. Сухуми, 1969.
9. Bratianu G.j. Actes des notaires génois de Pera et de Caffa de la fin du treizieme siècle (1281-1290) Bucuresti, 1927; la Mer Noire. Des origines a la conquete. Munchen, 1969 Resherches sur le commerce Genoie dans la Mer Noire au XIIIe s. Paris, 1929.
10. Balard M. la Romanie genoise (XIIIe-debut du XVe siècle), vol. I-II Roma-Genova, 1978.
11. Yeyd W. Histoire du commerce du levant au moyen-age. vol. I-II. Leipzig, 1885-1886; Heers Y. Genes au XVe siècle. Activité économique et problèmes sociaux. Paris, 1961.
12. В е д р о в В.М. Об итальянских колониях в XIII веке в Хазарии. Труды I археологического съезда в Москве в 1869 г. М., 1971, с.406.
13. См.Б р у н Ф. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки. Труды I археологического съезда в Москве в 1869 г.М., 1871, т.2, с.376.
14. См.Б р у н Ф. О поселениях.... с.378.
15. См. Heyd W. le colonie commerciale degli italiani in Oriente. Venezia, 1868, vol. II, p.62.
16. См.например: Б р у н Ф. О поселениях.... с.387. Его же.

- Черноморье, ч.1, с.217.
17. Д а н и л о в а Э.В. Каффа, с.191.
18. См.Б р у н Ф. О поселениях....с.387.
19. На этот факт указывает также итальянский историк В.Полонио. Polonio V. l'amministrazione della repubblica genovese fra Tre-e Quattrocenta d'archivio "Antico Comune. Genova, 1977, p.42.
20. М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т.25, ч.2, с.477.
21. М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т.25, ч.2, с.151.
22. М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т.25, ч.1, с.361.
23. Balard M. Op. cit., vol. II, p.701..
24. Ydem., p.887.
25. См.подробнее "Кавказ", 1867, № 53.
26. Codice diplomatica colonie Tauro-higuri durante la Signaria dell Ufficio di S.Giorgio. Sn: Atti della Societa higure di storia. vol. IV. Geneva, 1868-1871; См. Codice... vol. p.37.
27. В е р л и н д е н Ш. Торговля на Черном море с начала Византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 г. Тезисы доклада на Московском конгрессе исторических наук. М., 1970, с.9.
28. В е р л и н д е н Ш. Торговля. , с.9.
29. См.подробнее о банке Св.Георгия: Д а н и л о в а Э.В. Каффа... , с.191-192, 196-200.
30. Balard H. Op. cit., vol. II, p.890.
31. Б а д я н В.В., Ч и п е р и с А.М. Торговля Каффы в XIII-XV вв...., с.182.
32. См.З е в а к и н Е.С. и П е н ч к о Н.А. Очерки....., с.114.
33. Balard H. Op. cit. vol. II, p.891.
34. Ydem., p. 892.
35. З е в а к и н Е.С. и П е н ч к о Н.А. Очерки.....с.96.
36. Balard H. Op. cit. vol. II, p. 668.
37. Подсчитано по Balard M. Op. cit. vol. II, p. 736.
38. См.по данным Balard M. Op. cit. vol. II, p. 855.и следующие
39. Balard M. Op. cit. vol. II, p.571
40. Ю р г е в и ч В. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году. 300ИД, т.У, с.809.
41. М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т.25, ч.2, с.476.
42. М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т.25, ч.2, с.476.
43. Balard M. Op. cit., vol. II, p.726.
44. Ydem., p. 733.
45. Д а н и л о в а Э.В. Каффа....., с.209.
46. Bratianu G.Y. Actes...., p. 278.

- 47 Данные М.Б а л а р а: См. Balard M. Op. cit vol. II, p. 898.
- 48 Подробно см. Balard M. Op. cit., vol. II, pp. 740-760.
- 49 Ydem., p 754.
- 50 См. Canale M. les estoues de Venise Florence, 1972, p. 328.
- 51 Musso G. Note d'archivio sulla "Massaria" di Caffa. Studi Cecniensi (1964-65) 1968, p. 87.
- 52 К а р п о в С.П. Трапезундская империя. , с. 32, 92.
- 53 Balard M. Op. cit. vol. II, p. 751.
- 54 М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 477.
- 55 М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 12, с. 378.
- 56 М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 25., ч. 1, с. 361.
- 57 К а р п о в С.П. Трапезундская империя...., с. 42.
- 58 М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 7, с. 232.

Р.Е.Д ж о н у а

ОЧАМЧИРСКОЕ РАПО – КОНКРЕТНАЯ ФОРМА МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Одним из основных направлений повышения уровня благосостояния народа на 80-е годы XXVI съезд КПСС назвал улучшение снабжения населения продуктами питания, а также промышленными товарами широкого потребления. При этом, центр тяжести в решении этой проблемы переносится на рост продуктивности сельского хозяйства, на углубление и совершенствование его связей со всеми отраслями агропромышленного комплекса. А это значит, что сельское хозяйство необходимо поднять на качественно новую ступень развития.

Практика показывает, что урожай выше там, где вводятся научно-обоснованные системы земледелия, хорошо налажено семеноводство, используются передовые приемы и методы, где идет постоянный поиск нового, лучшего, тщательно отрабатываются применяемые виды технологии и приемы агротехники. В каждом регионе при одних и тех же природно-климатических условиях и одинаковой оснащенности основными фондами имеются колхозы и совхозы, которые добиваются разных результатов работы, по разному используют имеющиеся возможности. Вот почему перед советской экономической наукой стоят задачи исследования вопросов формирования АПК, обобщения практического опыта межхозяйственного кооперирования и агропромышленного интегрирования разработки на этой основе научно-практических рекомендаций по эффективной территориально-отраслевой структуре АПК на перспективу, совершенствованию его управления и планирования. Для решения этой проблемы требуется значительно улучшить производственно-экономические отношения как в самом сельском хозяйстве, так и в агропромышленном комплексе в целом. Нужно при этом иметь в виду, что с дальнейшим развитием сельского хозяйства, его связи с различными сферами народного хозяйства будут расширяться, еще более усложняться. АПК, как специфически социалистическая форма организации общественного труда, функционирующая на основе сбалансированного и взаимоувязанного развития сопряженных отраслей, реализует систему социально-экономических целей, важнейшими из которых являются "обеспечить неуклонный подъем мате-

риального и культурного уровня жизни народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности советских людей."¹

Проводимые исследования, экономические эксперименты показывают, что на современном этапе развития экономики республики, а также страны в целом, для эффективного управления агропромышленным комплексом в административном районе, успешного регулирования здесь процессов специализации и концентрации производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, наиболее целесообразной и эффективной формой управления являются районные агропромышленные объединения (РАПО). О правильности такого утверждения свидетельствуют результаты, полученные в Абашском и Махарадзевском районах.

С образованием объединения возрастают роль и значение сельского района в организации управления социально-экономической деятельностью агропромышленного комплекса.

Как экономическая категория районное АПО является теоретическим выражением той сферы производственных отношений, которые возникают при соединении рабочей силы со средствами производства технологически, экономически и организационно взаимосвязанных единым циклом производства готовых продуктов сельскохозяйственного происхождения, агропромышленных, специализированных сельскохозяйственных, перерабатывающих сырье промышленных предприятий, а также подразделений по хранению, транспортировке и реализации продукции. На наш взгляд, районные агропромышленные объединения являются перспективной формой организации и управления агропромышленного производства, они наиболее соответствуют современному этапу развития процесса агропромышленной интеграции в нашей республике. Уже то, что районное АПО есть одна из форм АПК, предопределяет его как более высокую ступень в обобществлении производства, а, следовательно, и как более совершенную подсистему производственных отношений. Примененные к данному единству производительных

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, М., 1981 г., с.136.

сил и производственных отношений хозяйственные принципы реализуются наиболее полно.

Возникновение районного АПО обусловлено теми же предпосылками, которые вызвали процесс агропромышленной интеграции. Особо важную роль в образовании РАПО сыграли такие предпосылки, как характер и степень специализации сырьевой зоны в целом, соответствие производственных и управленческих структур сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, развитие перерабатывающей промышленности и приближение ее подавляющей части к источникам сырья, т.е. к сельской местности. Создание РАПО является организационным оформлением сложившихся агропромышленных связей и производственно-экономического единства, соответствующих подразделений народнохозяйственного агропромышленного комплекса и в то же время служит основой их дальнейшего развития.

РАПО, бесспорно, прогрессивная форма организации производства. Однако, на практике нередко берет верх точка зрения, согласно которой все, что ни делается в области создания объединений, следует считать оправданным. Результатом этого является создание малоперспективных, или вовсе неэффективных объединений. На июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС было отмечено, что "... нам нужны не всякие объединения, а те, которые действительно поднимают на новую ступень социалистическое обобществление производства и труда, базируются на новейших достижениях науки, техники и технологии, обеспечивают наивысшую производительность и дают максимум дешевой продукции."²

Целесообразность организации АПО в границах административного района объясняется тем, что при нынешнем недостаточно высоком уровне концентрации и специализации интегрирующих хозяйств, эффективнее планировать и координировать хозяйственную деятельность АПО именно в рамках административного района. Это позволяет увязать концентрацию и специализацию производства с имеющимися мощностями перерабатывающей промышленности, с транспортными, снабженческими, заготовительными и другими организациями, обеспечить правильное взаимодействие с районными органами управления."³

При организации и в процессе становления РАПО возникают многочисленные проблемы, которые являются закономерными. Ведь существующие РАПО находятся на начальном этапе своего развития.

² Материалы июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС. М., Профиздат, 1979 г., с.64.

³ Б о д ю л И.И. "По пути интеграции общественного производства на селе." М., Политиздат, 1981, с.271

Им предстоит еще стабилизироваться и только после этого раскроются все те огромные социально-экономические преимущества, которые заложены в районные АПО как в новой форме организации общественного производства. Но уже сейчас тенденции развития объединений таковы, что они в будущем превратятся в основное и первичное звено общественного производства.

В агропромышленной сфере народного хозяйства, как и в промышленности, строительстве, идет процесс усиления производственно-экономического единства объединившихся и интегрирующих предприятий и превращения РАПО в первичное звено общественного производства на селе.

Чем же характеризуется сегодняшний этап этого превращения?

Критерием того, что данное подразделение общественного производства играет роль полноценного первичного звена, является выполнение им всех производственно-экономических и социальных функций, свойственных первичному звену. Это предполагает, что в данном случае в АПО достигнут такой высокий уровень обобществления производства, что она представляет собой единый производственно-экономический комплекс и полностью сложилась как новое, относительно обособленное экономически, подразделение общественного производства.

"Объединения, — подчеркивалось на XXVI съезде нашей партии, — представляют собой не механическое соединение предприятий, а единый производственно-хозяйственный комплекс, в котором органически слиты наука и производство, широко развиты специализация и кооперирование"⁴, именно это единство и обеспечивает переход функции первичного звена от автономного предприятия к объединенному.

Полное производственно-экономическое единство достигнуто пока в агропромышленных предприятиях (совхозах-заводах, колхозах-заводах). Что же касается АПО, то их можно разделить на три группы с точки зрения того, насколько каждое из них по своему экономическому положению способно выполнить роль первичного звена:

а) объединение является только органом управления самостоятельными предприятиями, между которыми еще не сложилось производственно-экономическое единство. Понятно, что такое объединение не может играть роль первичного звена;

б) объединение предприятий между которыми сложилось определенное производственно-экономическое единство. Это АПО выполняет не только управленческие, но и также ряд общественных функций и является первичным звеном в мере их выполне-

ния. Следовательно, объединение такого типа является как бы переходной формой между первым и следующим, третьим типом АПО-объединенным предприятием;

в) в объединенном предприятии бывшие автономные предприятия потеряли свою экономическую и юридическую самостоятельность и превратились в подразделения действующих на правах производственных единиц, сложилась единая система, выполняющая все свойственные первичному звену управленческие, хозяйственные, и экономические функции. Такое объединение выступает наряду с агропромышленным предприятием в роли равномерно-го первичного звена в агропромышленном производстве. Созданные в 1982 году на территории нашей автономной республики РАПО (в частности, Очамчирское) по своей структуре больше подходит ко второй группе, где большие автономные предприятия передали объединению еще не все свои функции первичного звена, хотя они и лишены прав юридического лица.

Полноценным первичным звеном объединение станет тогда, когда к нему перейдут все свойственные первичному звену функции и оно превратится в единый производственно-экономический комплекс.

На наш взгляд, важнейшим фактором усиления производственно-экономического единства объединения и ускорения превращения последнего в первичное звено агропромышленного производства, служит централизация в масштабе объединения основных производственно-экономических функций, вспомогательных служб и части фондов экономического стимулирования.

Созданные в объединении централизованные фонды экономического стимулирования и резервы, материальные и финансовые ценности, которыми они распоряжаются, служат материальной основой выполнения управлением объединения не только управленческих, но также и других производственно-экономических функций, характерных для первичного звена.

Одним из факторов ускоряющих процесс превращения районного АПО в первичное звено агропромышленного производства служит оптимизация производственно-экономических параметров и структуры АПО. Это необходимое условие усиления процесса взаимопроникновения аграрного, промышленного и других секторов АПО и достижения их органического единства. Так, оптимальный размер сельскохозяйственных угодий объединения по расчетам И.Д.Бложа может колебаться в пределах 8-12 тыс.га.⁵ Учитывая

⁵ Индустриализация сельского хозяйства и развития АПК: Тезисы выступления. Всесоюз. научн. конференц. "Экономические проблемы нового этапа осуществлен. ленинского кооперат. плана". АН СССР. Ин-т экономики. М., 1978, с.218.

⁴ Материалы XXVI съезда КПСС. М., Политиздат.

положительные результаты многолетних экспериментов в Абашском, Махарадзевском и других районах республики, видя в них наиболее реальные пути увеличения производства продуктов питания, в декабре 1981 года принято решение о переходе на новую форму управления агропромышленными комплексами во всех районах республики.

Майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС утвердил постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса" ⁶ и предложил использовать этот опыт по всей стране.

В Очамчирском районе, агропромышленное объединение было внедрено в 1982 году. Район этот является одним из основных в Автономной республике по производству чая, цитрусов, табака, кукурузы и других видов сельскохозяйственно. продукции.

Очамчирское РАПО превосходит другие объединения Абхазии не только по размерам сельскохозяйственных угодий, пахотных земель и количеству хозяйств, входящих в него, но также и по многим другим показателям (таблица № 1).

Основные показатели доходов в колхозах
Абхазской АССР за 1982 год ⁷

Таблица 1

	в основной доход в тыс.руб.	чистый доход тыс.руб.	рентаб. в %
Гагра	8095	783	7,5
Гудаута	13795	1470	14,6
Сухуми	4783	363	6
Гульрипши	7922	741	7,2
Очамчир	29491	7240	29,28
Гали	13207	2521	19
Итого:	77293	13118	16,2

В частности, валовой доход в колхозах Очамчирского РАПО в 1983 году составил 29491 тыс.рублей. Это около 38% общереспубликанского показателя. Чистый доход равен 7240 тыс.рублей

⁶ Материалы майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС.
⁷ Основные экономические показатели сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов Абхазской АССР. ЦСУ ГССР. Статистическое управление Абхазской АССР. Сухуми, 1982 г.

или 55% общереспубликанского показателя по колхозам. Сельскохозяйственные предприятия в этом районе находятся в тесных взаимоотношениях с промышленными, строительными и другими предприятиями и организациями разных отраслей народного хозяйства, которые связаны с производством, заготовкой, транспортировкой, переработкой и хранением продуктов сельского хозяйства.

Очамчирское РАПО, ныне является производственным комплексом и целенаправленно решает намеченную задачу - неуклонно совершенствовать и осуществлять управление сельским хозяйством в тесной увязке с другими отраслями. Его деятельность по обеспечению повышения эффективности общественного производства осуществляется на основе проведения специализации, концентрации и кооперирования производства.

В состав Очамчирского РАПО входят расположенные в районе колхозы, совхозы и межхозяйственные предприятия, а также учреждения и организации, которые хотя и не являются непосредственными производителями сельскохозяйственной продукции, но имеют с ним органическую связь.

За короткий срок своего существования, объединение уже добилось более планомерного осуществления специализации и концентрации сельскохозяйственного производства, эффективного использования материально-технических и трудовых ресурсов и стало значительной силой, способствующей улучшению организации производства сельского хозяйства, усилению стремления отдельных хозяйств, коллективов и каждого труженика к достижению высоких конечных народнохозяйственных результатов.

Как видно из таблицы № 2, в 1982 году возросла урожайность многих основных культур, причем возросла она при уменьшении затрат на их производство. За этот же период уменьшилась и себестоимость основных культур.

За последние три года увеличился объем госзакупок плодов цитрусовых в 2,5 раза, мяса - на 0,3 процента, молока - на 1,4 процента. Валовой доход в колхозах объединения увеличился на 12,2%, чистый доход - на 35%, на 9,5% увеличился и фонд оплаты труда колхозников.

В районе сформировались зоны стабильных высокорентабельных хозяйств, в которых основными культурами являются высокорентабельные культуры, причем рентабельность чая находится на уровне республиканского показателя (41,9%).

Одним из показателей, характеризующих работу РАПО в Очамчирском районе является также строительство своего промышленного предприятия, в частности, построен завод прохладительных безалкогольных напитков "Бахмаро" и предприятие по выпуску

Т а б л и ц а № 2

Некоторые показатели динамики производства
продуктов растениеводства в колхозах и
совхозах Очамчирского РАПО за 1975-1982 гг.⁸

		годы	урожай-	валовой	себе-	затраты
			ность с/га	сбор в	стоим. I цент.	труда на I ц.
			ц/га	цент.	в руб.	ч/часы
Кукуруза на зерно	колхозы	1975	9,8	47803	12,1	16,6
		1981	13,5	54139	14,8	19,4
		1982	15,5	67530	13,8	12,4
	совхозы	1982	29,2	3217	17,9	21,0
Сортовой чай	колхозы	1975	68,9	163755	64,8	46,9
		1981	98,9	250257	66,1	35,4
		1982	105,4	26667	65,2	34,3
	совхозы	1982	70,4	92158	73,5	81
Табак	колхозы	1975	9,7	6744	343,9	320,6
		1981	9,3	6337	653,1	575,5
		1982	10,1	6627	606,3	592,4
	совхозы	1982 ⁹	-	-	-	-
Цитрусы	колхозы	1975	6,1	238	50,4	-
		1981	8,5	331	96,7	-
		1982	10,5	410	82,9	-
	совхозы	1982	23	322	105,3	-

⁸ Основные экономические показатели сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов Абхазской АССР. ЦСУ ГССР. Статистическое управление Абхазской АССР г. Сухуми, 1982, с. 17.

⁹ В совхозах Очамчирского РАПО табак не выращивают.

стенных блоков Это строительство поможет решить острую проблему нехватки стеновых материалов.

Но несмотря на значительные успехи, достигнутые в Очамчирском РАПО, ряд вопросов пока еще требует уточнения.

Анализ структуры РАПО показал, что она повторяет структуру Махарадзевского района. Часть предприятий, вошедших в Очамчирское РАПО имеют непосредственное управление через РАПО, часть управляется по старому отраслевому принципу, часть предприятий имеют двойное подчинение. Наличие нескольких принципов подчинения и управления, отсутствие общего баланса и оплаты по конечному результату, делают сложным и запутанным процесс руководства предприятиями со стороны РАПО. Например, комбикормовый завод никакой связи с РАПО, кроме отчислений 15% от фонда материального поощрения в общий фонд РАПО не имеет. На заводе справедливо возникает вопрос о роли и значении РАПО в дальнейшем развитии завода, в решении вопросов повышения эффективности его работы.

РАПО существует уже два года, однако заместители председателя Правления РАПО получают зарплату в своих подразделениях и она никак не зависит от конечных результатов работы всех сельскохозяйственных предприятий района.

Вся сельскохозяйственная техника не сконцентрирована в руках Очамчирского отделения Абхазсельхозтехники, а находится в распоряжении отдельных предприятий, колхозов и совхозов. Это не позволяет использовать технику в полную мощность.

В РАПО медленно внедряются передовые формы организации труда. Так бригадный подряд, а вместе с ним коллективная форма оплаты труда внедряются еще медленнее. Этот передовой опыт, заслуживающий широкого распространения и в условиях Абхазии, пока еще незаслуженно слабо внедряется.

Первые итоги работы РАПО показывают, что новая форма организации и управления производством (РАПО) имеет безусловно целый ряд положительных моментов. Задача состоит в глубоком изучении их, анализа причин слабого использования опыта других РАПО и отыскании путей и методов быстрого внедрения этого опыта в Абхазии.

О.И.Хвигия

СОБСТВЕННОСТЬ В ФУНКЦИИ ОСНОВЫ
(СУБСТАНЦИИ) ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ-
ПСЕВДОКАТЕГОРИЯ

В.И. Ленин в работе "По поводу так называемого вопроса о рынках", критикуя ошибочные представления либеральных народников и "легальных марксистов" о тенденциях развития товарного производства в России, писал: "...необходимо начать с выяснения содержания тех понятий, о которых идет речь".¹ Эту мысль он еще раз подчеркнул позже в работе "О карикатуре на марксизм": "Спорить о словах, конечно, не умно.... Но надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию".²

Мы отнюдь не случайно начали статью с положений В.И. Ленина, свидетельствующих о том, какое значение он придавал выработке научных понятий. Дело в том, что категории, подлинный смысл которых остается не раскрытым, как метко заметил Френсис Бэкон, способны превращаться в идолов, и тогда, вместо того, чтобы помогать науке, очень сильно мешают ей.

Мы думаем, что подобной опасности подвергается собственность когда она рассматривается в качестве основы³ экономических отношений. При такой ее трактовке допускается явное спутывание категорий. В результате действительная основа производственных отношений замещается ложной - субстанцией возникновения последних выдвигается явление, которое не способно быть первопричиной. И вот почему.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 86

² Там же, т. 30, с. 93.

³ Иногда эту точку зрения выдают за новацию - современное направление в экономической науке. Между тем она восходит к работе И. Сталина "Вопросы ленинизма": "... При капиталистическом строе основой производственных отношений является капиталистическая собственность на средства производства... При социалистическом строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства" (Издание 1946 г., с. 556, 558).

Утверждают, что собственность - основа в качестве экономического, чисто общественного отношения.⁴ Такой подход к проблеме требует соблюдения логической последовательности суждений. Раз собственность - отношение, то, естественно, определяя ее функцию, прежде всего необходимо исходить из возможностей, заложенных в предмете исследования. Однако в концепции, считающей собственность экономической основой, не принимается во внимание природа социального отношения, она не учитывает его объективные свойства, выявленные классиками марксизма-ленинизма.

Любое отношение предполагает две стороны (множественность субъектов) и потому оно никогда не заключено в отдельно взятой вещи, а выражает всегда связь между различными объектами. К. Маркс в споре с Бейли о стоимости разъяснил: "Отношение одной вещи к другой есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них".⁵ Он отмечал также: "Во всякое отношение вступают по меньшей мере двое...."⁶, "Уже самый факт, что это есть отношение означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу".⁷

Далее, принципиально важно. Отношение вообще, в том числе экономическое, - это не вещественный, не естественно-природный феномен, оно не включает в себе ни атома чувственно-воспринимаемой материи: "... Экономические отношения не существуют от природы и не являются вещами"⁸. "... Стоимость есть

⁴ Место и роль общенародной собственности в системе отношений определяется тем, что она есть основа (основное отношение), поскольку является основной связью всех других отношений.... Как системообразующая основа (связь всех других зарождающихся благодаря ей отношений, связь, образующая систему...." (А.М. Еремин. Препринт доклада - "Общенародная собственность: формы ее реализации, усиление социально-экономической активности трудящихся в использовании факторов производства". Институт экономики АН СССР, 1983г.)

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. 2-изд., т. 26, ч. III, с. 143.

⁶ Архив Маркса К., Энгельс Ф. т. X, 1948, с. 28.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. 2-е изд., т. 13, с. 497-498.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. 2-е изд., т. 47, с. 288.

категория, которая лишена вещества чувственности"⁹. Нам кажется, что оставляя в стороне приведенные характеристики отношения, не включив их в анализ, о собственности, если ее считать отдельным производственным отношением, мало что можно узнать.

Ведь поскольку любое отношение есть связь между двумя сторонами, то встает вопрос, как возникает эта связь, какова генетическая константа ее рождения? В марксистской науке считается установленным, что отношение во всех случаях вызывается к жизни определенной субстанцией. Никакое отношение не может появиться на свет вне основы, несущей в себе "силу притяжения" двух сторон — субъектов отношения. Материалистическая диалектика рассматривает отношение как категорию, обусловленную тем, что каждой из сторон отношения присуща общая им, единая материально-вещественная субстанция. Однако это только решение проблемы в общем плане, оно должно быть конкретизировано, чтобы получить представление о специфике образования экономической основы.

Все познается в сравнении. Немецкий физиолог Р. Вирхов в форме афоризма сформулировал закономерность природы. В переводе с латыни он звучит так: каждая клетка происходит только от клетки. Это означает, что в природе и основа (субстанция) возникновения явления и его следствие состоят из однородного материала — естественного вещества, данного человека в ощущениях. Диаметрально противоположно протекает процесс созидания экономических отношений. Они не способны из собственного социального качества (невещественной консистенции) выделить основу своего возникновения. Одно производственное отношение, пусть даже оно будет коренным, в силу невещественного его состава, никогда не может непосредственно породить ни самого себя, ни другое производственное отношение. Единственной субстанцией всех отдельных экономических отношений и их системы служит определенное материальное вещество. Такого рода системообразующей основой производственных отношений выступает труд, овеществленный результат его производительной силы: "Труд есть субстанция... стоимостей"¹⁰; "Труд как основа стоимости"¹¹. Это незыблемое фундаментальное положение марксистской экономической теории. Таким образом, особенность возникновения экономического отношения заключается в том, что причина его всегда вещественна, а само оно (отношение), как социальное следствие определенной материаль-

ной субстанции, не содержит в себе ни грана природного вещества. Собственность, представленная как экономическое отношение, не может воплощать в себе вещественный элемент. Поэтому она никак не способна стать основой производственных отношений. Иначе говоря, экономическая основа — это не безвещественное отношение и не мертвый предметный постамент, а деятельная материально-вещественная сила, созидаящая субстанция, которая обладает действительностью лишь как творящая первопричина. В работах классиков марксизма-ленинизма понятия: "субстанция", "основа", "причина" имеют значение синонимов. Разумеется, невозможно запретить различное употребление слова "основа", но когда оно используется как экономический термин, его содержание должно быть точно определено.

По Марксу собственность не самый нижний слой, она производна от труда, зиждется на нем: "...основанная на труде собственность"¹². Кстати, мысль о первичности труда по отношению к собственности проходит у К. Маркса и в том положении, на которое ссылаются для доказательства тезиса — собственность — основа производственных отношений. Оно гласит: "Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя..."¹³. Из этого высказывания наглядно, что труд — первопричина, а собственность его следствие. К тому же здесь термин "отношение собственников" не соответствует понятию "собственность". Он выражает экономическое отношение между различными производителями. Что же касается слова "основа", то оно употреблено не в смысле субстанции возникновения производственных отношений, а главного отношения в субординированной системе экономических отношений, созидаемой на основе производительной силы труда.

Часто с целью иллюстрации того, что собственность фундамент, экономическая основа производства, указывают на отношение "капитал — наемный труд". Этот довод тоже не выдерживает научной критики, ибо он фиксирует лишь поверхностный, искажающий сущность капитализма факт. По этому поводу у К. Маркса имеется предельно четкое положение: "С развитием относитель-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. 2-е изд., т. 46, ч. П, с. 442.

¹³ Там же, т. 25, с. 354.

⁹ Ленин В. И. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 154

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. 2-е изд., т. 23, с. 547

¹¹ Там же, т. 26, ч. III, с. 141.

ной прибавочной стоимости... производительные силы и общественные связи труда в непосредственном процессе труда кажутся перенесенными с труда на капитал. Благодаря этому капитал уже становится весьма таинственным существом, так как все общественные производительные силы представляются принадлежащими ему, а не труду, как таковому, и возникающими из его собственных недр... будто оно (обращение. - О.Х.) - столь же положительная причина их образования (стоимости и прибавочной стоимости. - О.Х.) как сам труд, и будто оно приносит определение, происходящее из природы капитала, независимо от труда".¹⁴ Стало быть, не капитал, а овеществленный наемный труд - основа, субстанциональная категория капитализма. Поэтому К.Маркс великую заслугу классической политической экономии видел в том, что она свела стоимость и прибавочную стоимость к труду.

В общеметодологическом плане из изложенного вытекает вывод: при выявлении основы (субстанции) экономических отношений необходимо последовательно придерживаться первичности материально-вещественной стороны объективного мира: "... общественные производственные отношения изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил"¹⁵, представляющих собой покоящийся овеществленный труд. В этом состоит суть диалектико-материалистического объяснения причины возникновения, развития и гибели исторически определенных экономических систем.

Недостаточная разработанность категории "отношение" создает и другие препятствия на пути постижения сущности экономических явлений. Принято говорить о первобытно-общинных, рабовладельческих, феодальных, капиталистических, социалистических, коммунистических производственных отношениях. Вместе с тем в научном обороте находятся понятия: "непосредственно общественные отношения", "товарные отношения", "отношения собственности" и т.д. Обозначение отношений терминами, применяемыми для названия формации, далеко не во всех случаях точно передает их содержание. К тому же, как известно, способов производства пять, а типов экономических отношений гораздо меньше; в конечном счете они сводятся к двум - непосредственно общественным и товарно-денежным (скрыто общественным), которые различно используются в

тех или иных формациях. К сожалению, объем статьи не позволяет сколько-нибудь полно осветить эту проблему. Мы остановимся на ней лишь касательно собственности, в частности, показа неправомерности выделения ее в особую, третью самостоятельную систему производственных отношений.

Возможность отдельного существования собственности обоживается, тем, что будто бы она во всяком общественном строе представляет собой специфическое отношение по соединению средств производства и рабочей силы. Несомненно, характер объединения личностных и предметно-вещественных факторов производства отличают экономические эпохи. Но выяснение того, как происходит на практике соединение рабочей силы со средствами производства не достигается простой констатацией общих положений; здесь нужно от макро спуститься в микро мир производственных отношений, т.е. проникнуть в их структуру.

К.Маркс, разбирая кругооборот денежного капитала, неоднократно подчеркивал; что он протекает в форме товарных, стоимостных отношений: "... акт $D - T \begin{smallmatrix} PC \\ CP \end{smallmatrix}$ или, в его общей форме $D - T$, т.е. сумма всех актов купли товаров, будучи актом общего товарного обращения, в то же время, как стадия в самостоятельном процессе кругооборота капитала, есть... превращение денежного капитала в производительный..."¹⁶ Следовательно, в буржуазном обществе экономическая связь между агентами производства по присвоению средств производства и рабочей силы устанавливается исключительно посредством товарных отношений, а не так называемых отношений собственности. При социализме эту роль выполняют соответственно непосредственно общественные (планомерные) отношения. И это, видимо, не должно вызывать возражений, так как в общественной жизни нет других форм экономических отношений, способных присваивать материальные блага, осуществлять обмен деятельностью: т.е. мы хотим сказать: градация производственных отношений происходит внутри товарной или планомерной их системы, не существует отличных и независимых от них исходных и основных экономических отношений.

Еще об одном обстоятельстве, на которое не всегда обращается внимание. Экономическое отношение - это не простейшее одноклеточное нечто, а чрезвычайно сложное социальное образование, состоящее из ряда взаимосвязанных элементов. Так, если, скажем, стоимостное отношение рассмотреть в структурном разрезе, то не трудно обнаружить, что оно предполагает наличие: стихийного общественного разделения труда, обособленных

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. 2-е изд., т.25, ч.П, с.395.

¹⁵ Там же, т.6, с.442.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. 2-е изд., т.24, с.34.

собственников, субстанции (абстрактного труда) товаров (объектов отношения), рынка (обмена). При отсутствии хотя бы единственного из перечисленных компонентов стоимость как производственное отношение не состоится. Важно фиксировать тот факт, что присвоение средств производства и рабочей силы, вообще материальных благ, обеспечивается не каким-то одним элементом стоимостного отношения, а всей их совокупностью, т.е. присвоение — это император именно целостного производственного отношения, атрибут взаимодействия в его пределах многих (комплекса) общественных факторов. Ввиду этого собственность, будучи не полностью производственным отношением, а только его элементом, не способна, естественно, быть самостоятельным носителем функции экономического присвоения; попытка наделения ее данным свойством носит не более чем фиктивный характер. Это относится ко всем элементам производственных отношений. Столь же неверно полагать, что труд, как таковой, выражает целостное производственное отношение. Он тоже лишь его элемент. К.Маркс во многих местах называет труд элементом стоимости: "Он (Рикардо. —О.Х.) не понял той специфической формы, в которой труд есть элемент стоимости"¹⁷; "...Поскольку труд принимается в расчет как с о з и д а ю щ и й с т о и м о с т ь элемент.... В качестве такого элемента труд есть безразличный, о б щ е с т в е н н о н е о б х о д и м ы й т р у д...."¹⁸

Собственность в числе компонентов производственного отношения занимает особое место. "Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, — отмечал К.Маркс, — товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжаться этими товарами....они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение... в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением"¹⁹.

Но из этого вовсе не следует, будто собственность обычное юридическое отношение. Структурным элементом производственных отношений, условием их существования является не всякое, а лишь такое юридическое отношение, которое отражает характерные экономические маски лиц, т.е. принимает участие в экономическом процессе формирования условий производства собственников, обладающих средствами производства и рабочей силой.

Наконец, несколько слов, как говорится, о сумме сумм. Концепция собственности не согласованно, находится в очевидном противоречии с учением К.Маркса о труде как субстанции производственных отношений: выдвижение основой последних собственности (наряду с трудом) невольно подрывает материалистический монизм марксистской экономической теории, привносит в нее дуализм, принцип двух начал. Стало быть, названная концепция не может быть рекомендована практике как научно доказанное теоретическое обобщение экономической основы развития общественного строя.

¹⁷ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. —Соч.2-е изд., т.26, ч.Ш, с.139

¹⁸ Там же, т.49, с.49-50.

¹⁹ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. — Соч.2-е изд., т.23, с.94.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
АБХАЗОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века¹

Данная статья представляет лишь небольшую часть историко-этнографических очерков автора, посвященных абхазскому племени садзов. Во введении к ним дается довольно подробная историография по садзам. Здесь же отмечу только то, что не имеется ни одной специальной работы о садзах, но сведения о них в немалом количестве содержатся как в исторических источниках (главным образом XIX в.), так и в трудах ряда исследователей /А.В.Фадеев, Г.А.Дзидзария, З.В.Анчабадзе и др./, которые в различной связи обращались к этой теме, в том числе частично и указанных этнических границ².

Целью настоящего сообщения является, во-первых, систематизация сведений исторических источников о северо-западной этнической границе абхазов в первой половине XIX в. (вернее, до махаджирского выселения коренных жителей, имевшего место, как известно, в 1864 году), а, во-вторых, постановка вопроса о более ранних пределах распространения абхазского элемента в указанном направлении. При этом речь об Абхазии и абхазах идет в широком смысле, имея в виду не только т.н. Большую, но и Малую Абхазию, или Джигетию (Джигети грузинских источников), которая была целиком занята абриггенным племенем садзов, место и роль которых в исторических судьбах абхазского народа остаются все еще недостаточно выясненными. Не углубляясь однако в историю этой сравнительно большой и сложной этнической общности, — изучение ее происхождения и этнокультурных связей может явиться

¹ В основе этих заметок лежит доклад автора под названием "Где проходила северо-западная этническая граница абхазов в первой половине XIX века?", прочитанный 15 марта 1983 года на XXX научной сессии Абхазского института языка, литературы и истории им.Д.И.Гулиа АН Грузинской ССР.

² См., Г.А.Дзидзария — "Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Второе дополненное издание", Сухуми, 1982, с.87 и др.

предметом дальнейших исследований, — я здесь ограничусь только тем, что садзы, называемые в литературе и джигетами, — это особая этнографическая группа, обособленная часть абхазского народа, которая, как сказано, издавна и до второй половины прошлого столетия обитала компактно на исконной своей территории в северо-западном секторе исторической Абхазии, сохраняя в то же время некоторые существенные особенности своего языка, культуры и быта.

С.Т.Званба, сведения которого являются наиболее ценными для нашей темы, с первого взгляда как бы несколько противопоставляет в этническом смысле абхазов и джигетов³, отмечая, в частности, что "абхазы не считают их одного с собою происхождения". Вместе с тем сам же подчеркивает единство абхазов с садзами в языковом отношении, что является основным при определении этнической принадлежности. Он пишет: "Джигеты говорят наречием абхазского языка, несколько отличным от коренного"⁴. Следовательно, по С.Званба, "коренным", т.е. родным языком садзов служил диалект абхазского языка. Некоторое сомнение вызывает только одно его положение, связанное с самоназванием садзов. Не совсем, по-видимому, он прав, когда пишет, что джигетский народ "называет себя халцис"⁵. Так называли себя, вероятно, не все садзы, а только население приморской местности Халцис, Аха, Ахалцис (Ахалцис), расположенной между Гагрой и Адлером (в нач.XIX в.там господствовал князь Толупар Ачба). Общим же названием у них было "садз", "садзуа" (аса уа, бзыб. аса уа), отсюда Садзен — "Страна садзов". У абхазов они были известны, как и до сих пор, "под именем асадзкуа, а у грузин под именем джигет"⁶.

Одной из слабых сторон изучения прошлого абхазов является его этнография, включая этническую картографию и этническую демографию, то есть исследование особенностей их расселения в прошлом и настоящем, определение их этнических границ (в целом и по частям), динамики их численности на различных этапах длительной истории народа.

Существуют разные принципы выделения этно-племенных территорий и установления этнических границ, основанные, в частности,

³ С.Т.Званба. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982, с.5.

⁴ С.Т.Званба, Указ. соч., с.6

⁵ С.Т.Званба. Указ. соч., с.6

⁶ Там же.

6. Известия ХУ

на этническом самосознании населения данной территории, география языка, включая историческую топонимику и названия родо-племенных групп, специфике народной культуры, религиозных верованиях, государственной принадлежности и др. Однако в любом случае приходится считаться с неизбежными трудностями, связанными со значительной подвижностью этнических границ, далеко не всегда раздельным, а часто смешанным расселением (смешение обычно больше на стыке народами, говорящими на близкородственных языках). Следует отметить также ограниченность и недостатки источников, которые представлены в большинстве своем описаниями путешественников и других авторов, имевших нередко самое смутное представление об особенностях языка и быта местного населения.

Если "этнические границы, как правило, не совпадают ни с расовыми, ни с религиозными"⁷, то они, как правило, совпадают с языком и этнографическими особенностями соответствующих народов. Но даже при этом дело осложняется тем, что соседствуют обычно очень близкие народы, в нашем случае — абхазы /садзы/, с одной стороны, и убыхи, с другой, которые неразрывно связаны между собой по происхождению и многим сходственным и даже тождественным чертам культуры и быта, частично вплоть до двуязычия каждой из групп.

В подобных ситуациях в основном только язык и наиболее характерные элементы этнографической специфики могут выступать решающими признаками для выделения этнической территории, хотя и наиболее распространенная для группировки народов лингвистическая классификация тоже имеет свои недостатки. В ее основе лежит лишь один из признаков народа — язык, что "не дает возможности учесть важные этнические процессы, одним из показателей которых является двуязычие. Оно нередко создает представление о существовании резких национальных или культурных контрастов там, где этого в действительности нет (например, между различными группами швейцарцев)".⁸

После этих предварительных замечаний перейдем к основному вопросу нашего сообщения — где же конкретно проходила этническая граница между абхазами (садзами) и убыхами перед их поголовным выселением в Турцию в 1864 году.

Не очень легко ответить на этот вопрос. Это связано не только с состоянием источников, но не в меньшей степени и с тем, что интересующие нас общности этнически и территориально были настолько близки и взаимосвязаны, что "невооруженному"

⁷ С.И.Брук, В.И.Козлов, М.Г.Левин. О предмете и задачах этногеографии. СЭ, I, 1963, с.18.

⁸ С.И.Брух и др. Указ.соч., с.18.

глазу порой трудно было заметить, где кончаются пределы распространения одного из этих народов и начинается территория другого.

У ученых, писавших по интересующему нас вопросу, нет полного совпадения взглядов. Одни авторы первой половины XIX в. убыхов помещают в районе Сочи, называя эту территорию "сердцем" их земли, причем юго-восточную границу распространения этого народа проводят по р.Хосте, или Хамыш /Дж.Ст.Белл, Г.Филипсон/, другие локализуют их в горах за р.Сочи /бар.Розен/, или по ущелью р.Шахе /Н.Раевский/. Следует заметить, что Фр.Дрюба несколько противопоставляет убыхов населению Сочи, называя его особым "племенем Сочи"⁹.

Согласно описанию Ф.Ф.Торнау, сообщения которого относятся к числу наиболее достоверных, в 30-х годах XIX в. восточный берег Черного моря был населен тремя различными этническими образованиями: от Анапы примерно до р.Шахе жили адыгские племена натухайцев и шапсугов, между Шахе и р.Сочи /Саше/ находились убыхи, а территория от Саше до Ингури занята была Абхазами ("абазинами" по терминологии Торнау), называвшими себя "апсуа" (в том числе "асадзуа")¹⁰.

В числе "главных рек в земле джигетов" С.Т.Званба называет в первую очередь Хосту.¹¹ Это дает основание думать, что Хоста была не пограничной с Убыхией рекой, а протекала "в земле джигетов", которая, по логике вещей, продолжалась дальше, охватывая какую-то часть пространства и северо-западнее от этой реки.

В целом, однако, как можно заключить по совокупности данных, граница между этническими территориями садзов и убыхов проходила в середине XIX века в основном скорее всего по реке Хоста, протекающей в 20 км юго-восточнее р.Сочи. Далее на юго-востоке убыхи нигде и ни у кого не отмечаются.

Северо-западную границу садзов по р.Хосте (Хамыш) отмечают также Г.А.Дзидзария¹², Г.З.Шакирбай¹³ и некоторые другие исследователи.

⁹ Ш.Д.Инал-Ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971, сс.259, 261, 262, 264.

¹⁰ Ф.Ф.Торнау. Воспоминания кавказского офицера. М., 1964, с.56 и др.

¹¹ С.Т.Званба. Указ.соч., с.7.

¹² Г.А.Дзидзария. Указ.соч., с.87, его же: "Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке". Сухуми 1958, с.1-19.

¹³ Г.З.Шакирбай. Абхазские топонимы Большого Сочи. Сухуми, 1978, с.7, 15.

Вместе с тем есть основания думать, что не всегда, по-видимому, Хоста служила пограничной рекой между Садзом и Убыхией.

Так, город Сочи, то есть старая часть курорта, называется по-абхазски Швача (Швача). Эта местная форма лежит в основе современного названия "Сочи", которое у некоторых до-революционных авторов иногда выступало в виде "Соци" или даже "Соца", что и ударением и оформлением напоминает собой абхазское название города. К.И.Коченовский в своем справочнике о Сочи, изданном в 1913 году, пишет: "Во время борьбы русских с Черкесами нашему Сочи, уже под именем Соца (подчеркнуто мной - Ш.И.), пришлось играть особенно заметную роль"¹⁴. Один из старейших жителей Сочи, доктор К.А.Гордон, живущий в этом городе с 1902 года, пишет на с.17 своих рукописных воспоминаний, что еще в начале текущего столетия многие сочинцы продолжали называть свое местечко "Соци" или "Соца".

К абхазскому происхождению топонима "Соци" склоняет и вторая часть названия одноименной реки, у устья которой раскинулся город, - Соца-пста (Швача-пста). Эту форму мы находим у того же К.И.Коченовского, старожила и знатока Сочи. Он пишет: "река Соца-пста", "лесистый берег Соца-пста"¹⁵. "Соца-пста" встречается и в некоторых других описаниях. Вторая часть (пста) этого составного термина (Соцапста) представляет собой абхазское слово "пста", что в переводе означает ущелье, досл. "место реки /воды/", от абхазо-адыгского "пс" - вода с прибавлением абхазского локативного суффикса "та" (ср. Бзып-апста, Хы-п,ст,а, Аал га-апст,а и др.). Ни в убыхском, ни в адыгских языках, насколько мне известно, нет слова "апста" ни в указанном, ни в каком другом значении. Следовательно, "пста" абхазское слово с абхазским локативным суффиксом "та".

Названия селений вверх по р.Сочи -Амуко, Будунок, Салах-Аул и др.являются уже собственно убыхскими. Они могут свидетельствовать о том, что колыбель убыхов находилась в верховьях междуречья Шахе-Сочи, в то время как на побережье жили абхазские племена что отразилось ярко в приведенном и некоторых других топонимических фактах, о чем будет еще сказано ниже.

Надо полагать, что в этой части побережья произошло смешение населения или частичное вытеснение спустившимися с гор воинственными убыхами абхазов (садзов). Процессы этнического взаимопроникновения и ассимиляции происходили здесь сравнительно легко не только вследствие соседства и непрерывности непосредственных контактов, но и ближайшего родства между абхазскими и убыхскими племенами. Такое родство подтверждается, как известно, многочисленными фактами. Вот один пример. Абхазы, приветствуя человека или вознося молитву к божеству, обращаются к ним со словом "уа", "уо": уа, мшыбзиа!", то есть "Уа, добрый день.": Уа, анца, улып,ха спыт,!, то есть "Уа, боже, дай мне свою благодать!" и т.д. Надо полагать, что загадочное слово "уа", значение которого в абхазском утеряно, является идентичным вариантом убыхского -бог¹⁶.

О теснейших связях убыхов с садзами С.Т.Званба пишет, в частности, так: "В 1837 году, когда заняли Адлер, убыхи и джигеты соединились взаимною присягой и с тех пор всякая вражда прекратилась. Присяга эта возобновляется ежегодно, и при этом берут штрафы с тех, которые имели тайное сношение с русскими. Они часто ездят друг к другу, а иногда выходцы из одного общества селятся на земле другого....Связи жителей Ахчипсоу с убыхами теснее, нежели других"¹⁷.

Убыхи и садзы жили иногда в перемежку между собой, почти как один народ. Ф.Ф.Торнау, не верит которому у нас нет оснований, подчеркивал смешанный характер населения Сочи (Садша) и связанное с этим трехязычие его жителей. Это общество, по его словам, представляло собой "смесь трех сопредельных племен-абхазского, убыхского и черкесского, языками которых и говорит"¹⁸. Не случайно, должно быть, абхазы в этой цитате упоминаются первыми.

Е.Ковалевский в 1867 году писал: "Убыхи жили ... между реками Псезуапсе и Саше; на берегу моря они составляли смешанные общества с шапсугами и абхазами (подчеркнуто мной.-Ш.И.), носившие разные наименования, и между прочим, имя вардан, напоминающее реку Кубань, которая у эллинских и римских писателей называлась "Вардан"¹⁹.

¹⁴ К.И.Коченовский. Сочи. Исторический очерк. Общее описание города. Справочник. Окрестности города. С.-Петербург, 1913, с.4.

¹⁵ Там же, сс.7.8.

¹⁶ Г.Фогт. Словарь убыхского языка. Осло.1963, с.197. (на фр.яз.).

¹⁷ С.Т.Званба. Указ.соч., с.8.

¹⁸ Ф.Ф.Торнау. Краткий обзор горских племен, живущих за Кубанью. ЦГВИА, Ф. ВУА, д.18571, л.2.

¹⁹ Е.Ковалевский. Очерки этнографии Кавказа. "Вестник Европы", № 3, 1867, с.83.

Один из пяти парков дореволюционного Сочи назывался Абазинским (остальные – городской, Ермоловский, Хлудовский, Верещагинский). Откуда идет название "Абазинский" – от собственно абазин или от абхазов, которых турки называют "абаза" (а турок в дореволюционном Сочи было не мало). Вблизи Сочи и сейчас есть село под названием Абазинка. Это название связано, вероятно, не с северокавказскими абазинами, которых в XIX в. в районе Сочи уже давным-давно не было, а с абхазами (точнее джигетами – садзами).

А.Рукавич, который в 1838 году лично принимал участие при взятии Сочи, пишет, что убыхи дрались отчаянно, были вооружены шашками, кинжалами, луком и стрелами, что во время штурма раздавались крики и возгласы горцев "Алла", "Алла", "Алла, гяур!"²⁰ Вполне может быть, что слово "алла" здесь означает не мусульманского бога аллаха, а собаку /от абх.ала – "собака", "пес"/. Если это так, то выходит, что в тот день среди защитников Сочи было не мало местных /сочинских/ абхазоязычных воинов.

Николай I, посетивший Кавказ в 1837 году, приказал: "Нужно укрепиться к северу от мыса Константиновского /Адлер/ при устье Сочи, Туапсе или в другом месте. При этом надлежит истребить ближайшие аулы"²¹. Выполняя царскую волю, генерал-майор Симбирский в апреле 1838 года во главе большого отряда, куда предусмотрительно была включена и Абхазская полиция, из Сухума направился в сторону Сочи.²² Взятие Сочи, "не взирая на отчаянное сопротивление горцев, собравшихся во множестве на этом пункте", состоялось 13 числа того же месяца.²³

В то время Соча представляла собой селение у устья одноименной реки (Сочипста), с незначительным количеством жителей из-за боязни нападения со стороны моря. Ближе к морю попадались одиночные сакли, а самый берег, где сейчас Старые Сочи, был покрыт лесом. Вблизи от этих мест, преимущественно вдоль реки, были расположены усадьбы главнейших убыхских родов. Так, вверху по р.Сочи, там, где находится современное селение

Пластунка, жил вождь убыхов Хаджи-Берзек, который 26 лет вел непрерывную борьбу – с 13 апреля 1838 года, когда царские войска овладели клочком земли на месте нынешнего Сочи (прозвишенное плато на том месте, где теперь маяк и церковь) и до 18 марта 1864 года, когда, после битвы при реке Годлике, "черкесы" признали себя побежденными²⁴. Между селением Ходжи-Берзека и Старым Сочи, то есть на территории бывшей деревни Новагинка, которая слилась с городом, находилась в 30-х годах XIX в. усадьба другого крупного убыхского князя, имевшего обширный сад, – очень долго сльвиший у первых русских поселенцев под названием княжеского сада²⁵.

Общество Саша (Садша) в устье р.Сочи, находившееся под властью князя Облагу (Аублаа Гуагу?) и насчитывавшее до десяти тысяч жителей, состояло из убыхов и, частично, садзов.

В ауле Сочи, на том месте, где сейчас стоят церковь и маяк, жил известный убыхский князь Ахмед Аубла – отчаянейший морской пират, владевший замечательным судном и совершавший на своей неуловимой бригантине во главе отряда таких же головорезов, как и он сам, нападения на крымские и даже турецкие берега. То, что, согласно А.Нордману, на территории Сочи (гора Батарейка) встречался топоним Аублаа – рыха, вторая часть которого является бесспорным абхазским словом со значением "святилище", заставляет предполагать, что знаменитые Аублаа представляли собой одну из абхазских (садзских) родоплеменных групп.

Чтобы закрепиться в Сочи и постепенно расширять занятую (первоначально ничтожную) площадь, царским военным отрядом срочно были проведены работы по оборудованию форта под названием Александрия. По рассказам старожилов, в самом центре этой крепости, законченной в конце июля того же 1838 года,

сая милиции, а с моря действия царских войск поддерживал контр-адмирал Артохов, под прикрытием эскадры которого десант и сошел на берег. Количество войск, брошенных на Сочи, свидетельствует о воинственности и многочисленности самих убыхов и других горцев, оборонявшихся здесь. /К.И.Коченовский, Указ. соч., с.6/.

23 В частности, "Абхазская полиция, занявшая гору близ самой кручи, падающей отвесно в сторону моря, была отброшена и спустилась обратно в долину" (Там же, с.7).

24 Там же, с.5.

25 К.И.Коченовский. Указ.соч., с.5.

20 Воспоминания Р у к е в и ч а А.Ф. "Исторический вестник", тт.137, 138, 1914.

21 К.И.К о ч е н о в с к и й. Указ.соч.,с.6.

22 Всего же в распоряжении ген.Симбирского были: 2 батальона Мингрельского егерского полка, 3 батальона Ереванского карабинерного, 1 пионерная рота Кавказского саперного батальона, Сводно-горная батарея, Имеретинская, Абхазская во главе с владельцем кн. М.Шервашидзе, Гурийская и Мингрель-

"находились остатки круглого похожего на храм каменного здания (из дикого камня, который пошел для сооружения на его месте теперешнего храма)"²⁶. По всей вероятности, это был храм главного языческого племенного божества убыхов или общего бога садзов и убыхов.

В тридцатых годах XIX в. Ф.Ф.Торнау засвидетельствовал у устья р.Сочи род Аублаа, название которого, как и некоторые другие типично абхазские фамильные имена /Агумаа, Ат,эмаа, Думаа и др.), оформлено абхазским суффиксом фамильных имен - на "аа", что подтверждает абхазское происхождение данной группы. Вместе не только среди садзов, но абхазов вообще. Он выступает в абхазском фольклоре как одна из самых привилегированных и почитаемых родовых групп. В частности, если человек задержался дома, ему говорили: "Аублаа, что ли, гостил у тебя?" (Аублаа дут,азма?). Это же название упоминается и в одной, записанной К.С.Шакрыл, загадочной абхазской похоронной песне-плаче:

Аублаа ублыс,

Ублаа ублас;

Аублаа ублыс,

Ублаа ублыс!²⁷

Таким образом, в составе сочинского населения первой половины XIX в. кроме убыхов были представлены род Аублаа, который, по всей вероятности, относится по происхождению к абхазским, и другие абхазские (садзские) группы, что является доказательством не простой этнической ситуации в этом микрорайоне.

С интересующей нас точки зрения значение имеют названия местности. К сожалению, мы лишены возможности фиксировать топонимы в этом районе в живом их бытовании, непосредственно из уст коренных жителей, поголовно выселенных в Турцию во второй половине XIX в. Вместе с тем, нередкие искажения топонимов, записанных, как правило, в транскрипции языка некоренного населения, как и принадлежность местной географической номенклатуры к очень близким между собой языкам, затрудняют определение точной лингвистической природы многих наименований рек, гор, населенных пунктов и др.

С учетом этого можно с полной уверенностью утверждать, что в районе Старого Сочи и его юго-восточных окрестностей встретится целый ряд названий рек и местностей собственно

²⁶ Там же, с. II.

²⁷ К.С.Шакрыл. Иахтны иах,х,зап, с.3 (рукопись).

абхазского происхождения, с абхазскими формантами: на пста - "ущелье", "пойма реки" (р.Сочипста, от абх.Шэачап,ст,а - ущелье р.Сочи; р.Кудепста - на территории совр.Большого Сочи; Лапста - между рр.Псоу и Хашупсе; Чипста, от абх. ыпст,а - "конское ущелье" и др.); на шьха - "гора" (Уушьха - приток р.Сочи; Магишьха и Цанбишьха, то есть соответственно горы родовых групп Магь и Цанба, Псеашьха и Аишьха, - нагорные места между рр. Сочи и Мдзымта и др.); на пшь - "община", "род" (Иасхьрыпш и др. - между рр.Сочи и Мдзымта); на ныха - "святилище", "святыня" (Аублаа-рыха - святилище знатного рода Аублаа на сочинской горе Батарейке, Лацинуха - святилище рода Лацв в нагорной части между рр.Сочи и Мдзымта); на та - абхазский локативный суффикс /Мацеста - от абх.Мацэтоу- "огненная", Хоста /по абхазски Хуаста/- обе на территории Большого Сочи /; на гуарта - "ограда", "загон" (пункты Акааргуарта, Иатыргуарта - в нагорной части между Сочи и Мдзымта); на аху - "холм", "возвышенность" (Архьшьна-аху, что по абхазски означает "холм надочажной цепи", на р.Сочи, в 5-ти км от ее устья; Ахцварху /по-абхазски Ах,цва-рху/ - "холм владетелей", "княжеская возвышенность" - в горах между рр. Сочи и Мдзымта/.

К абхазским по происхождению названиям относятся также Ареда - пункт в центральной части Старого Сочи (за вокзалом) (ср.абхазское родо-племенное название Арыд, Арыдаа), Арындзаа опута (Арын аа рпут,а - "поселок рода Арыд"), Алыкь (Алек) - "ил", "илистое" - хребет, где начинается р.Мацеста²⁸.

Немало и других абхазских топонимов на территории г.Старые Сочи. Так, между р.Сочи и р.Бзыгуа имеется возвышенность, которая не так давно называлась Шангере-пацареху, по-абхазски Шьханшереи-ип,ацэа рхуты - что переводится с абхазского как "холм сыновей Шьхангерей"²⁹.

Вполне вероятной является генетическая связь с абхазами и самого термина "Сочи". К.В.Ломтатидзе также считает этот топоним абхазским по происхождению³⁰. Как мы видели, еще в начале XX века в некоторых источниках "Сочи" продолжает фигурировать в своей абхазской форме - Соча, выступающей у абхазов в двух вариантах - Швача (Швача) и Хьшвача (Хьшвача).

²⁸ Ш.Д.Инал-Ипа. Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами. - В кн.автора "Страницы исторической этнографии абхазов", Сухуми, 1971, сс.283-290.

²⁹ Г.З.Шакирбаи. Абхазские топонимы Большого Сочи. Сухуми.1978, с.16.

³⁰

№ 12, 1956, с.133-134.

Количество абхазских географических названий на территории Сочи и его юго-восточных окрестностей далеко не ограничивается приведенными примерами. Начиная же от р.Сочи в северо-западном направлении вместо абхазской мы имеем уже иную топонимическую доминанту - убыхо-адыгскую.

Общий вывод из всего сказанного сводится к тому, что абхазо-убыхская этническая граница в первой половине XIX в. пролегла в основном по р.Хосте. Вместе с тем следует в порядке постановки вопроса заметить, что в это время, согласно данным Ф.Торнау, непосредственно наблюдавшего ситуацию на месте (писавшего о том, что территория от Саше до Ингура была занята абхазами), косвенному указанию С.Званба (Хоста протекала "в земле джигетов"), утверждению Е.Ковалевского о смешанном характере населения убыхского побережья ("на берегу моря убыхи составляли смешанные общества с шапсугами и абхазами"), абхазский этнический элемент (в виде полностью или частично ассимилированных садзских родовых групп) продолжал еще занимать часть междуречья Хоста - Сочи³, где также отмечается ряд приведенных выше абхазских гидро-топонимов (на пста - "ущелье", шъха - "гора", выха - "святилище" и др.), а в более же ранние периоды, когда предки убыхов обитали, по-видимому, в основном в нагорной части междуречья Шахе-Хоста, пределы абхазского (точнее садзского-абазинского) населения простирались и дальше на северо-запад, о чем, в частности, свидетельствуют, по мнению Л.И.Лаврова и других исследователей, остатки соответствующей топонимики в этом районе (Лоо и др.).

31 В литературе высказывалось мнение о том, что в первой половине XIX в. границы абхазской этнической территории доходили до Анапы. Об этом пишет, например, А.Папаскири, комментируя высказывание В.И.Савинова о том, что последний не мог не знать абхазского языка, поскольку он пять лет прожил в городе Анапе ("Современник", 1848, №7, с.3). Возможно, однако, что здесь какая-то механическая ошибка, и В.И.Савинов имел в виду не Анапу, где в XIX в. не могло быть абхазской этнической доминанты, а село Акапу близ Сухуми, куда он был продан как военнопленный. Переписчик легко мог перепутать столь близкие по написанию слова - Анапа и Акапа /А.П а п а с к и р и. Некоторые отражения духовной культуры абхазского народа...., "Алашара", II, 1980, с.128).

А.Е.Шинкуба

АБХАЗСКАЯ СИСТЕМА ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Полевые исследования по сбору абхазских терминов родства проводились нами в 1981-1983 гг. в основном в Очамчирском, Сухумском и Гудаутском районах Абхазской АССР, где исследованиям подверглись более 23 абхазских сел.¹

В качестве информантов мы выбрали людей разного пола, среднего и пожилого возраста. Общим для них признаком являлась принадлежность к одному социальному слою - колхозному крестьянству, к которому относится до сих пор большая часть абхазского народа.

Следует отметить, что все наши информанты могут быть отнесены к одной из этнографических групп абхазов - абжуйским или бзыбским абхамам, которые говорят на обоих диалектах абхазского языка. Разница между диалектами, проявляющаяся в СТР, весьма незначительна.

Для записи отношений родства нами был использован так называемый "код Левина", находящий в последние годы все более широкое применение в трудах советских исследователей.

Примеры исходных терминов абхазской СТР приведены в таблице № 1. Большинство исходных терминов может быть этимологизировано на базе абхазского языка.

Существует также ряд этимологически производных от них терминов, некоторые из которых даны в таблице № 2.

Все эти термины образованы посредством соединения исходных терминов с некоторыми детерминативами, выражающими то или иное качество или состояние: Например "абду" РМРм аб Рм "ду" - "большой": абхуа аб Рм "хуа" - "изгиб" - т.е. "не прямой родственник". Некоторые из этих терминов образованы посредством соединения основ двух исходных терминов. Например, "сашъа" ДмРРж, где с - местоименный префикс, ан - Рж, шъа - ДмР. Однако подобные соединения образуются без необходимых в таких случаях посессивных местоименных префиксов. Таким образом вместо "сан лашъа", где "с" - посессивный местоименный префикс 1-го лица ед. числа, "ан" - Рж, "ла" - посессивный префикс 3-го лица ед. числа женского рода, "шъа" - Д Р, т.е. "моей матери ее

¹ К сожалению, список всех информантов мы не сможем привести, так как их число достигает более 110 чел.

брат", имеем "саншьа" - "моя мать - брат". Таким образом, все термины, представленные в таблице 2, несмотря на их этимологическую производительность, воспринимаются носителями в качестве самостоятельных терминов, подобных исходным терминам таблицы 1.

Эти особенности дают нам возможность выделить два типа терминов: актуальные, т.е. обозначающие отдельные классы родства и воспринимаемые носителями в качестве самостоятельных терминов, и потенциальные, обозначающие не классы, а отдельные отношения родства и лингвистически представляющие собой механическую комбинацию из нескольких актуальных терминов, соединенных посессивными морфемами. Число первых ограничено. Именно они составляют в строгом смысле слова абхазскую СТР, т.е. конечный набор классов родства, являющийся по существу объектом этнографического исследования. Число вторых теоретически бесконечно, употребление их ситуационно, так как они образуются по мере необходимости, чтобы выразить то или иное отношение родства. Тем самым они не относятся к СТР, а образуют чисто языковое явление и в качестве такого должны изучаться лингвистами, а не этнографами.

Для лингвистического анализа удобно будет сгруппировать актуальные термины родства по их морфологическим признакам. Мы назовем морфологически исходными (элементарными) те из них, которые выражены одной корневой морфемой, либо вообще не оформленной аффиксами, либо оформленной только аффиксами принадлежности к полу. В исходные мы включаем также термины, выраженные несколькими корневыми морфемами, семантически не относящиеся к полю родства. Вторая категория - морфологически производные (составные) термины - включает оформленные определенными аффиксами термины первой группы. Наконец, последняя категория - морфологически составные (описательные) термины - образованные соединением двух или более исходных или морфологически производных терминов. Как нетрудно заметить, в первую группу будут входить термины для обозначения основных, наиболее близких категорий родства, а также ряд факультативных терминов (уточняющих или конкретизирующих какой-либо из исходных терминов).

Вторая группа включает в себя, выражаясь терминологией Ю.И.Левина, отношения родства высоких рангов, в массе связанные со свойством. Туда же входят и некоторые конкретизирующие термины. Наконец, третья группа составлена из кузенных и непотических терминов. В отличие от потенциальных, вместо того, чтобы соединяться посредством посессивных префиксов, цепочка терминов здесь как бы "склеивается".

Рассмотрим морфологические исходные термины (таблица 1). К.С.Шакрыл в книге "Очерки по абхазо-адыгским языкам" пишет, что Термин аб "отец" в древнем абхазском языке употреблялся в значении слова "производитель" - как человека мужского пола, так и самцов некоторых животных и птиц. Этот термин бытует и в современном абхазском языке. Так, например, производитель в абхазском языке аб, редко абазг, кобель алаб// алаба, буквально: собака производитель, т.е. собака отец аеаб// аеаба - конь, буквально: лошадь производитель, лошадь отец: арбазь - петух и пр. (К.С.Шакрыл, 1977, с.87). К этой же основе восходит и аб - "отец" Рн /с/ АН - интерпретируется аналогичным образом от основы ан со значением "самка, производительница". Значение это встречаем в следующих примерах: аеан - "кобыла" - букв. "лошадь-самка", озан алн, "мать его животного" и т.д. Таким образом, значение термина родства ан - "мать", Рж.

Морфологическая простота этих терминов удивления не вызывает. Она характерна для многих языков. Именно эти термины часто выражаются простейшими, часто звукоподражательными морфемами. Ш.Д.Инал-ипа пишет по этому поводу: "По мнению большинства ученых они (т.е. термины для выражения отношений Рм и Рж - А.Ш.) возникают самостоятельно, спонтанно из языка детей, они представляют собой самые древние и оригинальные элементы каждого языка. Полагают также, что в продолжение долгого процесса миграции и межплеменной амальгамации, в раннюю эпоху человеческой истории термины эти вместе с другими терминами могли передаваться от племени, подвергаясь в то же время несомненным изменениям (Ш.Инал-ипа, 1954, с.192).

/с/ АШЬА - происходит от основы шья "кровь". Основу эту находим в словах ашья катэит - 'кровь пролита', аибашья - 'война', кровопролитие, аиашьяра "братство" и т.д. Значение "брат" ДмР производится в абхазском языке от понятия "кровь". Мой брат ДиР тождественно "моя кровь".

/с/ АХЭШЬА - происходит от той же основы, что и предыдущий термин. Однако в этом случае термин оформлен префиксом хэ, указывающим на женский пол. Префикс а, как и в предыдущем случае, выражает направленность. Таким образом, термин "сахэшьа" можно перевести как "ко мне женская кровь", или "моя сестра" ДжР.

/с/ па, па и ба - выступает в абхазском языке определителем мужского пола. (сына) Дм. Например, ачапа - букв. "сын оленя" - ахэапа - букв. "боров", или "производитель", примеры с ба алаба - букв. "собака - самец", апгуаба - букв. "кот", аб "отец" Рм и т.д. Па - осмысливается как "сын" или "самец"

в русском языке. Суффикс п выступает со значением "корень" пашэ. Например: /с/ дац-пашэ с - притяжательный префикс I-го лица, ед. числа, корень слова дац - букв. "корень" или "вена", второй корень пашэ означает "разветвление", или дословно "мое венное корневище", или "сросший мой корень". Это набор значений корня па семантически объясняет термин родства в значении "сын" Дм.

/с/ ьпха - аналогичным образом можно рассматривать термин /с/ ьпха. Если считать правильным вышесказанное, то корнем слова /с/ пха является п - показатель пола, а окончанием этого слова является ха, определитель женского пола. Таким образом, в первой части можно увидеть, что корень слова пха "дочь" Дж -или "корень - женщина".

Формант ха /хьо/, - пишет К.С.Шакрыл, - в абхазо-абазинской подгруппе, хьу в адыгских языках и х,а в убыхском, очевидно представляет собой давно окаменевший словообразовательный аффикс, означавший людей женского пола (К.С.Шакрыл, 1971, с.86).

/с/ хаца - В настоящее время, - подчеркивает В.Х.Конджария, - что во всех абхазо-абазинских диалектах термин ахаца /Бз.ахаца, абаз. агаца/"мужчина" служит для обозначения" мужчины, мужа, супруга". Корень данного слова восходит к основе ахэ - аха /аха - а.а/ "голова" и как бы воспроизводит господствующее положение мужчины в семье в эпоху патриархата. Первоначально ахаца по-видимому, означал "высокое" понятие "муж", "мужчина в зрелом возрасте". Отсюда - ахацара "мужество" ахаца ихаца "муж мужей, герой", афырхаца "герой" дхацахеит, "он созрел возмужал" (В.Х.Конджария, Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, 1975, с.110-111 и т.п.). с "мой", х - "голова", аца - "дно". Например; азаца - букв. "река дно", или "дно реки, амшин аца - букв. "море дно", или "дно моря", споаца - букв. "моей души дно", или "дно моей души", или "сокровенное".

Хаца в абхазском языке выступает и с другим значением. Например: исхэо хаца - букв. "говорю, верь", или сыгура хаца - букв. "мне поверь".

Ахаца в литературном языке и в разговорной речи выступает со значением "мужчина", вполне зрелый, способный на все мужские дела (создать семью, идти на войну, встретить зверя, перенести все тяготы и невзгоды).

ахаца - может также иметь значения "герой, воин, отличившийся в схватке". Таким образом, естественнее всего термин /с/ хаца осмысливается как "мой мужчина". См.Однако, допустимо эвфемистическое толкование как "дно" или основание моей головы", т.е. тот, кто составляет основную поддержку женщины во всех ее делах и помыслах.

/с/ ьпхэыс. В абхазском а - пха - "дочь" (см.выше), По мнению Марра, термин а - пха сочетается с ыс "человек" в сложное слово апхэыс "женщина". Это же слово стягивается, теряя спирант /х/ и внутреннюю огласовку /ы/, в форму пс, в таком виде оно служит суффиксом "для обозначения самок различных животных: ала - "собака", "пес", алапс - "сука", ажьа - "заяц", ажьапс - "зайчиха" и др. Очевидно, что объясняя суффиксы, мы можем исходить лишь из сложной и более полной формы апхэыс "женщина", а последняя в свою очередь буквально значит "дочь-человек", будучи сложена из двух слов апх - (апха) - "дочь" и пс - "человек" (Н.Я.Марр, 1938, с.43). Соединившись с префиксом с - приобретает значение "моя женщина", т.е. "моя жена" Сж.

/с/ ьмахэ - "Судя по некоторым формальным признакам, - пишет Ш.Инал-ипа в книге "Очерки по истории брака и семьи у абхазов", - возможно, что это слово означает "не говорящий" /от ахзара - говорит, м. - отрицание. " Ш.Д.Инал-ипа, 1954, с.191). Действительно, до настоящего времени у абхазов бытует обычай избегания, выражающийся в том, что зять не должен говорить с родителями своей жены в течении достаточно долгого времени. Такие же ограничения, только в меньшем объеме, распространяются и на Эго и на мужа сестры Эго. См Дж, См ДжР.

/с/ таца, атаца - для современного словоупотребления характерны значения "невеста", "невестка", причем в группе мужа она будет всю жизнь именоваться хтаца - "наша невеста". (Ш.Д.Инал-ипа, 1954, с.192). Корень слова та заставляет задуматься: та в абхазском языке выступает как показатель места (локативный формант). Например: акьта - "село", ацута - "поселок", бзыпта - букв. название реки, та "место", букв. "место бзып", агуара-та - "внутри двора", аталара - букв. "войти", атара - букв. "отдавать", атыцра - букв. "выйти", "выходить", ца - ацара - "идти", уходить", уца - "ты иди". Иными словами, термин "атаца" может быть этимологизирован как "пришедший/ая на место". СжДмР СжДм.

/с/ ацала - от слова ацара - букв. "идти", ацыла - букв. "примкнувший/ая", аицара - "идти вместе" аицынхара - "жить вместе", у-цала - "ты иди". Такое толкование позволяет объяснить термин ацала - как "вместе идущая". Сж ДмРС.

Подобная семантика также соответствует социальной реальности большой семьи, где жены двух или более братьев часто жили вместе и вели общее хозяйство, или выражаясь иносказательно - ы - огласовка во всех случаях после любого префикса.

но "шли вместе".

Этими II терминами исчерпывается список исходных элементарных терминов, относящихся непосредственно к сфере родства. Остальные 9 терминов, включенных нами в разряд морфологически исходных, или морфологически простых, объединяются с ними только с лингвистической точки зрения, поскольку они не являются производными от каких-либо других терминов родства. Но функционально они резко отличаются и указывают либо на различные отношения квазиродства, например, термины I7-20, либо являются обобщающими (термины I2-I3), либо факультативными, т.е. детализирующими какой-либо из исходных терминов по каким-то дополнительным признакам. Рассмотрим эти термины.

/с/ цзалц - с - "мой" букв., "плоть" лц - выходить, букв. "вышедший из плоти". Например абна дылцит - букв. "из леса вышел", акыта далцит - букв. "из села вышел" или "ушел" итаацзеа дрылцит - "от семьи вышел", акучышь акутагь иалцит "цыпленок из яйца вышел" и т.д.

/с/ цзалц - букв. "моя плоть вышла" или "вышедший из плоти", этот термин, носящий обобщающий характер, употребляют только в тех же ситуациях, пользуются термином /с/ хылц, который можно рассматривать как вариант предыдущего. Здесь мы находим тот же корень лц, префигированный корнем х "голова", что дает нам значение "вышедший головой", что, видимо, содержит указание на рождение ребенка. Дм, Дж.

агубжьаньтэ. Этот термин является факультативным по отношению к терминам ашья и ахэшьа ДмР, ДжР, уточняя их значение. Агуы - букв. "сердце", также "центр", "середина". Например: акыта агуы - букв. "село центр", или "центр сала", бжьа - выступает со значением "между", например: адгьылбжеаха - букв. "остров" окончание ныта выражает направленность, агубжьаньтэ - букв. "в центре между оттуда", или "середина". Стало быть, этот термин определяет "среднего", т.е. как бы находящегося между двумя сердцами брата или сестры (сиблинга).

/с/ ычкун - означает неженатого, но вполне зрелого молодого парня. Употребляется как факультативный термин по отношению к термину па, подчеркивая статус сына как молодого человека. Однако термин ачкун употребляется также по отношению к семейному молодому человеку, этимология не ясна. Слово ачкун служит также обозначением неженатого молодого человека.

/с/ ызга - Возможно заимствовано из картвельского языка, на абхазском языке термины относятся к сфере квазиродства. Как выше мы уже говорили, /с/ хаазала х - "голова", ааза - букв. "ухожженный" или "воспитанный". В другом варианте х -

"молоко". Например: хшла - букв. "молоком". Надо полагать, что в этом случае х принимает именно второе значение.

/с/ хаазала будет значить "молоком воспитанный этим", или "одним молоком выкормленный", т.е. "молочный брат". Этот термин употребляется для обозначения приемного ребенка родителя Эго, равного Эго по статусу и воспитывавшегося вместе с Эго с младенческого возраста.

/с/ аазамта - "мною воспитанный". Данное слово также образовано с помощью основы аа "воспитанный" и суффикса мта, осмысливающаяся в значении "от меня". Таким образом саа амта букв. "воспитанный от меня", т.е. "воспитанный мною."

/с/ абзыцзашья, Бзы - букв. "язык", /с/ бз - -мой язык", алабз - букв. "собачий язык", ацгуабз - букв. "кошачий язык", ачабз - букв. "лошадиный язык", и т.д. Цза как мы говорили выше означает "плоть", в других случаях цза принимает другие значения. Например: а-цза-букв. "сон" и -цзеит амца-букв. "погас огонь", или "уснул огонь". цза - в слове а-цза-ра - букв. "сосать", шьа как упоминалось выше, значит "брат".

Таким образом, /с/ бзыцзашья - букв. "язык плоть -брат". В этом следует видеть указание на некогда существовавший обычай сосания груди. Этот термин применялся в ситуации кровной мести.

Родовая кровная месть, по-абхазски - "ашьяура", дословно - "делать кровь", точнее "взятие крови", принадлежит к числу наиболее существенных институтов первобытнообщинного строя. Пережитки его у абхазов сохранялись до самого недавнего времени. (Ш.Д.Инал-ипа, 1965, с. 433). У мстителей крали грудного ребенка любого пола. Его кормила грудью женщина - член семьи /рода/ убийц. Через некоторое время при посредничестве старейшин, которые и по сей день имеют у абхазов сильное влияние, регулировали отношения кровников, а ребенок оставался до совершеннолетия или навсегда в роду убийц. Его и называли термином абзыцзашья, если это был мальчик и абзыцзахья, если это была девочка. Тем самым воспитанный или воспитанница становились братом или сестрой в роду убийц. Слово как будто прозрачное, состоит из абз "язык" цза - основа глагола ацзара "сосать" и шьа "брат".

Аакашэарах - "подкидыш" от слова акашэара - букв. "падать". Этот корень встречается также в словах "ацынцэарах" "остаток", кашэарах - букв. "находка" "брошенный" и "оставленный". Этим термином называли подкидышей, т.е. детей неизвестных родителей, взятых на воспитание в семью Эго /Д/.

Морфологически производные термины

/с/ абду. В системе родства абхазов для выражения отношения родства 2-го поколения находим термины /с/ абду "д"д и /с/ анду - "бабка". Для класса абду "дедов" РмРм, РмРж существует один общий термин абду, а для класса анду "бабок" - общий термин анду РжРм, РжРж.

Ду в абхазском языке выражает сравнительную степень. Например: абга - "волк", абгаду - "волк большой", ацнуу - "кошка", ацгуду - букв. "кошка большая" и т.д. Таким образом, окончание ду в слове абду проясняет значение термина /с/ абду - "дед", где корнем является аб Рм - "отец" с добавлением ду - "большой", т.е. букв. "мой отец большой". РмРм /см. таблицу I/.

/с/ анду. Аналогичное рассуждение применимо к термину /с/ анду - "бабка". Ан "мать", ду - "большой" - букв. "моя большая мать."

Рассмотренные корневые элементы аб и ан мы обнаруживаем также в терминах /с/ абхуа и /с/ анхуа, т.е. РС. Совершенно очевидно, что перед нами морфологически составные термины, где наряду с первым корневым элементом ан и аб наличествует морфема -хуа.

Эту морфему мы находим и в ряде других слов. Во-первых, она связана со значением "зола" -ахуа, откуда идут производные, обозначающие масть животных ачыхуа 'лошадь серой масти', алахуа 'собака серой масти' и др. Во-вторых, мы встречаем эту морфему в ряде глаголов, семантически скорее всего не связанных с предыдущими значениями: аахуара 'покупать', ахуара 'помогать' и др. Исконным значением здесь выступает 'помощь'. Можно также предположить, что в основе этой корневой морфемы в данном случае лежит некий акт передачи движения каких-то материальных или духовных благ: 'покупать' - движение материальных благ от кого-то в сторону Эго: 'помогать' - движение материальных или духовных благ от Эго в сторону Альтера и т.д.

Хуа имеет значение 'изгиб', 'не прямой путь', отсюда например производное ахуа - 'горбун', "кривой". Возможно, это значение отдаленно связано с предыдущим, в частности, со сгибанием при оказании помощи.

Приведенных нами данных достаточно для семантической интерпретации терминов абхуа и анхуа. Скорее всего, они указывают на движение материальных благ, т.е. на передачу ими Эго супруга

Таким образом, абхуа означает примерно "дающий мне" /т.е. дающий супруга", "отец", или "помогающий мне отец"/. Важно иметь в виду и вторую возможную интерпретацию, не исключаящую, впрочем, первой: "изгибный" /т.е. не прямой/ отец /соотв. мать/.

/с/ анхупка "свояченица, т.е. этот термин охватывает всех мужчин /сестра мужа и сестра жены/. Если считать, что "хуа" означает "недействительный", "кривой", "не настоящий", тогда этот термин мы можем объяснить как: абхуа - "ненастоящий отец", анхуа - "не настоящая мать" - анхупха - "дочь не настоящей матери" ДжРС. Несколько иную форму имеет слово абхунжа "деверь". Но и здесь по аналогии можно предполагать значение "сын не настоящего отца" (Ш.Д.Инал-ипа, 1954, с.190) ДмРС.

В морфологически производных терминах, таким образом, можно выделить несколько категорий. Например: категории ду и хуа, о чем мы говорили выше (см. табл. 2, 22, 23, 24, и 25). Но кроме этих терминов мы встречаем также оформленные формантами еихаб, еицуб, зацэ, пса и зза для разных поколений.

Категория айхаб - букв. "старший" в группе морфологически производных составляет 4 термина (см. табл. 28, 30, 32, 34) из них 28 и 30 в нулевом поколении, 32 и 34 - I поколении, т.е.

/с/ ашьейхаб ДмР означает "старший брат"

/с/ ахэшьейхаб ДжР "старшая сестра"

/с/ шейхаб Дм "старший сын"

/с/ пхайхаб Дм "старшая дочь"

С помощью основы аицубы - букв. "младший" также образовано четыре термина.

/с/ ашьаицуб ДмР,

/с/ ахэшьаицуб ДмР,

/с/ пайцуб Дм,

/с/ пхайцуб.

Таким образом, указанные термины обозначают младших детей и сиблингов. Отметим, что термины, относящиеся к категории айхаб и айцуб являются факультативными, т.е. уточняющими по отношению к терминам /с/ ашьа, /с/ ахэшьа /с/ па и /с/ ыпха /с/ ашьазацэ, /с/ ахэшьазацэ, /с/ пазацэ, /с/ ыпхазацэ.

Категория зацэ, как и другие предыдущие еихаб и еицуб, в группе морфологически производных терминов тоже состоит из 4 терминов /см. табл. №2, №37 по 40, из них 37, 38 и в нулевом поколении, 39 и 40 - в I поколении. Зацэ показывает категорию единственности, т.е. "единственного сына", единственной дочери" и т.д.

Среди морфологически производных терминов встречаем еще

одну обширную категорию терминов, объединенных общим формантом пса. Все они выражают классы родства, основанные на вторичном браке: /с/ абпса, /с/ анпса, /с/ абхуапса, /с/ анхуапса, /с/ ашьапса, /с/ ахэшьапса, /с/ папса, /с/ пхпса.

В данном случае видимо родственно корню глагола а п с а х р а "менять", "заменять". Аб -Рм, пса - букв. "вместо", "заменяющий", абпса СРж - "замен отца" или "вместо отца". Анпса "мачеха": Ан Рж пса - "вместо", "мать вместо" или "вместо матери" СРж. Абхуа - рмс плюс пса, т.е. не родной тесть, свекор. Анхуа плюс пса, т.е. не родная теща, СРмс./с/ папса, т.е. па плюс пса - "не родной сын" Дмс и "не родная дочка" Джс.

/с/ абазза. Суффикс зза в отличие от предыдущего "пса" выражает квазиродство. Абхазы называют его словом азара "воспоминание". "Сущность кавказского аталычества, взятого в последний период его существования, состоит в том, что ребенок, как правило, из привилегированного сословия, вскоре после своего рождения отдавался родителям на воспитание в чужеродную (обыкновенно крестьянскую) семью, а последняя охотно принимала и старательно растила его в течение нескольких лет (иногда до совершеннолетия), после чего питомец торжественно возвращался в отчий дом, причем между соответствующими группами с момента взятия ребенка устанавливались тесные взаимоотношения, которые почти не уступали отношениям при обычном естественном родстве (Ш.Д.Инал-ипа, 1965, с.479).

В термине /с/ - абазза//еи имеем частицу зза, которая выражает превосходную степень: айцбза - "самый младший" /айцбы - "младший"/, /очень/ "большой" /а-ду-"большой"/, ахучы - "маленький", ахучза - "самый маленький". Встречается также форма зза - аду "большой" - аду а - "огромный", т.е. сабааза - "аб"-отец Заб Рм/ зза - "самый" 'очень'-т.е. воспитатель /Рм/ "большой".

Ахупха -В этом слове мы имеем два корня, первый аху - букв. -"приобретать или приобрести", второй корень пха -букв. "дочь", т.е. мы получаем термин со значением "приобретенная дочь". Но, однако, у абхазов на воспитание брали только представителей мужского пола. Видимо в далеком прошлом у абхазов практиковалось взятие на воспитание и представителей женского пола. По всей видимости термин ахупха имеет более архаическую форму.

Это последняя группа терминов, как уже указывалось, в основном выражает кузенные и непотические классы родства. Специфика ее состоит в том, что каждый термин представляет собой комбинацию из двух или более морфологически исходных или морфологически производных терминов, соединенных без посредства посессивных префиксов, что и отличает эту группу от потенциальных терминов. Это кажущееся на первый взгляд незначительным отличие, на самом деле оказывается весьма существенным, так как в глазах носителей оно превращает морфологически составной термин в одно слово, в то время как потенциальные термины для них - последовательность из нескольких слов.

/с/ АНЬША - ДмРРж состоит из основы ан - "мать" и шьа "брат". Соответствующий потенциальный термин звучал бы как ан-л ашьа.

/с/ АНЛАХЭШЬАПА - ДмДжРРж - состоит из основ ан - ахэшьа - па, т.е. "мать", "сестра", "сын". Хотя анлахэшьа представляет собой потенциальный термин, образованный при помощи посессивного л - (3 л. ж.р., ед.ч.), основа па присоединяется к нему без ожидаемого местоименного префикса, Л, что и дает нам возможность рассматривать его как морфологически составной. В противном случае мы имели бы анлахэшьалпа.

/с/ АНЛАХЭШЬАПАХА - ДжДжРРж - женский аналог термина, где вместо последнего па имеем пха, т.е. "дочь".

/с/ АБАХЭШЬАПА - ДмДжРРм - состоит из основ аб - ахэшьа и па, т.е. "отец", "сестра", "сын". Также, как и в случаях с предыдущими двумя терминами, основа па присоединяется к потенциальному термину аб - и ахэшьа без посредства посессивного префикса. В противном случае имели бы абахэшьалпа.

/с/ АБАХЭШЬАПАХА - ДжДжРРм - женский аналог предыдущего термина, где вместо па имеем пха.

/с/ АНШЬАПА - ДмДм РРж состоит из основы аншьа и па, т.е. "брат матери", "аванкул" и "сын". Обе основы объединены без посредства местоименного префикса.

/с/ АНШЬАПАХА - ДжДмРРж - женский аналог предыдущего термина, где вместо па - пха.

/с/ АХЭШЬАПА - ДмДжР - состоит из основ ахэшьа и па, т.е. "сестра" и "сын", соединенных беспрефиксно. В противном случае имели бы ахэшьалпа.

/с/ АХЭШЬПАХА - ДжДжР - женский аналог предыдущего термина, где вместо па - пха. Соответствующий потенциальный термин

был бы ахэшьялпха.

В целом абхазская система родства суммирована нами в следующих таблицах.

Т а б л и ц а № I

Морфологические исходные термины	Денотат
1. /с/ аб	Рм
2. /с/ ан	Рж
3. /с/ ашья	ДжР
4. /с/ ахэшья	ДжР
5. /с/ па	Дм
6. /с/ ыпха	Дж
7. /с/ хаца	См
8. /с/ ыпхэмс	Сж
9. /с/ ымахэ	СмДж; СмДжР
10. /с/ таца	СжДм; СжДмР
11. /с/ ацала	СжДмРСм
12. /с/ ыпшэма	С
13. /с/ схылц-сцэалц	Д
14. /с/ агуыбийаньтэ	ДР
15. /с/ ычкуын	Дм /не женаты/
16. /с/ ызгаб	Дж /не женатая/
17. /с/ хаазала	/Д/
18. /с/ аазамта	/Д/
19. /с/ ыбзыцэашья	/Дм/
20. /с/ ыбзыцэахэшья	/Дж/
21. акашэарах	-Д/ подкидыш/

Т а б л и ц а № 2

Морфологические производные термины	Денотат
22. /с/ абду	РмР
23. /с/ анду	РжР
24. /с/ адхуа	Рмс
25. /с/ анхуа	Ржс
26. /с/ абхунда	ДмРС
27. /с/ анхупха	ДжРС
28. /с/ ашьяаихаб	ДмР
29. /с/ ашьяаицыб	ДмР
30. /с/ ахэшьяаихаб	ДжР
31. /с/ ахэшьяаицыб	ДжР
32. /с/ спаихаб	Дм
33. /с/ спаицыб	Дм
34. /с/ пхаихаб	Дж
35. /с/ пхаицыб	Дж
36. /с/ ымахэыла	СмДжРСж
37. /с/ ашьяазацэ	ДмР
38. /с/ ахэшьяазацэ	ДжР
39. /с/ пазацэ	Дм
40. /с/ пхазацэ	Дж
41. /с/ абпса	СРж
42. /с/ анпса	СРм
43. /с/ абхуапса	СРжс
44. /с/ анхуапса	СРмс
45. /с/ ашьяапса	ДмСР
46. /с/ ахэшьяапса	ДжСр
47. /с/ папса	Дмс
48. /с/ ыпхапса	Джс
49. /с/ абазза	/Рм/
50. /с/ аназза	/Рж/
51. /с/ аншья	ДмРРж
52. /с/ ахэшьяапа	мДжР
53. /с/ ахэшьяапха	ДжДжР
54. /с/ ашьяазар	Дм
55. /с/ сахэшьяазар	Дж

Т а б л и ц а № 3

морфологически составные термины	Денотат
51. /с/ аншьа	ДмРРж
52. /с/ ахэшьапа	мДжР
53. /с/ ахэшьапах	ДжДжР
54. /с/ ашьазар	Дм
55. /с/ сахэшьазар	Дж

Т а б л и ц а № 4

Морфологически собираемые термины	
56. /с/ абипара	/потомство одного отца /
57. /с/ аншьца	/братья матери /
58. /с/ ашьца	/братья/
59. /с/ ахэшьца	/сестры/
60. /с/ иашьара	/однокровники/
61. /с/ махэшьара	/однокровницы/
62. /с/ хшара	/потомство/
63. /с/ хылцшьтра	/колени моих детей/
64. /с/ дацпашэ	/коре-микоризи /
65. /с/ таацза	/семья/
66. /с/ абхураа	/не прямые отцы/
67. ауа	/родственник/
68. атынха	/потомок/
69. /с/ цеира	/потомки /
70. ажьрацэара	/сородичи/
71. ахатза	/супруг перешедший к супруге/
72. авартэа	/подсевшая к женатому/
73. атэахьа	/засидевшая /
74. атьдих а	/засидевшая-ссохшая/

М.С.Т х а й ц у х о в

ГЕНЕАЛОГИЯ АБАЗИНСКИХ ФАМИЛИЙ КАК ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Для установления родственных связей люди всегда вынуждены прибегать к генеалогиям а "родство по своему характеру считается генеалогическим"¹. В.А.Никонов отмечает: "Фамилия - наследственное имя семьи - ценнейший источник по истории народа и языка. Знать историю своей фамилии - не пустое любопытство. Миллионы людей вправе гордиться предками, трудом которых созданы все богатства Родины. Вместо прежних сотен генеалогий (родословных) теперь необходимы сотни тысяч. Это обязывает перейти к изучению не отдельных фамилий, а всей массы их"².

Генеалогия абазинских фамилий - часть истории абазинского народа, в них отражаются исторические связи абазин с родственными им абхазо-адыгскими народами. Ее изучение является актуальной проблемой в выявлении этнокультурных связей абхазо-адыгских народов в прошлом.

Отсутствие специальных изданий, содержащих сведения об абхазо-адыгских фамилиях создают определенные сложности в освещении данного вопроса. Для обоснования рассматриваемых абазинских фамилий мы устанавливали, по возможности, связи каждой с соответствующими другими фамилиями (адыгскими, абхазскими), опираясь при этом на имеющиеся источники и литературу, на данные языка, а также на полевые материалы.

Анализируемые абазинские фамилии являются сравнительно новыми, большинство которых относится к XIX веку. Значительная часть абазинских фамилий генетически связана с абхазскими и адыгскими фамилиями, в основе которых лежит общий корень. Для анализа отдельных абазинских фамилий мы опирались, в основном, на адыгский язык с помощью которого выявляется ряд абазинских фамилий с адыгским значением. Но однако, это не значит и совсем неверно было бы утверждать, что все абазины, носящие адыгские фамилии и фамилии с адыгскими значениями, по своему происхождению адыги, - это говорит о тесных абазино-адыгских этнических связях, которые частично приводили абазин к интегра-

¹ Б у т и н Н.А. Типология родства. В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с.66.

² Н и к о н о в Н.А. География фамилий-источник этнической истории Грузии. СЭ, 1983, № 1, с.23.

ции с адыгами. Такое положение обуславливалось тем, что если какой-либо беглый крестьянин принимался в члены какого-либо из адыгских племен (в период XIX века), то он принимал фамилию того рода, к которому присоединялся.

Адыгский просветитель XIX века Хан-Гирей в своем сочинении "Записки о Черкесии", так писал об этом: "Человека, переходящего к ним (к адыгам - М.Т.) из другого племени по каким бы то ни было обстоятельствам, какого бы он ни был рода и звания, с семейством или без семейства, должно принимать в сочлены того рода, к которому беглый явится, и водворять его, дав ему для этого необходимое вспомоществование, приводя причем к присяге, состоящей в том, чтобы быть верным новому своему обществу и исполнять основные того рода, или фамилии условия. Мы не можем определить, в какое время сей обычный устав собратства образовался и кто были его основателями....."³. Здесь речь идет о том, что в XIX веке у адыгов существовала особая общественная организация, так называемое "братство". Дж.Белом также было отмечено существование у абазин в первой половине XIX века "братств" аналогичных адыгским⁷. Однако, из сообщения Хан-Гирея мы знаем, что из себя представляло это "братство", суть которого заключалась в следующем: "...устав соприсяжного собратства был громом власти высшего класса во всей Закубанской Черкесии. Подвластные князьям и дворянам люди соседних владений, крепостные или вольные земледельцы, при малейшей обиде или угрозе со стороны владельцев, даже и без этого, начали переходить к ним, где были принимаемы и водворяемы, что постепенно умножая силы и населенность тех, ослабевало и уменьшало других....."⁵. Таким образом, есть основание утверждать, что названия некоторых адыгских родов, общин и фамилий распространялись среди абазин в XIX веке под воздействием адыгских "братств". Судя по всему, это "братство" долго не просуществовало, по замечанию самого же Хан-Гирея, "такое состояние дел, однако ж, не могло быть продолжительно: последовало всеобщее потрясение. Дворяне в абадзахском, шапсугском и натухайском (т.е. абадзахском, шапсугском, натухайском - М.Т.) племенах, также князья и дворяне в соседних с ними княжеских владениях, для которых страшное усиление в годах класса вольных земледельцев равно было пагубно, в различные времена единодушно действовали, имея целью искоренение этого обычного устава соприсяжного собратства в трех упомянутых

3 Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978, с.210-211.

4 Меретуков М.А. Экзогамия у адыгов. Ученые записки Адыгейского НИИ, серия "Этнография", т.УШ, Майкоп, 1968, с.257.

5 Хан-Гирей. Указ. соч., с.211.

племенах и восстановление там прежнего порядка подчиненности простого класса власти дворянства"⁶. Однако, как бы не было ускорено "мероприятие" по искоренению данной общественной организации "братства", оно тем не менее, оставило глубокий след в среде абазин. Следует отметить, что это "мероприятие" осуществлялось далеко не мирным путем, Хан-Гирей подчеркивал, что "...потоками проливали кровь"⁷. Как указывал данный автор, дворянские роды в абадзахском, шапсугском и натухайском племенах первоначально свое унижение неравнодушно переносили, в особенности дворяне шапсугского племени, которые оставив свою родину, долгое время искали помощи других племен и проливали много крови, подстрекая высший класс во всей Черкесии к действиям вооруженной рукой против своего отечества.... эти дворяне, лишались прежнего своего могущества⁸.

Нам представляется, что при таких обстоятельствах отдельные дворянские роды, за пролитую ими кровь против своих соотечественников и избегая кровной мести, покидали свои места и скрывались в соседних землях. Например, в Абхазии, в XIX веке, скрывался представитель рода Канока, от которых как указывал Хан-Гирей, происходили князья Малой Кабарды⁹. В Абхазии нами записано предание со слов одного из потомков рода Канока, - Канхва Сурам Быджьгович, который сообщил: "Отец мой, Канхва Быджьга, родился в Абхазии и умер в Абхазии в 1936 году в возрасте 75 лет. Он рассказывал, что наш род раньше (в XIX веке) жил в с.Джамбачей, ныне это село находится в Красногвардейском районе Краснодарского края. Мы тогда были черкесами и нашей фамилией была Канока. В Абхазии в XIX веке переехал мой дедушка, Канока Селым, т.е. отец моего отца. Канока Селым вынужден был по причине убийств покинуть свою родину и переселиться в Абхазию. С тех пор нашей фамилией стала Канхва, т.е. поменяли нашу настоящую фамилию Канока на Канхва и мы записались абхазцами. В Абхазии, в Очамчирском и Сухумском районах живут представители фамилии Лафишба (абаз.Лафишев - М.Т.) и Тлицеев, предки которых насколько мне известно, также были выходцами из села Джамбачей и переехали в Абхазию в XIX веке"¹⁰.

6 Хан-Гирей. Указ. соч., с.211.

7 Там же.

8 Там же, с.212.

9. Хан-Гирей. Указ.соч., с.227.

10 Записано со слов Канхва Сурама Быджьговича, 61 год, абхазец, род. и живет в с.Адзюбжа, Очамчирского р-на. Записал М.С. Тхайцухов, 5 марта, 1984., в с.Адзюбжа.

Следует отметить, что в настоящее время фамилия Канока (абх. Канхва), встречается среди кабардинцев, черкесов и абазин, которая оформлена с добавлением русского суффикса "ов" (Каноков). Абазинское произношение рассматриваемой фамилии - Къанокъуа, окончание "къуа" соответствует адыгскому слову къуа, что означает "сын", а основа фамилий "къан", как нам кажется, является личным именем и фамилия Уханокъуа переводится со значением "сын Къана".

Одинаковые фамилии встречающиеся среди абхазов, адыгов и абазин не редкость, поэтому прав Ш.Д.Инал-ипа, когда подчеркивает, что в составе коренного населения Абхазии и Кабарды (также у абазин - М.Т.) мы видим немало общих родоплеменных, фамильных и личных имен¹¹. Свою точку зрения Ш.Д.Инал-ипа обосновывает несколькими фактами и проводит параллель между отдельными фамилиями. Например, с абазино-адыгской фамилией Ашибоков (абаз. Ашвбокъуа, кабард. Ашабукъ) Ш.Д.Инал-ипа проводит параллель с абхазской фамилией Ашуба, с абазино-кабардинской фамилией Озов (абаз. Уаз, кабард. Уззы) с абхазской фамилией Уазба:.... Ш.Д.Инал-ипа также считает, что по своему происхождению абхазским или абазинским может быть адыгейско-кабардинская фамилия Абаза (Абаза) и кабардинские фамилии Апсевы, Апшевы¹². В связи с этим обращает на себя внимание ряд названий родов и фамилий, который приводит Хан-гирей в выше приведенном его труде. К ним относятся: абадзехские - Анфекко-р, Ххаткко-р, Мереткко-р, Ххоазже-р, Ххакур-не-р, Ххуте-р, Ххунаккс-р; шапсугские Абате-р, Тльшхокко-р; натухайская Натххо-р¹³. Приведенные Хан-Гиреем фамилии в настоящее время бытуют среди абазин, а некоторые из них и среди абхазо-адыгов. Например, Анфекко-р параллельна абазинской фамилии Анфроков, которая в абазинском произношении звучит - Анфокъуа, окончание "къуа" переходящее к адыгскому "къуэ" (сын), а в основе фамилии лежит личное имя Анфо. Таким образом, значение фамилии Анфокъуа переводится как "сын Анфо". Фамилии Ххаткко-р и Мереткко-р также параллельны абазино-адыгским фамилиям: абаз. ХІ аткхуа, адыг. Хатко; абаз. Муратыкхуа, адыг. Мэрэтыкху. Как видно, окончания рассматриваемых фамилии соответствуют адыгскому форманту "къуэ", а в основе данных фамилий лежат личные имена - ХІат и Мурат и переводятся эти фамилии как "сын ХІата", "сын Мурата". Фамилии

¹¹ Инал-Ипа Ш.Д. Абхазо-кабардинские этнографические параллели. В кн.: Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982 г., с. 77.

¹² Инал-Ипа Ш.Д. Там же, с. 76.

¹³ Хан-Гирей. Указ. соч., сс. 201, 205-206, 208-209.

Ххоазже-р, Ххакур-не-р, Ххунакко-р также параллельны абазино-адыгским фамилиям: абаз. Ххажв, адыг. Хоужж; абаз. ХІакъун, адыг. Хъакунэ; абаз. ХІун. Фамилия Ххуте-р имеет свою параллель с абазино-адыгской и абхазской фамилией: абаз. ХхутІ, адыг. Хутт, абх. Хутаба. Фамилии Тльшхокко-р и Натххо-р параллельны с абазинскими фамилиями: Тльшв и Натхва.

Абадзехская община Джангет-хабль¹⁴, т.е. джанкетовский квартал, на который указывал К.Ф.Сталь, отражена в абазинской фамилии ДжъанкІат, а в Абхазии встречается как личное имя Джъангъат.

Отметим, что отдельные абазинские фамилии, которые встречаются в настоящее время среди абазин, параллельны и ряду бжедугским фамилиям. Касаясь вопроса о бжедугах Ш.Б.Ногмов писал, что племя бжедугов было разделено на две ветви: черчений и хамышь¹⁵. "Разделение бжедугов на две части, - указывает Л.И.Лавров, - живо в сознании и современных бжедугов, которые делят свое племя на две подплемена: хамышь и черченей. По преданиям, они (как свидетельствует и Эвлия Челеби) выселились на Северный Кавказ в разное время¹⁶. Одна часть бжедугов, подчеркивает Л.И.Лавров, (согласно преданию, то были хамышевы) покинула Черноморское побережье и обосновалась в Закубанье до 1641 года. Другая часть этого племени (черченеевцы) появились в Закубанье после 1666 года¹⁷. Хан-Гирей также упоминает княжеский род Черчане-р, в Черченайском владении¹⁸. Как нам представляется, абазинская фамилия Чеченов (в абазинском произношении чачан), восходит к основе черчен. При произношении слова черчен буква р легко выпадает из данного слова и фамилия Чеченов была образована с ее опущением. Однако, интересен и другой факт, что основа чечен представлена и в абхазском языке в виде чачан с уничижительным значением.

Бжедугский дворянский род на который указывал Хан-Гирей - Тер-хе¹⁹, параллельна абазинской фамилии Татаршао (Татаршвауа). До настоящего времени среди адыгейцев-бжедугов и абазин существуют ряд фамилий, которые также параллельны. Например, абаз. Гъукет - адыг. -бжедуг. Гучетль; абаз. Кужв - адыг. -бжедуг. Кужъукъ; абаз. Иуан -адыг-бжедуг. Иуанукъ; а у абхазов Иуанба.

Таким образом, мы видим, что не мало абазинских фамилий, которые параллельны шапсугским, абадзехским и бжедугским фамилиям, число которых можно было бы продолжить, но из-за огра-

¹⁴ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа.

Тифлис, 1900, с. 86-87.

¹⁵ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947, с. 62.

ниченности рамки настоящего исследования, рассматриваются фамильные параллели в сокращенном виде.

Наряду с выше изложенным следует отметить, что существуют мнения о том, что абадзехи, бжедуги, шапсуги и ряд других адыгских племен раньше именовались абазинами. Например, по замечанию Л.Я.Люлье, который жил в течение определенного времени среди адыгов, адыги признавали за адыгов лишь кабардинцев, бесленеевцев, темирговцев, хатукаевцев и хегайков. Бжедуги, махашевцев и жанеевцев звали иногда "абадзе". Ссылаясь на данного автора, Дж.Н.Коков также подчеркивает, что "Абадзечиль" (абазэ жыл), означает абазинские народы – кабардинское общее имя для абадзехов, шапсуги и натухайцев²⁰. Не без внимания остается и факт приводимый Хан-Гиреем об абадзехах. Он писал следующее: "Племя это именуется абедзах для легчайшего произношения на наречии низовых черкес, хотя по настоящему должно выговариваться абадзех; ибо это наименование, по всей вероятности, произошло от того, что первоначальные абедзахи были абхазцы, почему абхазцев называли прочие черкесы абадзех, то есть абхазцы, каковое название осталось навсегда, несколько изменяясь впоследствии от произношения. Следовательно, этим же доказывается, что и происхождение первобытных абедзахов есть абхазское, а потому предков их должно причислить к коренным или древним обитателям этих мест, ибо из исторических сведений видно, что адыги и абазы вместе явились после аланов в начале христианской эры. Впрочем, как бы то ни было, абедзахское колено составилось из пришельцев, отделившихся от абхазских и черкесских колен, и так как последних несравненно было более, то все они сделались черкесами....."²¹. Как видно, Хан-гирей здесь говорит об этнической ассимиляции абадзехов адыгами, которые преобладали в численности.

Точка зрения Л.И.Лаврова по вопросу рассматриваемых племен также заключается в том, что абадзехи, шапсуги, махоши, бжедуги

16. Лавров Л.И. "Обезы" русских летописей. СЭ, 1946, № 4, с.62.

17. Лавров Л.И. К истории бжедуги и жанеевцев. Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории, т. IV, серия "История и этнография", Краснодар, 1965, с.248.

18. Хан-Гирей. Указ. соч., с.189.

19. Хан-Гирей. Указ. соч., с.190.

20. Коков Дж.Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983, с.296.

21. Хан-Гирей. Указ. соч., с.190-200.

ги и др. раньше именовались абазинами. Л.И.Лавров обосновывает свой вывод ссылаясь на источники и предания. Он указывает, что "значительная часть черкесских племен (а именно: шапсуги, натхуаджи, абазехи, гуае, жаны, бжедуги и махоши) долгое время среди самих же черкесов не признавались черкесскими, а именовались абазинами. К абазинам же причисляли и прибрежный народ убыхов, говоривший на своем особом языке. Само черкесское племя "абазех" в переводе означает "нижние абазини". Из этой группы шапсуги, гуае, натхуаджи и убыхи до середины XIX века проживали на той самой части черноморского побережья, которая в старину считалась заселенной абазинами. Что же касается жанов, бжедуги, махошей и абазехов, то о них мы также имеем сведения, что они переселились на Северный Кавказ из той же самой части черноморского побережья. Предания абазехов рассказывают о переселении их "из Абхазии", вернее – Абазии. Одно из абхазских преданий указывает на долину реки Шахе как на первоначальное местообитание этого племени. Старики шапсуги до сих пор показывают в районе Туапсе места, где когда-то жили махоши. По бжедугским преданиям, бжедуги также "абхазского происхождения", но что это была за "Абхазия" – мы хорошо знаем из сочинения Эвлии Челеби, который в 1641 г. застал бжедуги в процессе переселения из приморского района, расположенного между рр.Сочи и Шахе, на Северный Кавказ. Причисляя бжедуги к абхазам Эвлии Челеби говорит о них, что "это народ храбрый, говорящий по-абхазски и по-черкесски..."о разделении бжедуги на абхазскую и черкесскую части Эвлии Челеби говорит непосредственно после упоминания об их двуязычии, то это сообщение нельзя понимать в ином смысле, кроме как в том, что "абхазские" бжедуги говорили "по-абхазски, а бжедуги переселившиеся в Черкесию, усвоили (частично?) черкесский язык. Таким образом, свидетельство Эвлии Челеби окончательно убеждает в том, что "абхазские" бжедуги до своего выселения с побережья (т.е. до начала XVII в.) говорили на одном из диалектов абазинского языка"²². Данная точка зрения Л.И.Лаврова, по его же замечанию, до сих пор никем не опровергнута²³, наоборот, она у специалистов находит признание. Например,

22. Лавров Л.И. "Обезы"....с.164-165.

23. Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с.41.

Н.Г.Волкова согласна с тем, что часть адыгов еще в XVII в. была абазинами и считает вполне вероятным абазинское происхождение абадзехов²⁴, при этом подчеркивает, "что в процессе непрекращавшейся классовой борьбы на Северо-Западном Кавказе в течение XVII-XVIII вв. феодально-зависимое адыгское и абазинское население уходило в труднодоступные горные районы, создавая там свои поселения. В результате совместной жизни в этих поселениях выработался общий (абадзехский) диалект, а также некоторые особенности культуры и быта, что дало основание со временем считать обитателей этих поселений локальной группой адыгов"²⁵.

Нами отмечено выше, что ряд абазинских фамилий этимологизируются из адыгского языка. Например, Хужь (Хужев) букв. переводится со значением "белый"; ГьукIэ (Гукев) - "кузнец"; Шебзухов, фамилия, которая образовалась по роду занятий, на абазинском языке данная фамилия звучит как Шьбзыхь, на кабардинском Шьбзыхъу, которая означает "кобылопас"²⁶; Натхва (Натхов) - на кабардинском Натхо (натъхъо-натIашхо) букв. "голубые глаза, широкий лоб"²⁷; ТхIайцIыхь Тхайцухов), на кабардинском - ТхэийIыху, фамилия состоит из двух компонентов: I - тхэ, которая означает "бог"; II - цIыху, означающий "человек", т.е. полное значение фамилии "божий человек"; Шаугян (Шовгенов), кабардинское "шэуджэн", которая означает "священник", у абхазов встречается как личное имя Шугъан.

Итак, выше рассмотренные абазино-адыгские фамилии говорят о тесных взаимосвязях и этнических контактах абазин и адыгских народов, контакты которых частично приводили абазин к интеграции с адыгами.

Исследования абазино-абхазских фамилий представляют интерес, прежде всего, с точки зрения генетического родства абазин и абхазов.

При выявлении общих абазино-абхазских фамилий мы в основном опирались на архивные документы, литературные источники, на данные полевых материалов, собранные нами у абазин на Северном Кавказе и в Абхазской АССР. С учетом имеющихся материалов мы по возможности указываем в каких местах Абхазии в XIX веке были распространены абхазо-абазинские фамилии. Также отмечается, что ряд абхазо-абазинских фамилий параллельны абхазским личным именам, которые бытовали в XIX веке в Абхазии, имена, которые и в некоторых случаях встречались в качестве фамилии.

²⁴ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 36.

²⁵ Волков Н.Г. Там же.

Рассматриваемые абазино-абхазские фамилии сначала даются в абазино-абхазском написании, а затем, в принятом русском написании.

Абаз. Агрба, абх. Агрба (Агирбов). Фамилия Агрба встречалась в XIX веке повсеместно в Абхазии, в этот же период она встречалась в с. Аацы и в с. Отхара в виде Агирба и Агирбаев²⁸. В настоящее время данная фамилия распространена по всей Абхазии как агрба, а у абазин, хотя она закрепились в виде Агирбов (в русском варианте), но произносится как Агрба.

Абаз. Багъ, абх. Багба (Багов). Как отмечено в источниках, еще в первой половине XIX века в Бзыбском округе Абхазии существовала деревня Багсокыт, которой управляли дворяне Багаа²⁹. В основе названия данной деревни, лежит корень баг, а вторая часть кыт, на абхазо-абазинском языках означает "селение", т.е. слово Багсокыт означает "Баговское селение". Автор XIX века Е.Д. Филицин также указывал на общество Баг, которое жило у вершины реки Ходзь³⁰. В конце XIX века, как отмечается в архивных документах, фамилия Баг встречалась в Ачандарской общине Абхазии как личное имя, - Кварчелия Багъ Марышев³¹. В настоящее время рассматриваемая фамилия распространена в Гудаутском и Очамчирском районах в виде Багба, а в Гальском районе Абхазии в виде Багбая.

Абаз. Быдж, абх. Абыджба (Биджев). Данная фамилия встречается в XIX веке в Абхазии и в виде фамилии и в качестве личного имени. Например, в Очамчирском округе она встречается в виде фамилии - Быдж Маху Хазбей-ипа¹, а в Ачандарской и Аацынской общинах в виде личного имени - Малия Ахмет Абиджов² и Отырба Алексей Абиджев³. В настоящее время рассматриваемая фамилия распространена как Абыджба в Гудаутском районе.

²⁶ К о к о в Дж.Н. Указ. соч., с. 7.

²⁷ К о к о в Дж.Н. Там же, с. 287.

²⁸ ЦГАА, ф. 57, оп. I, д. 7, л. 14.

²⁹ Н о р д м а н. Путешествие по Кавказскому краю. Журн.

"Министерство народного просвещения", 1833, ч. XX, л. XI.

³⁰ Ф и л и ц и н Е.Д. Черкесы-адыгей, Западно-кавказские горы:

Екатеринодар, 1884, с. 12.

³¹ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 21, л. 3.

³² ЦГАА, ф. 57, д. 5, оп. I, л. 90.

³³ Там же, д. 21, оп. 2, л. 3.

8. Известия ХУ;

Абаз.Бжбан, абх.Бжбаниа (Бежанов). В XIX веке она встречается в Абхазии как личное имя – Маан Бежа (с.Эмъаа) и Бежа Акиртаа (с.Чубурхинджи) Очамчирского округа⁴, впрочем и в настоящее время имя Бежа в виде Бежан, распространено в ряде селений Гальского района Абхазии среди мегрелов старшего и молодого поколения. Ш.Д.Инал-ипа также отмечает, что когда владетельный князь Абхазии Георгий Шервашидзе 12 августа 1808 г. писал императору Александру I о своем вступлении в подданство России, то, кроме него, в числе подписавших "все-подданнейшее прошение" упоминается имя Бежан⁵. В настоящее время данное личное имя встречается в виде фамилии в Гудаутском и Гальском районах.

Абаз.Гвагвы, абх.Гогуа, Гуагуа-ипа (Гогов). В XIX веке она встречается в с.Окум Гальского района Абхазии, как Гогуа⁶. Ш.Д.Инал-ипа было записано предание со слов 145-летнего абхазского старика Мажагва Адлейба, который в 1930 году рассказывал: "Я помню...когда Ахан-ипа с кавалерией прошел по Абхазии и когда высдился Опер-паша. Паша был родом абхаз, его фамилия – Гогуа, его украли в детстве и продали туркам, там он получил военное образование"³⁹. В настоящее время рассматриваемая фамилия встречается в Гудаутском и Гальском районах.

Абаз.КІап, абх.Капба (Капов). Встречается в XIX веке в Абхазии – Кумуча Капба в с.Мазихва⁴⁰ и в с.Чааркит – Акваски Капба⁴¹. В данное время она распространена в Очамчирском районе и встречается также в Гудаутском районе.

Абаз.Ешишмахва, абх.Кишмария (Кишмахов). По замечанию Л.И.Лаврова, старики-шапсуги считают убыхскими общества Кишмей-Кишмеу⁴². Как нам представляется, от названия данного общества произошли абхазо-абазинские фамилии, абаз.Ешишмахва и абхаз. Кишмария, которая встречается в настоящее время в Очамчирском районе.

34 Там же, д.7, оп.2, л.3.

35 Там же, д.5, оп.1, л.100.

36 Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми. 1965, с.501-502, прим.:2.

38 ЦГАА, ф.57, д.5, оп.1, л.127.

39 Инал-ипа Ш.Д. Указ.соч., с.585.

40 ЦГАА, ф.57, д.5, оп.1, л.185.

41 Там же, д.7, оп.1, л.31.

42 Лавров Л.И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию. СЭ, 1936, № 4-5, с.130.

Абаз.КІяч, абх.Кичба (Кечев). Л.И.Лавров отмечает, что князья и общество Кечь существовали и у северокавказских абазин и у джикетов (в окрестностях Сочи), причем джикетское общество Кечь обитало на р.Кечь (приток р.Мзымты)⁴³. В XIX веке в Абхазии в с.ААпы встречается фамилия Кече⁴⁴, в настоящее время в Гудаутском районе в виде Кичба, а в Гальском районе среди старшего поколения встречается в качестве личного имени –Кичив.

Абаз.Лоу, абх. Ачба (Лоов). В Абхазии считают, что фамилии Лоу и Ачба – это видоизмененные фамилии одного и того же княжеского рода. По преданиям существующий в Абхазии один из князей Ачба по имени Лоу вследствие угрожающей ему мести, за совершенное им убийство, убежал на Северный Кавказ, к абазинам. Обосновавшись там, он явился родоначальником патронимии, которая приняла имя своего родоначальника в качестве фамилии. В доказательство достоверности предания информаторы указывают на название села ЧІлоу в Очамчирском районе Абхазии, которым якобы владел этот князь. Они объясняют, что наименование ЧІлоу состоит из двух элементов: "АчІ" и "Лоу", где "АчІ" – абхазское произношение фамилии Ачба, а Лоу-имя.

У абазин также существует предание о том, что род Лоу и Ачба имеют общих предков. "Это было давно, когда однажды род Лоовых перешел Кавказские горы и переселился в Абхазию. Во время перехода через горы у Лоовых родился мальчик, которого назвали по имени Ачба."

По поводу рассматриваемой фамилии С.П.Басария отмечал: "Имеются исторические сведения, что нашествие монголов заставило обитавших в верховьях и по берегам Кубани племена перейти на южные склоны своих гор и что в этот период в Абхазию переселилось много кабардинцев и абадзехов, и между этими пришельцами с Кубани Ачаа были первенствующими своим происхождением и богатством. Ачаа или Ачба, по-абазински – Лоу, принадлежат (по мнению этнографов) к шестиродным (басхягам), а поэтому почему же не предположить, что во время нашествия монголов они и нашли убежище в родственной стране"⁴⁵. Исследователи фамилии Лоов также связывают с именем основателя Абхазского царства VIII в.Леоном II. Например, Л.И.Лавров замечая, что "К.С.Шакрыл предполагает наличие связи фамилии Лоовых и имени основателя Абхазского царства VIII в. Леона II, которые, по его мнению, происходят от названия племени Лаяв, сам же /Л.И.Лавров/ выдвигает гипотезу

43 Лавров Л.И. "Обезы"....., с.163.

44 ЦГАА.ф.57, д.5, оп.1, л.187.

45 Басария С.П. Абазинский аул в Малокарачаевском округе. См.: Избранные сочинения. Сухуми, 1967, с.95.

о том, что фамильное имя Лау происходит от христианского имени Лео (по-русски Лев), более полным вариантом которого является, между прочим, имя царя Леона. Были ли князья Лоовы потомками этого царя – судить не беремся, но родственную связь Лоовых и ачба (Анчабадзе), склонной выводить свой род от царя Леона, признавали кажется, обе фамилии: Былое родство Лоовых и Ачба находит некоторое подтверждение и в совпадении рисунка их тамг (круг)⁴⁶. Таким образом, выше приведенные факты несомненно свидетельствуют, что Лоу и Ачба (анчабадзе) имели общих предков.

Абаз.Тамби, абх.Тамбия (Тамбиев). Хан-Гирей в число родов составляющих Большую и Малую Кабарду упоминает и род Тамбий-хе⁴⁷, т.е.Тамбиевых. У.Алиев также считал, что Тамбиевы кабардинского происхождения, так как роды эти имеются в Кабарде⁴⁸. Л.И.Лавров указывает, что "Тамбиевы происходят из Мудави", т.е.из абазинского(по Ш.Д.Инал-ипа – абхазского⁴⁹) общества медовеевцев, находившегося в горах Черноморского побережья, недалеко от Адлера. Что же касается фамильного имени Тамбий, то оно означает князя или дворянина ("бий") абазинского общества Там, существовавшего до середины XIX в. в Закубанье⁵⁰. В настоящее время данная фамилия в виде Тамбия встречается в Гудаутском районе.

Обращают на себя внимание две идентичные абазинские фамилии – ТЫгв и ТЫкв, абх.Тыкуа (Тугов и Туков). Данные фамилии встречались в XIX веке в Абхазии и в виде фамилии и в качестве личных имен. Например, в Очамчирском округе фамилия Туков, если исходить из архивных документов, встречается в виде фамилии всего лишь один раз, а в остальных случаях в качестве личных имен. Например, в с.Чубурхиджи в виде фамилии – Туква и в качестве личного имени – Туква Килбая и Туква Малания, в с.

46 Л а в р о в Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с.106.

47 Х а н-Г и р е й. Указ.соч., с.43.

48 А л и е в У. Карачай. Ростов-на-Дону, 1927, с.163.

49 И н а л - и п а Ш.Д. Абхазо-кабардинские этнографические параллели, с.78.

50 Л а в р о в Л.И. Указ.соч., с.47.

Гали – Туква Библая, в с.Бедия –Туква Аршибая⁵¹, в Ачандарской общине – Гудалия Тук⁵². Другая рассматриваемая фамилия – Тугов, также встречалась в Абхазии в XIX веке в виде фамилии и в качестве личного имени. Например, в с.Блабырхва Гудаутского района встречается в виде фамилии –Тугуа, а в с.Бедия Гальского района, как личное имя – Тугу Тгебичава⁵³. В Ачандарской общине данная фамилия встречалась несколько раз – Бешкут Сима Тугвов, Дгебия Алхаз Тугвов и Ибрам Тугов⁵⁴. В настоящее время выше рассмотренные фамилии и личные имена встречаются в Гудаутском районе в качестве фамилии и только в одном варианте – Тыкуа, а также встречается как личное имя Тыкуа среди абхазов и среди мегрелов Гальского района Абхазии.

абаз.ХІачвыкьва (Хачуков) соответствует абхазскому – Хач-йпачва. Для этимологии данной фамилии мы вынуждены обращаться к абхазо-адыгским языкам. В основе рассматриваемой фамилии лежит корень "хІачв", как известно, "кьва", "кьуа" в абазинском языке равнозначны адыгскому "кьуэ" (сын), а значит фамилия ХІачвыкьва этимологизируется как "сын ХІачв", а ХІачв выступает здесь как личное имя. Подобный анализ относится и к абхазскому варианту – Хач-йпачва, что означает на абхазо-абазинском языке сыновья Хач."

Представляется вполне возможным, что фамилия ХІачвыкьва и абхазское выражение Хач-йпачва, которое бытует в Гудаутском районе, происходят от названия племени хакучи, которое по словам автора XIX века Ф.Щербина, в двух местах по верховьям рек Псекупса и Пшиша в небольшом количестве жило особое племя – хакучи, ветвь убыхов.⁵⁵ Н.Г.Волкова считает, что название хакучи связано с шапсугами, известное в литературе не ранее первой четверти прошлого столетия⁵⁶. По ее же замечанию, слово хакуч для Северо-Западного Кавказа тех времен было синонимом слова "абрек". Здесь же Н.Г.Волкова отмечает, что в литературе XIX в. хакучами называли беглых из различных адыгских племен, живших в высококорных местах верховьев рек Шахе и Псезуапсе, эти данные она подкрепляет ссылаясь на М.Я.Ольшевского, что

51 ЦГАА, ф.57, д.5, оп.1, лл. 10,203,31,143,202.

52 Там же, д.21, оп.2, л.3.

53 Там же, д.5, оп.1, лл.135, 191.

54 Там же, д.21, оп.2, л.3-5.

55 Щ е р б и н а Ф. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913, т.2, с.204.

56 В о л к о в а Н.Г. Указ. соч., с.37

народность хакучи образовалась из абреков соседних горских племен: абадзехов, шапсугов, убыхов и др. Все же, при этом Н.Г.Волкова считает, что язык хакучи представляет говор шапсугского диалекта..... и что хакучи этнически всегда составляли единое целое с шапсугами.....⁵⁷

Мы не беремся за рассмотрение вопроса о месте хакучи в адыгской этнической среде, но заметим, что если народность хакучи образовалась из абреков – абадзехов, шапсугов и убыхов, то почему бы не допустить, что из числа данных племен за некоторыми закрепилось личное имя Хач, которое производно от слова хакуч. Наверное не случайно, что до настоящего времени в Абхазии бытует выражение Хач-йпачва ("сыновья Хач"), а у абазин фамилия ХIацвыкьва -ХIацв-йпа ("сын Хач").

Абаз. ЧкIвтIу, абх. Чкадуа (Чикатуев). Данная фамилия встречается в XIX веке в Абхазии в с.Саберии (Очамчирского округа) в виде Чкадуа⁵⁸. В настоящее время рассматриваемая фамилия (Чкадуа) встречается в Очамчирском районе, а в Гальском районе как Чкотуа.

Таким образом, мы проследили генеалогию отдельных абазинских фамилий, которые дают нам факты, характеризующие тесные этно-исторические взаимосвязи абхазо-адыгских народов в прошлом.

Часть абазинских фамилий, которая интерпретируется на адыгском языке, не дает оснований считать, что их носители адыгского происхождения, фамилии с адыгским значением образовались в процессе этнокультурного общения и взаимопроникновения абазино-адыгских народов. Поэтому прав Ш.Д.Инал-ипа, когда отмечает: "... что абхазы с абазинами и кабардинцы исторически были некогда ближайшими соседями, находились в продолжении какого-то времени в непосредственных контактах, образуя тесно связанные между собой этнокультурные группировки. Этническое и духовное средство между ними поддерживалось и развивалось также постоянными процессами взаимопроникновения и ассимиляции части одного из этих народов тругим"⁵⁹.

Анализ некоторых абазинских фамилий позволяет выявить с какими адыгскими племенами контактировали абазины. Следует также подчеркнуть, что в процессе этнокультурных кон-

тактов абазин и адыгов немало абазинских фамилий, которые проникли в адыгскую этническую среду и которые до настоящего времени встречаются в Адыгейской, Карачаево-Черкесской автономных областях и в КБАССР, среди адыгейцев, черкесов и кабардинцев.

Выявленные абхазо-абазинские фамилии показывают генеалогическое родство абхазов и абазин. Наверное не случайно, что рассмотренные абхазо-абазинские фамилии, бытующие в настоящее время среди абазин и абхазов, параллельны тем фамилиям и личным именам, которые встречались в Абхазии в период XIX века.

В заключении отметим, что в представленной статье не были затронуты все генеалогии абазинских фамилий и поэтому автор настоящей статьи надеется, что данная работа не является последней в исследовании абазинских фамилий и в будущем упущенные пробелы будут восполнены с учетом новых материалов.

⁵⁷ Там же, с. 38.

⁵⁸ ЦГАА, ф.57, д.5, оп.1, лл.107,190.

⁵⁹ Инал-ипа Ш.Д. Указ.соч.,с.84.

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ АБХАЗОВ, СВЯЗАННЫЕ
С ОХРАНОЙ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И ЛЕЧЕНИЕМ
ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЕЙ

В настоящее время проводится большая исследовательская работа по систематическому исследованию этнографии абхазов. Однако, пока остаются вне поле зрения вопросы, посвященные изучению народной медицины. Этнографические полевые материалы, особенно свидетельства долгожителей Абхазии, а также работы дореволюционных авторов, указывают на то, что народные способы лечения некоторых детских болезней у абхазов содержали немало рационального. Настоящая статья посвящена изучению обычаев и обрядов, связанных с лечением детских болезней у абхазов. Статья написана на основе полевого материала, собранного автором в 1982-1983 гг. в Гудаутском и Очамчирском районах Абхазской АССР.

В народной медицине абхазов нашел отражение многовековой опыт лечения и предупреждения различных заболеваний. Абхазы широко пользовались лекарственными травами, употребляя их в качестве настоек, отваров, внутрь и наружно, в качестве мазей в сочетании с воском, яичным желтком, мылом и т.д.

Одной из самых распространенных болезней младенцев абхазы считали болезнь - аблы (пупочная грижа). Лекарство от этой болезни в народе называли "аблыхуш" (аблыхушэ) - (буквально: "аблы" - название самой болезни "ахуш" (ахушэ) - лекарство, т.е. лекарство от аблы (. Для ее лечения применяли лекарственные травы: очиток бледный (лат. *Sedum poliodum*, семейство толокнянковых лет. *Crossu laseoe*; молочный кожистый (лат. *Euphorbia Sguamosa*, семейство молочайных - лат. *Euphorbia seoe*), которые обычно готовили знающие женщины по понедельникам и четвергам. На месте, где собирали корни "аблыхушэ", обязательно высыпали щепотку соли, чтобы "дать цену лекарства земле", а также, чтобы это растение не вымерло и росло впредь".

Хорошо промыв корни "аблыхушэ" и затем растерев их, настаивали несколько дней на кипяченной, но уже остывшейся воде. Интересно и то, что воду, на которой готовили лекарство, должны были принести с источника особым образом. Рано

утром женщина, готовившая лекарство шла к воде, вымыв лицо и руки, набирала полный кувшин воды и, не оглядываясь назад, должна была дойти до дома. Желательно было также, чтобы ее никто не увидел на протяжении всего пути. Такая вода называлась "аэхьампш", (буквально "азы" - вода, "хьампш" - не оглядываясь, т.е. "вода, которую принесли не оглядываясь"). Такой лекарственный настой давали пить ребенку три раза в день по чайной ложке. В народе считалось, что если своевременно не вылечить аблы, то она переходила в грижу. Обязательно каждому ребенку давали выпить этот лекарственный настой. Считалось, что такое лекарство должна была приготовить соседка или любая другая женщина, но не член семьи, в котором был большой ребенок. В народе по этому поводу существует даже поговорка: "Лекарство матери не поможет ее ребенку" (Анлыхушэ лхуычы ихуом). По поверию абхазов, считалось, что если у ребенка начинал болеть живот, то облегчались после родовые боли у его матери, они как бы переходили к ребенку. Хорошим средством от младенческой болезни аблы считался также желчь медведя, волка, или зайца. На чайную ложку выдавливали капельку желчи и, смешав ее с грудным молоком матери, давали пить ребенку. Лечили аблы еще и отваром укропа (акамазы) или же порошком из сушеной пуповины ребенка (ачапан), смешанным с грудным молоком матери. От аблы давали и настой прополиса (абыгцэымса). Настой прополиса разрешалось давать только три раза (каждое утро до еды).

В конце XIX - начале XX в. из-за отсутствия профессиональной медицинской помощи в Абхазии абхазы для лечения больных детей вынуждены были прибегать к помощи знахарей и знахарок. При всяком недомогании бабушка или мать ребенка обращались к знахарке, которая объясняла причину болезни влиянием злых духов. Иногда, чтобы обезвредить злых духов, ребенка три раза проносили под надочажной цепью (ахнышьыр ацгара). Этот обряд проводился так: по правую и левую сторону надочажной цепи становились женщины пожилого возраста. Передавая друг другу ребенка, произносили: "С сегодняшнего дня мы освободили тебя от болезней, выкупили тебя". При тяжелых заболеваниях детей, особенно сопровождаемых повышением температуры, обращались с молениями к Ажьахаре - покровителю домашнего очага. Для этого моления резали курицу или козленка, в зависимости от степени болезни. Готовили обильную пищу, варили круглые жертвенные хлебцы - акуакуар. Молещица обращалась к божеству и просила, чтобы ребенок выздоровел.

В Абжуйской Абхазии в прошлом распространенной детской болезнью считалась болезнь, которая носила название - ажьамра. Основными симптомами болезни считались: повышение температуры, беспричинный, сильный плач до посинения, а также повышенная нервозность (акыр - цырра, атрысра), которую объясняли испугом, если ребенок некоторое время оставался один в доме. Для того, чтобы вылечить ребенка от этой болезни, в дом приглашали старуху-молельщицу. Она подходила к очагу, брала в обе руки золу и сжав руки в кулак, начинала не оборачиваясь, спиной двигаться по направлению к стене, перечисляя все дни недели начиная со дня заболевания. Каждый день был связан с именем определенного духа. Когда, подойдя к стене, молельщица узнавала имя духа причинившего болезнь, тогда она швыряла в стену золу и восклицала: "Я тебя злой дух ослепила и тем самым обезвредила"².

В Бзыбской Абхазии, когда ребенку не здоровилось, когда часто плакал без причины, зевал, то применяли такое средство религиозно-магического характера. Брала горсть муки и соли, хорошо смешав их, делили на три части и клали в три маленьких кисета. Бабушка, или же мать, брала каждый из кисетов и обводила вокруг головы ребенка, произнося при этом: "Пусть все болезни, которыми ты должен заболеть, перейдут к тому человеку, который поднимет эти кисеты". Затем она шла на перекресток трех дорог и оставляла их там. В Абжуйской Абхазии в таких случаях пользовались зернами фасоли. Взяв несколько зерен, делили их на три части и производили действие, аналогичное описанному выше. Считалось, что это поможет ребенку и он вылечится.

Воспаление грудных желез или грудницу лечили крапивой. Сначала молодые побеги крапивы растирали, затем, добавляли щепотку квасцов (ашьаб) и свежих желтков, размешанную массу равномерно наносили на ткань и прикладывали на воспаленное место, причем сменяли ее до тех пор, пока окончательно не спадала температура³.

Насморк и простуду в народе называли болезнями от холода или "охлаждения". Для их лечения высоко ценились лечебные свойства козьего жира (ацьмахуша), уксуса (абжьей), чеснока (ашьш), водки. Ребенка заболевшего от "холода", вначале хорошо растирали настоем чеснока и водки. Ноги ребенка заворачивали в материю, намоченную уксусом. Затем растирали козьим жиром ладони, грудь и спину. Давали выпить горячий отвар фасоли (акудазы), горячее молоко с козьим жиром или же с ложкой меда. На грудь накладывали ткань, намазанную медом и

сверху покрывали теплым полотенцем. Следует отметить, что перечисленные средства оказывали большей частью положительное воздействие на больного. Например, чеснок, настоенный на водке, имел общее согревающее и бактериоцидное воздействие. Известно, что чеснок содержит в большом количестве фитонциды, что и определяет его бактериоцидное действие.

При заболеваниях ушей применялся несколько оригинальный способ лечения. В ушную раковину вставляли трубку из воощенной ткани. Второй конец трубки, торчащей снаружи, зажимали, от нагревания воздух в слуховом проходе становился разреженным и от этого боль стихала. Кроме того, через трубку извлекали образовавшуюся в ушах серу. Средством для лечения ушных болезней считался сок, полученный из веток хурмы и граната, а также моча ребенка, причем обязательно мальчика. Их по несколько капель заливали в ушную раковину, после чего боль стихала.

Целый комплекс народных представлений был связан с лечением детских инфекционных заболеваний.

Особо опасным для жизни ребенка абхазы считали такую болезнь, как оспа. Боясь разгневать божество оспы, абхазы называли ее почтительным именем Золотой Зосхан (Ахьы Зосхан). В то же время у этой болезни было свое название: ацэырпшэ "украшающий тело" - в Бзыбской Абхазии или ахцэа - "господа" в Абжуйской Абхазии. Золотой Зосхан считался покровителем и таких детских болезней, как корь (абчы) и коклюш (аимхэаршэы). Считалось, что оспе нужно было лечить особым образом, в отличие от остальных болезней, при этом запрещалось применять какие-либо лекарства. Чтобы "задобрить" божество оспы, Золотого Зосхана, приносили различные жертвоприношения. Зная, что эта болезнь являлась инфекционной, к больному никого не подпускали, кроме человека, перенесшего эту болезнь. В старину у дома заболевшего оспой строили помост на четырех ножках, который предназначался для того, чтобы родственники и соседи больного клали туда принесенную для него еду. К больному относились ласково, старались выполнить каждое его пожелание, так как "Золотому Зосхану нравится ласка". В семье запрещалось шуметь, ссориться, плакать. При оспе не плакали даже в случае смерти члена семьи. "мол, божество оспы не любит плача, услышит - разгневается и убьет больного". Запах пищи, пар беспокоили божество оспы и поэтому в доме, где лежал больной, старались не готовить еду. Больному оспой запрещалось касаться сыпи, чесаться, так как если с прыща снять головку, то это вызывало гнев у божества оспы. Особенно опасным было

стрелять поблизости от дома, где лежал больной, а также запрещалось натравливать собаку на волка.

Божество оспы Золотого Зосхана "задабривали" песнями. В селе Джигерда Очамчирского района одна из наших информаторов Багапш Дина Кягуровна (73 года) до сих пор помнит песни, которые исполняли во время заболевания оспой. Она спела нам семь песен, посвященных Золотому Зосхану. Вот одна из них:

Уа радара, рад, о радость,
Уа радара рида господин, уа рад рари,
Уа, у нас гостит Золотой Зосхан,

Господин Хании,
Уараид, уараид, уараид,
Уа раидара, уа золотой, милый,
Уа, Зосхан, спасибо!.

"Мне было 9 лет, — рассказала она, — когда мне приснился такой сон: будто Золотой Зосхан приехал к нам в гости со своими друзьями на белом коне, в белых сапогах (азецки). Он попросил меня снять с него сапоги. Я нагнулась и начала стягивать с него сапоги и порвала у шиколотки. Золотой Зосхан вскочил на коня, сказав, что через пятнадцать дней будет гостить у нас и галопом выехал со двора со своими друзьями. Так и случилось, прошло пятнадцать дней и вся наша семья заболела оспой. Затем, когда я стала взрослой, меня водили к больным оспой и я пела им песни и ухаживала за ними". Интересно и то, что если в Западной Грузии, согласно материалам Пантюхова⁴, в конце XIX в. оспу представляли в виде всадника, а сам всадник мог быть мужчиной и женщиной, то у абхазов в это же время божество оспы представлялось Золотым Зосханом и его супругой Ханией, "посещавших" дома верхом на белых конях. Свидетельством тому являются примеры, приведенные жителями села Джигерда.

Основными симптомами кори считались: повышение температуры, появление красных пятен на теле. При лечении кори нельзя было применять лекарства. В народе эту болезнь называли "акуанш" (красные пятна). За ребенком, заболевшим корью, нужен был особый уход. Если ребенок "остывал", то болезнь могла пойти вовнутрь и тогда больного трудно было вылечить. Больного корью укладывали в чистую постель, накрывали красным одеялом, повсюду стелили красное. О кори говорили: "Из всех цветов корь отдает предпочтение красному цвету". В ком-

4. П а н т ю х о в. О народном врачевании в кавказском крае. МСКМО, 1899, с.127.

нате, где находился больной, поддерживали чистоту, ставили вокруг кровати и на столе полевые цветы, розы, фиалки. Во время болезни ребенка другие члены семьи не должны были заниматься хозяйством, работать в огороде, шить, вязать и т.д.. Бабушка, или же мать, узнав, что ребенок болен корью, сразу давала обет (акуарбан лыкулцон). При этом дававшая обет просила о том, чтобы ребенок быстро выздоровел. В комнате, где лежал больной, нельзя было готовить еду, кипятить воду или молоко, стирать, гладить, курить. Если это было возможно, в доме где лежал больной, лучше было вообще не готовить. В доме нельзя было плакать, соориться, говорить громким голосом. Родители больного ребенка не должны были разделять брачное ложе. Если кто-либо из родственников или соседей приходили к ним за какой-либо вещью, то им обычно отказывали. Запрещалось что-либо продавать или покупать. Пока ребенок болел корью, его нельзя было купать, а особенно пользоваться холодной водой. Заболевшего корью (или коклюшем) ребенка три раза проносили через отверстие, сделанное под корнями орехового дерева. Зная, что эта болезнь инфекционная, к больному корью приводили здоровых детей, чтобы они переболели в детстве, так как считалось, что в детстве корь гораздо легче переносилась. После выздоровления ребенка, в одну из пятниц, мать проводила обряд жертвоприношения божеству кори. Стол накрывался белой неиспользованной скатертью. Готовили обильную еду. Запрещалось резать что-либо из живности. Выздоровевшего ребенка подводили к столу и его мать, держа в руке стакан воды с медом, произносила: "Данный обет я выполнила, чтобы с сегодняшнего дня ребенок больше не болел, был здоров". Детей, перенесших корь, стригли наголо (особенно девочек). Считалось, что если этого не сделать, то волосы будут постепенно редеть, плохо расти. Все эти запреты, которые соблюдались при заболевании оспой и корью, оказывали и какое-то положительное воздействие на больного. Этому способствовали: чистота вокруг больного, диета, ласковое с ним обращение и т.д.

Коклюш сопровождался высокой температурой и сильным кашлем. "Это был лающий кашель, который заметно отличался от обычного простудного кашля". С древнейших времен у абхазов хорошим средством от коклюша считалось молоко черной ослицы. Больному коклюшем давали пить молоко с козьим жиром, чтобы во время кашля смягчить горло. В народе существовало поверье, что ребенок заболевший коклюшем весной, когда рас-

пускаются почки, не выздоравливал, пока листья инжира, пожелтев, не опадут. Заболевшего коклюшем ребенка проносили три раза через молодое ореховое дерево, расколотое посередине. Затем, расколотые половины снова соединяли и связывали. И если дерево выживет и будет расти, то и ребенок поправится, если же дерево засохнет, то и ребенок не выздоровеет.

Золотуху (ацшарп) лечили различными заговорами, а также пользовались отварами листьев заячьего лишайника (ажьарфахь) или череды (амаркцы). Эту болезнь лечили и мазью, приготовленной из ольховых соплодий, смешанных с яичным желтком. Всю эту массу кипятили и ею покрывали больное место. Особый интерес представляет заговор против золотухи. Во всем тексте заговора преобладают слова рыжий и красный:

Рыжий человек сидит на гнедом коне,
Рыжий человек одевает красный башлык,
Рыжий человек одевает красную черкеску,
Рыжий человек одевает красные брюки,
Рыжий человек сидит на красном седле,
Рыжий человек держит красную плетъ (камчу).

Он побегал — я побегал (а),

Он прыгнул — я прыгнула (а),

Прошли через Асиныс,

Прошли через деревню Мыра,

По красной скале провели красную змею.

Такой заговор читался шепотом три раза. Считалось, что магическая сила заговора терялась, если кто-либо из окружающих услышит его. Этот заговор можно было передать только троим, иначе она теряла силу.

Свинку (ахударчы) у детей лечили различными согревающими компрессами. Наиболее распространенным методом лечения был такой. Брели горячую, только что сваренную абысту (блюдо, приготовленное из кукурузной муки), сыпали туда немного поваренной соли и всю эту массу заворачивали в тряпку и накладывали на больное место. Когда абыста остывала, ее давали поесть собаке. Считалось, что болезнь переходила к ней. На больное место накладывали новую повязку.

Болезнь глаз (аблахъаа) — воспаление глаз у детей. При этом в глаза закапывали несколько капель теплого грудного молока (агуыэпыхш). Как известно, женское молоко имеет бактерицидное действие. Материнское молоко ограждало глаз от инфекции и уменьшало воспалительный процесс. При ушибах глаз,

чтобы не было синяков, или же при разрывах капилляров, к глазу прикладывали теплый кисломолочный сыр (ашэаза).

Если у ребенка вскакивал ячмень, то абхазы "лечили" его различными заговорами. Приведем один из таких заговоров:

Посмотрев через ушко иглы,

Увидела ячмень.

Если тебе расти, то с амбарный столб.

Если же нет,

то сгинь совсем!

Затем к месту, где выскочил ячмень прикладывали горячую абысту, а когда абыста остывала, ее давали поесть собаке и считалось, что ячмень переходил к ней. Как известно, "вера в возможность передать болезнь животному или другому человеку представляет одно из древнейших воззрений, известных многим народам"⁵.

При появлении ячменя, к глазу прикладывали нагретый наперсток (азыгмацэаз). Видимо тут горячая абыста и наперсток играли роль согревающего компресса, а заговор действовал психологически. Все эти действия повторялись трижды. Средством лечения ячменя считали и то, что брали щепотку соли и кусочек нитки и закапывали их у амбарного столба, при этом заговаривали: "Пусть растает, как это тает, пусть сгниет, как это гниет" (Абри шыэто еипш узтааит, абри шбаара еипш убааит), т.е. пусть ячмень растает, как тает соль, пусть ячмень сгниет, как гниет нитка. Если заговаривавшая, во время заговора ошибочно называла слова соль и нитка, то считалось, что заговор терял силу. Хорошим средством лечения от ячменя считалось и то, что ребенка приводили к тому месту, где стоял амбар, и кто-нибудь из старших поднимая его на руки, три раза прикасал головку ребенка к нижней стенке амбара. Обычно заболевшего ячменем ребенка дразнили: "Ты съел долю собаки и поэтому у тебя ячмень". И еще прибегали к такому приему, "какая-нибудь чистая женщина" (т.е. женщина в возрасте), проведя ладонью по нижней части подола, касается этой же рукой ячменя. Это действие не сохранилось, разумеется, в первоначальном виде, остался лишь символ его".⁶

Если ребенок становился очень бледным, то считалось, что у него появились глисты. Глисты у ребенка выводили так. Брели три корня укропа, настаивали их в чистой воде трое суток и давали пить ребенку всего три раза, по утрам до еды. Для этой же цели брали сычуг, настаивали его на сывортке несколько дней и давали пить ребенку половину стограммового стакана, утром до еды.

При опрелостях кожи младенца, пользовались присыпкой — "атыз шыла" (т.е. стенная мука), которую брали из сгнивших досок. В большом количестве такая "мука" образовывалась в ольховых досках. Она избавляла кожу детей от опрелости, сушила ее.

При заболеваниях кишечника применяли настойку бузины (амцарбгын). Черные ягоды бузины засыпали сахаром, и плотно закрыв, оставляли на солнце, затем принимали вовнутрь по чайной ложке три раза в день. Целебным считался отвар из листьев ежевики, корней цикория или корок граната.

При отравлениях детей, в первую очередь давали им парное молоко. При появлении у ребенка сыпи, его купали несколько раз в отваре заячьего лишайника (ажырфахь) или же череды (амаркцы), пока сыпь полностью не проходила.

Когда на теле ребенка вскакивал фурункул, то это считалось хорошим признаком, так как чирий якобы "вытягивал" с организма многие болезни. Когда появлялся гнойничек, на больное место накладывали печенный лук с мылом и завязывали. Считалось, что это способствовало вызреванию нарыва. Чтобы извлечь из раны сердцевину гнойника, брали сложенную в два раза нитку, и, наложив ее на рану, концы ее покручивали в разные стороны. Нитка цепляла гнойную сердцевину, которую выдергивали. Затем, обработав рану водкой, накладывали чистую повязку.

При чесотке готовили отвар из локоноса (ашьамашынг). Брали три корня мужского пола (по народной классификации, экземпляры одного растения могут быть разных полов). Хорошо промыв эти корни, кипятили их в ведре воды. Когда вода немного остыла, ребенка купали в этом отваре. Так повторяли несколько раз, пока больной полностью не выздоравливал. Чесотку лечили и мазью, приготовленной из серы, квасцов и коровьего жира. Такой мазью смазывали пораженные части тела, затем длительное время заставляли греться у открытого очага. Иногда пользовались корнями бузины и локоноса. Их отваром купали заболевших чесоткой детей. Чаше сыпь прижигали крепкой водкой и мазали керосином.

При глубоких ранах на теле ребенка, в качестве первой помощи, к ране прикладывали паутину. Видимо клейкая жидкость паутины способствовала быстрому свертыванию крови. Чтобы остановить кровь, прикладывали к ране и порезанные на мелкие части сушеные листья табака, земляного червя (ахуацапшь) или же лист подорожника (ахурабгыц) т.е. буквально "лист для ран". Если рана долго не заживала, то ее давали облизать собаке,

веря в то, что после этого рана быстро заживет. Известно, что слюна собаки обладает высоким антисептическим свойством.

При кожных болезнях ступней, ноги опускали в соленую горячую воду. Так повторяли до полного их излечения.

Таким образом, целый ряд рациональных средств лечения детских болезней у абхазов, возникший в результате эмпирических наблюдений, фигурировал, однако, в их быту в сочетании с религиозно-магическими средствами. Абхазам было также известно, что некоторые заболевания являются инфекционными и они или остерегались их (например, при оспе), или, напротив, в других случаях старались, чтобы их дети переболели этой болезнью и тем самым в дальнейшем были невосприимчивы к ней (при кори). При детских инфекционных заболеваниях создавались условия, способствующие более благоприятному протеканию болезни, для чего в частности создавалась в семье чистота, спокойная и приятная атмосфера, исключавшая все, что могло обеспокоить и раздражать больного ребенка (шум, плач и т.д.). Вместе с тем соблюдалась и определенная диета, поддерживавшаяся всякого рода пищевыми запретами. Здесь также учитывался народный опыт, наблюдения, которые являлись основой при решении вопроса о том, что надо было исключать из питания больного ребенка, а что наоборот, надо было включать в его пищу. На вполне рациональной основе возникли и такие запреты, как например, расчесывания сыпи при оспе или купание ребенка при кори. Хотя все перечисленные выше эмпирические средства лечения давали определенные положительные результаты, они все-таки не исчерпывали того арсенала средств, который был известен к этому времени научной медицине и не могли, конечно, в такой же степени обеспечить выздоровление ребенка, какую могла бы гарантировать квалифицированная врачебная помощь. Видя, что нередко применяемые средства народной медицины не обеспечивают выздоровление ребенка, абхазы обращались к различным божествам, в ведении которых по народным представлениям находились те или другие заболевания. Это показывает, что народная медицина при всех своих достоинствах не могла обойтись без веры в помощь сверхъестественных сил, т.е. она всегда в какой-то мере сочеталась с религиозно-магическими средствами.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Полевые материалы автора хранятся в архиве Института этнографии.
- 2 Смирнова Я.С. Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху. М., 1949, с.134.
- 3 Копешавидзе Г.Г. Абхазы Аджарской АССР. Л., 1978, с.156.
- 4 Пантюхов. О народном врачевании в кавказском крае. МСКМО, 1899, с.127.
- 5 Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с.208.
- 6 Хашба Р.А. Абхазский детский фольклор. Сухуми, 1980, с.76.

М.М.Гунба

БАГМАРАНСКИЙ КЛАД СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРУДИЙ

В 1973 году в с.Багмарани Гульрипшского района во время земляных работ на участке В.М.Картозия был выявлен большой сосуд с несколькими железными мотыгами, сошниками и топорами. Эти материалы поступили в Абхазский Государственный музей 1 февраля 1973 г. Они в плохой сохранности, часть полностью разрушена ржавчиной. Однако удалось выделить несколько предметов, которые в той или иной степени сохранили свою первоначальную форму.

Из сошников выделено 3 экземпляра, сопоставлением которых можно восстановить полную их форму. Например, от одного сошника сохранилась только средняя часть (рис.1,1). Ржавчиной разрушена как передняя рабочая, так и тыльная стороны. Длина сохранившейся части около 21,5 см., ширина около 10 см. Наибольшая толщина железа достигает 1,8-2 см. У другого сошника также отсутствуют передние и тыльные части (рис.1,2). Его длина около 26 см., ширина 12 см., а наибольшая толщина железа немного меньше, чем у предыдущего, и составляет 1,3-1,5 см. У третьего сошника сохранилась передняя часть (рис.1,3), отломана только тыльная сторона. Таким образом, этот сошник больше сохранил его начальную форму. Правда, у него другой дефект -отломана одна сторона и потому трудно определить ширину. Длина сохранившейся части около 30 см., толщина железа 1,7-1,8 см.

Аналогичные сошники встречаются редко и на первый взгляд они обнаруживают близкое сходство с сошниками позднего средневековья. Поэтому, исходя только из форм названных сошников, нельзя определить время их бытования. Необходимо сравнить их с аналогичными сошниками из других мест.

В 1954 г.на северной окраине Сухуми на юго-восточном склоне горы Гуадику был выявлен культурный слой с многочисленными предметами, среди которых находился один железный лемех. Он сделан из толстого железа и состоит из нижней плоской рабочей части конической формы с заостренным краем и верхней, имеющей открытую разрезную втулку, которая надевалась на деревянный стержень примитивного плуга или сохи¹. Об этом лемехе М.М.Трапш писал, что среди находок в Западном Закавказье,

¹ Т р а п ш М.М. Труды. т.2. Сухуми. 1969.-232.

относящихся к эпохе раннего железа, плужные лемехи или сошники неизвестны, это, по его мнению, первая находка². "Вместе с упомянутым лемехом находились две фрагментированные амфоры. Одна из них с двухстворчатыми ручками изготовлена из хорошо отмученной глины розовато-красного обжига. В тесте ее прослеживается мелкое включение слюды. Эта амфора по форме тулова, а также по составу глины, видимо, родосского происхождения (III-II вв. до н.э.). Другая амфора снаружи светло-серого цвета, а внутри красная. Глина содержит значительный процент черного вулканического песка"³. Ширина названного лемеха 12 см., а длина 20 см.

М.К. Хотелашвили, ссылаясь на Г. Лордкипанидзе, упоминает орудие из Вани, которое является синхронным сухумскому лемеху⁴. Однако это орудие не является аналогией сухумскому, его рабочая часть широкая, тогда как у сухумского острая⁵.

Среди мотыг выделено три экземпляра, дающие более или менее полное представление о их форме. В целом они имеют треугольную форму (рис. 2). Все они дефектные, потому невозможно установить их точные размеры. Проушина сохранилась только у одного экземпляра. Она имеет круглую форму. Вся обушная часть также круглой формы. Ее наружный диаметр равняется 5 см., диаметр втулки около 3 см. Толщина у проушины очень большая и достигает до 2 см. Высота сохранившейся части 19 см., наибольшая ширина 12 см. (рис. 2, 2).

Следующие два экземпляра отличаются от названного по величине и толщине. У первой мотыги (рис. 2, 1) верхняя часть проушины отломана. Рабочая часть сохранилась на высоту 28 см., наибольшая ширина сохранившейся части 17 см. Третья мотыга сделана из менее толстого железа (0,7 см.), сохранившаяся высота 26 см. Отломаны проушина и нижняя рабочая часть. Наибольшая ширина около 20 см. (рис. 2, 3).

Следует отметить, что рабочая часть названных мотыг сильно расширяется в их нижней части. Если судить по форме двух наиболее сохранившихся мотыг, то ширина рабочей части достигает до 26 см.

² Там же.

³ Там же, с. 223.

⁴ Хотелашвили М.К. Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени. Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974. - с. 36.

⁵ Лордкипанидзе Г. К истории древней Колхиды, Тбилиси, 1970. - с. 47, таб. 4, 3.

Аналогичные багмаранским мотыги в научной литературе неизвестны. Некоторые предметы, названные теслообразными мотыгами, не имеют ничего общего с багмаранскими⁶. Более того, они вообще не являются мотыгами.

Настоящие мотыги были выявлены на Эшерском городище в количестве трех. Они все однотипные. Две из них найдены в эллинистическом слое вместе с серповидным железным ножом III-II вв. до н.э. и массивных топоров, третий экземпляр в этом же слое недалеко от них. Размеры малой мотыги: высота 10,5 см., ширина 17 см. диаметр втулки 2,2 см; большой мотыги: высота 13,5 см., ширина 31 см., диаметр втулки 3 см.⁷ По характеру втулки и по пропорциям эти мотыги отличаются от багмаранских, и потому не могут быть использованы для датировки последних. Иначе говоря, багмаранские мотыги не имеют прямых аналогий. Поэтому для их датировки необходимо обратиться к другим материалам.

В багмаранском комплексе, помимо выше перечисленных сельскохозяйственных орудий, находились и железные топоры. Нами выделено три однотипных топора с коротким четырехгранным молоткообразным обухом и прямой лобной частью. Насадочное отверстие почти круглое. Все топоры одинакового размера: высота 24-25 см., ширина лезвия 12 см., диаметр насадочного отверстия - 3,6, 3,4 и 4,2 см. (рис. 3, 1, 2, 3).

Аналогичные багмаранским топоры были выявлены во многих местах, в том числе и в Абхазии. Например с Эшерского городища происходит несколько аналогичных багмаранским топоров в датированных культурных слоях. Один из них датируется второй половиной IV в. до н.э.⁸ Второй топор из погребального комплекса также датируется второй половиной IV в.⁹ Этот топор от багмаранских отличается тем, что у него обушная часть более вытянутая.

Подобные багмаранским топоры были выявлены и на горе Гуадику. Там в погребении № 2 у западной стенки могильной ямы находился железный топор-молоток, длиной 12,2 см. с шириной лопасти 5,5 см.¹⁰ Топоры эти по размерам почти два раза уступают багмаранским. Почти такой же топор был выявлен в

⁶ Хотелашвили М.К. Указ. соч. - с. 35-36.

⁷ Шамба Г.К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980. - с. 45.

⁸ Там же. - с. 48.

⁹ Там же.

¹⁰ Трапш М.М. Труды, т. 2. - с. 21.

погребении № 1 со следующими размерами: длина 14,5 см., ширина лопастей 7 см.^{II} В погребении № 7 находился топор-молоток длиной 15 см. и шириной лопастей 8 см.^{I2} В погребении № 8 найден топор-молоток длиной 14,5 см. и шириной лопастей 6,5 см.^{I3} Следующий топор-молоток с четырехгранной молоточной частью, завершенной плоской обушной площадкой, был выявлен в погребении № 13.^{I4} По форме и размерам он не отличается от предыдущих топоров. Аналогичный им топор находился в погребении № 31.^{I5}

Такие топоры были выявлены в красномяцком могильнике УШ-УІ вв. до н.э. Например, в погребении № 4 лежал топор с короткой четырехугольной молоточной частью, плоской обушной площадкой. Длина топора 12,5 см., ширина лопастей 5,5 см., диаметр проушины 2 x 2,5 см. В погребении № 38 выявлен железный топор-молоток с короткой четырехгранной молоточной частью, плоской обушной площадкой. Длина 13,5 см., ширина лопастей - 6 см., диаметр проушины 2,2 x 3 см.

Железные топоры с молоткообразным обухом из могильников Гуадику М.М. Трапш датирует УШ-УІ вв. до н.э., исходя из одного погребального комплекса, где находилась бронзовая ситула-кружка.^{I6} Этот и ему подобные сосуды, как правило, датируются УШ-УІ вв. до н.э.^{I7}

М.М. Трапш отдельно не датирует красномяцкие топоры, ссылаясь на топоры из Гуадику.

Подобные багмаранским топоры были выявлены также на Сухумской горе А.Н. Каландадзе и датированы УІ-УІІ вв.^{I8} Они встречаются в Брили,²⁰ в Самтаврском могильнике,^{I9} где датируются УІ-УІІ вв.

В Сачхерском районе Б.А. Куфтиным был найден железный

II Там же. - с.20.

I2 Там же. -с.25.

I3 Там же -с.26.

I4 Там же.- с.33

I5 Там же. -с. 45

I6 Там же. -с.59.

I7 А б р а м и ш в и л и М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на самтаврском могильнике. Вестник Государственного музея Грузии, Т.ХІУ-А. - с.140.

I8 К а л а н д а д з е А. Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954. - с.80, 85.

I9 Г о б е д ж и ш в и л и Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии, Тбилиси, 1952. - с.99.

20 Т р а п ш М.М. Труды, т.2. с.59.

топор интересующего нас типа, который находился в эллинистическом слое.^{2I} Этот топор в хорошей сохранности, в то время как багмаранские сильно повреждены ржавчиной. Поэтому некоторые расхождения между ними можно объяснить сохранностью. Высота сачхерского около 20 см., ширина лопастей - около 10 см. Таким образом, этот топор больше других обнаруживает сходство с багмаранскими, что позволяет датировку сачхерского распространить на последние. Все остальные аналогичные багмаранским топоры датируются в основном скифской эпохой.²²

Таким образом, багмаранские топоры можно датировать временем не позднее эллинистической эпохи. Находившиеся в комплексе с топорами лемехи и мотыги также нужно отнести к этому же времени. Следовательно, в нашем распоряжении найдутся земледельческие орудия конца I половины и начала II половины I тысячелетия до н.э.

Лемех из некрополя Гуадику до последнего времени на территории Абхазии считался единственным пахотным орудием, но в настоящее время в нашем распоряжении несколько таких сошников. Следует также отметить, что наличие нескольких сошников и мотыг в одном комплексе в виде клада указывает на бытование их в большом количестве. Формы и размеры орудий указывают на широкое пашенное земледелие наряду с мотыжным в центральной части Абхазии. На интенсивный характер обработки полей, видимо, указывает и массивность мотыг.

Отметим также, что размеры и массивность топоров должны указывать на их использование в очищении пахотных полей от лесов. Топоры высотой до 25 см. и шириной лопастей до 12 см. вряд ли предназначались для легкой работы или в военных целях. Наличие больших могильников и поселений эпохи раннего железа на территории Абхазии позволяет предполагать густое заселение ее территории, что требовало расширения посевных площадей за счет лесов. Именно в этой области сельского хозяйства были эффективными названные топоры.

Таким образом, багмаранский клад лемехов, мотыг и топоров является ценнейшей археологической находкой для определения уровня земледелия на территории Абхазии того времени.

2I К у ф т и н Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и имеретию, Тбилиси, 1949. -с.69.

22 К р у п н о в Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, - с.277-278.

Г.К.Шамба, В.К.Квициня,
Н.К.Шенкао

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В БАССЕЙНЕ р.ГУМИСТА
(ШУБАРА-2)

Летом 1974 года в 50 км к северу от Сухуми в урочище Шубара во время взрывных работ по добыче щебня были найдены остатки погребений с богатым инвентарем эпохи бронзы (1, с.94-104).

Позже в 1978 и 1981 гг. окрестности памятника нами были исследованы, в результате чего найден еще один археологический объект, условно названный Шубара - 2(2).^{*)} Памятник занимает холмик площадью менее одного га; высота от уровня моря 950 метров. Шурфовочные работы показали, что находки попадают большей частью на восточной и северо-восточной стороне холма. Заложено было четыре раскопа общей площадью 112 кв.м. Максимальная глубина залегания культурного слоя 0,80 - 1 м.

Поверхность памятника усыпана крупными глыбами от развалившейся скалы. В слое встречались остатки погребений, разрушенных еще в древности. Почва носила темно-бурый цвет, а глубже, по мере приближения к матерiku, принимала желтоватую окраску. Как ниже убедимся памятник являлся одновременно поселением и могильником.

Глиняная посуда. Это самый многочисленный вид археологических находок на Шубаре - 2. Число их превышает более тысячи фрагментов от различных сосудов местного и привозного характера. Поскольку преобладающим является керамика, то описание начнем с нее.

Местные изделия. Более 800 обломков от различных сосудов.

Пифосы. 4 экз. Сохранились лишь одни верхние края с отогнутыми наружу венчиками, шейки короткие и не орнаментированы (рис.1,1-5). Топологически они напоминают формы пифосов эллинистического времени из Эшерского городища (3, с.16,23-24) и окрестности Сухуми (4, с.223).

Горшки. Широкоустные, с едва заметными сужениями

*) Топоним Шубара (по абхазски "Шабара" отмечена на карте Абхазии 1912 года, составленной М.Л.Шервашидзе.

2000
в области шейки, орнаментированные волнистой полосой (рис.2,1); косыми клиновидными вдавливаниями (рис.1,4-5), некоторые сосуды в области предплечья имеют круговые налеты в виде ленты, в свою очередь украшенные семечковидными вдавливаниями, или пересекающимися маленькими линиями (рис.3,1-11). Некоторые горшки до основания орнаментированы вертикально нанесенными желобками (рис.4,10) как это мы видим на отдельных горшках нач.1 тыс. до н.э. Красномаяцкого могильника (4, с.144, табл.ХУ1,2).

Среди местного керамического изделия - большое число стенок и предплечий сосудов типа горшка или кувшинов с поясными налетами, украшенные размашисто нанесенными волнистыми линиями (рис.3,1-12), в свою очередь напоминающие узоры сосудов - костехранилищ из Красного маяка (4, с.116, табл.ХУ1, 4-5).

Крышасосуда. Среди местных глиняных изделий имеется крышка, вернее часть крышки с петлевидным навершием (рис.4,2), формы их известны из Эшерского городища, надежно документированные предметами раннеэллинистического времени (4, с.34, табл.ХХ,10-12).

Дно кубка или вазы с широким основанием, полое внутри (рис.5,6). По аналогиям из Эшера подобная посуда бытовала на протяжении всего 1 тыс. до н.э. (3, с.19, табл.ХХХП, 1,3-4).

Привозная посуда. Среди импортных изделий Шубара-2 большое место занимают амфоры. Среди них удается выделить по крайней мере три производственных центра: Фасосс, Солоха I, Синопа. Есть среди них еще и неустановленные центры.

Амфоры центра Фасосс. Найдено дно (рис.5,1) и венчики (рис.6,7) датируются V в. до н.э. (6,82, табл.У1,176).

Амфоры Синопа. Характерными признаками для них являются цилиндрической формы дно (рис.5,1,2), венчик пухлый (рис.6,1). Глина светло-серая с включениями черных частиц. Насчитывают около 30 фрагментов.

Амфоры Солоха I. Удалось собрать венчики и днища от более десяти экземпляров (рис.7,1-9). Венчики амфоры типа солоха - I отличаются тем, что имеют округлой формы корпуса с невысоким прямым горлом, оканчивающиеся широко выступающими краями. Ножка низкая и широкая с неглубокой выемкой у основания (рис.6,2). Амфоры типа Солоха-I относятся к раннеэллинистической эпохе и считают продукцией города Византии (6, с.92).

Оружие. На памятнике Шубара -2 обнаружено более четырех

десятков предметов оружия колющего и режущего характера. К ним относятся прежде всего наконечники копий, ножи, топоры, дротики и т.д.

Начнем с самого многочисленного. Это наконечники копий. Число их достигает 12-15 экземпляров. Уточнить это число трудно хотя бы потому, что большей частью фрагментированы.

По форме боевой части копья мы делим на два типа: копья вытянутой листовидной формы и копья лавролистной формы.

1. Копья вытянутой листовидной формы. Более 5 экз. (рис. 8, 16; рис. 9-2, 4) из них лишь два экз. в хорошей сохранности (рис. 8, 16, рис. 9, 4) размеры достигают 32 см. Похоже, что в сечении они имеют овальную форму (рис. 8, 16, рис. 9, 4): как правило, втулки снабжены боковыми прорезями (рис. 9, 6-8).

2. Копья лавролистной формы (рис. 8, 20; рис. 9, 6, 8). Боевая часть этих копий то овальна в сечении (рис. 9, 2), то с ребристым выступом у основания. Они хорошо напоминают формы бронзовых лавролистных наконечников копий местной позднебронзовой культуры. Создается впечатление, что копья лавролистной формы относятся к тому времени, когда бытовали здесь вышеназванные предметы эпохи поздней бронзы и переходного периода к железу.

Третий тип — втулки или наконечники посохов (рис. 8, 5, 9, 11, 15, рис. 9, 3, 9). У всех как правило боевая часть в сечении имеет 4-х угольную форму, концы заострены. Размеры от 12 см. (рис. 8, 9) до 40 см., (рис. 8-15).

Стреловидный дротик 1 экз. (рис. 8, 1/) втулчатый, боевая часть в сечении прямоугольная. Разм. ок. 5 см.

Топоры 2 экз. По форме они больше напоминают секиры, характерные для местных памятников второй половины I тыс. до н.э. (рис. 10, 1-2).

Ножи. 8 экз. Двух типов: с прямой спинкой (рис. 10, 6-7) и изогнутой спинкой (рис. 10, 4-5).

Украшения. К ним относятся браслеты, булавки, бусы, привески, цепочки и т.д. Подделочным материалом служила, в основном, бронза, но применялось и железо.

Изделия из бронзы. Число их насчитывает 120 предметов. Из них около 10 изделий относятся к первому веку I тыс. до н.э.: 3-4 предмета следует отнести к VI-V в. до н.э. Все остальное относится, в целом, к эпохе эллинизма.

1. Материал первых веков I тыс. до н.э. Прежде всего сюда относятся завитки в полтора оборота или наконечники; 2 экз. (рис. 11, 8, 52, рис. 12, 21). Как известно позже VI-V в. до н.э. их почти не изготавливали в том первоначальном виде из бронзовой проволоки с заостренными или обрубленными концами. Другое дело когда

позже, со второй половины I тыс. до н.э. применение или употребление наконечников в какой-то мере продолжается, но их уже делали из вышедших из употребления браслетов, шейных гривен и других круглопроволочных предметов. Это хорошо видно и на примерах у шубарских находок, когда браслеты V-II вв. до н.э. переделывали в другие виды украшений (рис. 11, 12; рис. 12, 2, 4).

Этот интересный факт должен свидетельствовать преимущественно о продолжении традиций.

К числу украшений эпохи бронзы нужно отнести два трубчатых завитка из бронзового листа полуовальной формы в сечении (рис. 12, 39, 40). К тому же периоду относятся несколько бочонкообразных бронзовых бус (рис. 12, 60, 77, 79-80) характерные для VII-VI вв. до н.э.

Обоймицы. 8 экз. Они имеют округло-овальную форму со смыкающимися концами (рис. 12, 1-5). Вполне возможно, что обоймицы как составная часть поясного набора бытовали и в античную эпоху.

Крестовидный предмет в виде литой бронзовой подвески, концы которого завершены шипками. Середина снабжена сквозным отверстием (рис. 11, 45). Подобные украшения встречаются на могильнике Тли (6, с. 166) и среди погребального инвентаря старшей группы Красного Маяка (4, с. 101-102, 204, табл. XXII, 20). К концу первой половины I тыс. до н.э. относятся фибулы с пластинчатой ромбической формы душкой украшенные косыми насечками, елочкой, врезными линиями и точечками (рис. 12, 9, 24). Аналогичные обнаружены на Краснояцком могильнике Старшей группы погребений (погреб. № 4) в скорченном захоронении (4, с. 100, табл. VI, 2). Здесь же найден другой крестовидный предмет более массивной формы, но выполнен из железа с отверстием по середине, как и на бронзовом изделии (рис. 8, 14).

Браслеты. Свыше 30 экз. Из них 22 бронзовые, остальные железные.

Бронзовые браслеты. Как правило, все они выполнены из круглых, а меньшее количество круглой или подчетырехугольной форм. В основу классификации мы кладем формы головок или конечностей браслетов и в итоге мы получаем четыре типа браслетов.

Первый тип. Браслеты собрубленными и утолщенными концами, овальные в сечении, без орнамента (рис. 11, 7).

Второй тип. Браслет с обрубленными и несомкнутыми концами, украшенные винтообразными нарезками со слегка наме-

ценным прогибом (рис. II, 1).

Третий тип. Браслеты с лебедевидными головками. К ним относятся: а) браслет с несомкнутыми концами, украшенный поясковидными нарезками и полуромбами (рис. II, 11); б) браслет с заходящими концами, украшенный нарезками в две группы (рис. II, 9); в) браслет с ровной спинкой и украшенный на концах и в середине тремя выпуклыми нарезками (рис. II, 3).

Четвертый тип. Браслеты с шаровидными вздутиями (рис. II, 23-24, 35-36). Имеется также целая группа браслетов, которые из-за фрагментарности не могут быть отнесены к тому или иному типу, но бесспорно, что типологически следует датировать их, в целом, второй половиной I тыс. до н.э., браслеты же с вздутиями наплывами характерны для III-II вв. до н.э. Здесь же отметим, что в нашем раскопе обнаружены более 20 фрагментированных браслетов, скорее вторично использованные в качестве подвесок или колечек (рис. II, 2, 4, 6, 10, 12, 46, 49, 50, 61).

Железные браслеты. Из-за фрагментарности и здесь мы не можем получить полные представления о них, но и по сохранившимся остаткам можно выделить два типа.

Первый тип. Браслет с уплотненными концами с поперечными нарезками (рис. II, 39).

Второй тип. С шаровидными вздутиями или наплывами (рис. II, 13, 14, 16). Иными словами и здесь мы имеем повторение форм бронзовых браслетов, что свидетельствует об одновременном изготовлении бронзовых и железных браслетов в эпоху эллинизма.

Колокольчики. 3 экз. бронзовые. Два из них наибольшие с конической формой корпуса и отверстием на боку. Ушко отбито (рис. II, 47). Другой колокольчик имеет форму цилиндра с продольными желобками. Под петлей отверстие - место для подвешивания язычка (рис. II, 48). - По имеющимся многочисленным аналогиям их следует датировать VI-II вв. до н.э.

Булавки. 3 экз. Из них одна целая, а от остальных сохранились лишь иглы-стержни. Булавка с ажурной головкой, увенчанная двумя собаковидными головками, морды которых устремлены в противоположные стороны. Последние соединены дуговидной формы планочкой, покрытой двумя змеевидными налестками. Булавка снабжена цепочкой, подвешенной в верхней части стержня с помощью петли. Предмет покрыт косыми и елочными узорами (рис. II, 87). У основания перекрестия имеется змеевидный налесток. Подобные булавки хорошо известны среди могильного инвентаря середины и начала второй половины I тыс. до н.э. (3 табл. IX-XI, 7). Интересно отметить, что известные до сих пор подобного рода булавки украшались бараньими головками. Что касается шубарского экземпляра

с собаковидным навершием, то он встречается впервые. Если этот факт подтверждается и другими находками, то можно установить, что для равнинной части Центральной Абхазии (Гульрипши, Сухуми, Эшера. Мцара) в эпоху раннего эллинизма костюмы украшались булавами с бараньими головками, тогда как в нагорной части (Шубара) излюбленным украшением были булавы с собаковидными головками.^{ж)}

Бусы. На раскопе найдено около 70 бус, изготовленных в основном из стекла, стеклянной пасты и т.д. Среди них есть бусы ажурные в виде дельфинчика (рис. II, 35-36), птиц (рис. II, 29, 34), сосудов (рис. II, 28, 30, 31-32-33) изготовленные из стекла цвета пива; глазчатые (рис. II, 49-52); полосатые (рис. II, 57-58, 65, 74) поясковидные (рис. II, 70-71); гофрированные (рис. II, 53). Все перечисленные бусы являются продукцией эллинистических центров.

Перстни-печати. 2 экз. Бронза.

1. Печатка овальной формы с изображением мужской фигуры в кресле. Изображение выполнено влево. Инталяс. Разм. IX, 1, 7 см. По технике изготовления мало чем отличается от перстней из могильника Гуадику, датирующейся рубежом V-IV вв. до н.э.

2. Печатка из откинутой бронзовой пластинки. Изображение не прослеживается. Разм. 0,7-1,5 см., частично фрагментирована (рис. II, 10). По мнению Лордкипанидзе М.Н. подобные цикли изготовлены в городе Кизик, встречаются и на других могильниках исторической Колхиды (9, с. 68-69).

Шубара-2 - это прежде всего памятник раннеэллинистического времени. По отдельным находкам он возник на месте поселения эпохи бронзы и раннего железа. С учетом находок обугленных человеческих костей и погребального инвентаря, полагаем, что здесь хоронили людей через кремацию. Полная разрушенность погребений еще в древности не позволяет установить наличие других видов захоронений. Жители холма в эпоху раннего эллинизма занимались скотоводством^{ж)} и торговлей; во всяком случае в этом районе проходила какая-то перевальная дорога, связывавшая побережье с горскими племенами обеих сторон Кавказа. Интересно вспомнить, что исследователь древностей Краснодарского края Анфимов Н.В., рассматривая один из археологических комплексов р. Пхьи - правого притока Большой Лабы,

ж) Небезынтересно отметить, что и позже, в эпоху раннего средневековья, на храмах изображали собаковидные существа (храм Лашкиндар в Ткварчели).

ж) По определению проф. Н.И. Бурчак-Абрамовича из Шубара-2 происходит 14 зубов от домашних быков, 3 от коз, один - свиньи.

приходит к выводу, что в интересующее нас время т.е. V-VI вв. до н.э. многие предметы попадали на Северный Кавказ из Абхазии, в частности Диоскуриады (10 с.106-108). Наличие оружия на Шубаре-2 позволяет говорить о воинственном облике жителей данного региона, оставаясь хорошими охотниками. Находки позволяют считать, что шубарские древности оставили нам поминки носителей позднебронзовой культуры. В отношении развития материальной культуры и удовлетворения духовных потребностей древние шубарцы, как и многие другие горские племена, ничем не уступали уровню развития культуры равнинной части страны.

использованная литература:

- Капнина В.К. Шубарские находки. В кн. Труды Абхазского государственного музея, V, Сухуми, 1980 г.
- Апсны Ахсаала, карта Абхазии, Тифлис, 1912. Оставил М.Л. Шервашидзе. (На абхазском языке).
- Шамба Г.К. Эшерское городище, Тбилиси, 1980.
- Трапш М.М. Труды 2, Сухуми, 1969 г.
- Воронцов Ю.Н., Шамба Г.К. Новые материалы по археологии Диоскуриады. В сб. Известия Абхазского института ЯЛИ им. Гулиа АН ГССР, V, Тбилиси, 1980.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. В сб. Материалы и исследование по археологии СССР № 83, Москва, 1960.
- Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э., Москва.
- Шамба Г.К., Квициниа В.К. Открытия в пос. Агудзера, близ Сухуми, в сб.: Труды Абхазского Государственного музея, вып. V, Сухуми, 1980, 3 табл. XXI, 7.
- Лордкипанидзе М.Н. Колхидские перстни-печати V-III вв. до н.э. Тбилиси, 1975.
- Анфимов Н.В. Погребение IV в. до н.э. с реки Пхии, в сб. Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН ГССР, X, Тбилиси, 1981 г.
- Инал-Инал Ш.Д. Абхазы, Сухуми, 1965.

Ю.Н. Воронцов, О.Х. Бгажба

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦИБИЛИУМА В 1983 ГОДУ

Седьмой сезон раскопок Цибилиума, проводимых Абхазским институтом ЯЛИ им. Д.И. Гулиа АН Грузинской ССР совместно с Абхазским государственным музеем, позволил выявить в крепости ряд уникальных памятников, существенно дополняющих полученные ранее данные о главной крепости Апсилии¹.

Во-первых, были завершены раскопки монументального "зала заседаний", расположенного в средней части главной западной стены (рис. I, I). Вдоль южной и западной стен расчищены каменные скамьи, сложенные впритык к оштукатуренной поверхности стен и покрытые в свою очередь толстым слоем штукатурки, гладко заглаженной. Вход в зал ведет через восточную стену - перед ним расчищена нижняя плита двухступенчатой лестницы. Снаружи, в углу, образованном восточной стеной и пристройкой, на поверхности скалы, уходящей под стену, найдена медная монета Юстиниана, отчеканенная в Константинополе в первое десятилетие его правления (рис. I, 5). Это третья раннеюстиниановская монета из строительного горизонта крепости². В помещении расчищена поверхность земляного пола, которую покрывал слой пожарища с камнями, упавшими со стен. В северо-восточном углу обнаружен обложенный булыжником резервуар, служивший для сливания какой-то жидкости, уходящей через щели в камнях к поверхности скалы. Среди находок, характеризующих начальный этап жизни этого помещения, выделены импортные амфоры (рис. 2, 2-20) - 51,3%, пифосы (рис. 2, 2-8) - 2,8%, двуручные сосуды (рис. 2, 9) и в своем большинстве лощенные кувшины (рис. 2, 10-13, 15) - 8,4%, вазочки (рис. 2, 14), горшки (рис. 3, 16-21; 5-16) - 31,8%, кружки (рис. 4, 3-5), чаши (рис. 4, 7), кирпичи (рис. 4, 8), черепица (рис. 4, 9, 10), изделия из камня (рис. 4, 11-13), обломки стеклянных рюмок (рис. 4, 16-22) и кувшина (рис. 4, 23), бальзамерий из зеленоватого стекла (рис. 4, 15), железные наконечники стрел (рис. 5, 1-8), ножи (рис. 5, 9-11), панцирные пластины (рис. 5, 12-19), обломки щипцов (рис. 5, 22) и обкладки ножен меча (рис. 5, 23), бронзовые пластинки, навершие рукояти меча и перстень (рис. 5, 20, 21, 24, 25). Большинство металлических изделий связано с пожарищем, которое связывается, как и в других частях крепости,

с моментом уничтожения персидского гарнизона восставшими апсилами в конце лета 550 года. Удалось уяснить и назначение нескольких крупных гладкообработанных известняковых плит, обнаруженных в прошлом сезоне поверх культурного слоя в основании завала стен — это ступени лестницы на боевой платформе стены. Аналогичные скопления отесанных плит в прошлые сезоны были обнаружены у башни № 1, в холодном помещении бани, в цистерне № 1 и т.д.

Во-вторых, восточнее раскопанной в прошлом году цистерны, выявлено второе водохранилище, длина которого 14 метров, ширина свыше 6 метров, глубина до 4 метров (рис. I, 3, 4, 9). Полукилометровая линия водопровода, ведущая от родника на склоне горы Адагуа, входила в первую цистерну, служившую одновременно отстойником. Затем вода через керамическую трубу и отверстие в каменной плите попадала во вторую цистерну, наполняла ее и уходила дальше по трубе к накопителям второго утеса.

Вторая цистерна сохранила остатки внутренних сооружений в западной части уступ, служивший, возможно, основанием лестницы, и в восточной части — основания двух арок. Интересны маленькие арочки, углубленные в стены в местах прохода водопроводных отсеков. Стены и дно накопителя сохранили частичное цементное покрытие. В накоплениях водохранилища (их мощность, включая завал стен, свыше 2 м), выявлено три горизонта — накопления XVIII–XIX вв., накопления средневековья и накопления времени основного функционирования крепости. С верхним горизонтом связано несколько обломков керамических изделий и турецкая орнаментированная курительная трубка (рис. 6, I). В среднем горизонте найдено пять наполовину уцелевших пифосов (рис. I, 4), емкостью по 50–100 литров каждый (рис. 6, 7–13). Вокруг найдены ручки кувшинов с нарезкой (рис. 6, 2, 2а), обломки ваз (рис. 6, 4–6) и двуручного сосуда (рис. 6, 3), мисок и другой посуды XIV–XV вв. Судя по всему, здесь находился винный склад, связанный с расположенной выше церковью. На дне цистерны (мощность накоплений 0,1 м) найдены многочисленные обломки импортных амфор (рис. 7, I–3) — 51,3%, пифосов (рис. 7, 4–8, 13, 14) — 10,5%, кувшинов с коричневым лощением (рис. 7, 9–10) и значками на ручках (рис. 7, II — 13, I%, чаш (рис. 7, 17, 18), горшков (рис. 8, I–7) № 15, I%, кружек (рис. 7, 19), обломки кирпичей со спиралевидными узорами (рис. 8, 9) и диагональными полосами (рис. 8, 8), черепицы (рис. 8, 10, 11), точильных камней (рис. 8, 12), стеклянных рюмок (рис. 8, 16–18), бронзовых фибул (рис. 8, 14) и серег (рис. 8, 15), датированных

серединой VI в. н. э.

Крепостные цистерны Юстиниановской эпохи исследованы очень плохо. Можно полагать, что близкие по конструкции накопители существовали в Петре (Цихисдзири), где, по сообщению Прокопия, имелся водопровод. "Ту воду, — пишет Прокопий, — которая ведет в город, он (Хосров — Ю.В. и О.Б.) разделил на три части и, сделав очень глубокий ров, соорудил три водопровода, один в самом низу рва, заложил его камнем и навозом до середины рва; тут он скрыл второй водопровод, а сверху выстроил третий, так что он пошел поверх земли и был виден всеми" (136, УШ, 12, 21–22). В других колхидских крепостях этого времени (Археополь–Нокалакеви, Мохериси, Шорапани, Сканда) существовали водозаборные тоннели, спускавшиеся к протекающим рядом речкам³. Близкая по конструкции водозаборная галерея была высечена в скале Эски–Кермена, также, по-видимому, в Юстиниановскую эпоху⁴. В Херсонесе водоснабжение было колодезным⁵. Водоемы присутствуют в ряде ранневизантийских укреплений Болгарии, но конкретных их описаний обычно не делается⁶. Там же имеются сходные по конструкции с Цибилуемским водопроводы⁷. Наиболее близки к нашим цистерны византийской крепости Юстиниановской эпохи в Айасолук–Сельджук, где два смежных, но одинаковой прямоугольной формы, бассейна также сложены в перевязку с наружной оборонительной стеной вблизи главных ворот⁸. Таким образом, система накопителей Цибилума, представляя собой единственный исследованный памятник такого рода в Советском Причерноморье, является важным научным открытием, значение которого выходит далеко за пределы Апсолии.

В-третьих, на вершине западного утеса, где продолжались исследования храмового комплекса, в помещении между храмами выявлена река–хранилище костей святого, представляющее собой оштукатуренную изнутри гробницу длиной 1,3 метра, слегка расширенную в западной части и суженную с востока (рис. I, 2). Гробница относится к типу "под спудом" — ее перекрытие состояло из восьми досок–сороковок, поверх которых был положен слой камня на растворе толщиной до 0,3 м. От досок сохранились отпечатки на потолке гробницы и пазы. В гробнице находился ковчежец–деревянный ларец, от которого остались четыре железных гвоздя по углам и обломки черной древесины. Ковчежец содержал четыре обломка человеческих костей — фаланги, ребра, черепа и позвонка.

Благодаря находке описанной гробницы помещение между храмами, на наш взгляд, логичнее всего определить как мавзолей Ю. Известия ХУ;

где отправлялся поминальный культ какого-то видного мученика. Несмотря на определенные отличия от раннесредневековых мартириев, известных как в Советском Причерноморье (Вашнари, Херсонес)⁹, так и за рубежом (Милет, Фасос)¹⁰, с ними рассматриваемый памятник сближают такие важные черты, как двучастное деление основного помещения (северная ячея, по-видимому, оставлена для какого-то почетного захоронения), примыкающее с востока дополнительное помещение (проявляется ныне лишь высеченным в скале прямоугольным углублением), расположение мартирия к северу от малого храма, с которым он был, по-видимому, функционально связан (об этом, в частности, говорит высоко поднятый дверной проем в северной стене малого храма, который выводит на западную стену мартирия).

Установлено, что помещение, содержащее гробницу, возведено впритык к оштукатуренной поверхности северной стены малого храма, т.е. после завершения его постройки. В то же время это помещение возведено вперевязку с южной стеной придела большого храма. Этим фактом опровергается утверждение^{II}, что верхний малый был построен чуть ли не на столетие позднее нижнего. В действительности в первую очередь на наиболее возвышенной части утеса был сооружен малый храм, а затем, когда штукатурка на его стенах подсохла, были возведены помещение с гробницей и одновременно с ним большой храм. Судя по имеющимся материалам, рассматриваемый храмовый комплекс Цибилиума был задуман и исполнен как одно целое и одновременно с оборонительным комплексом, дата строительства которого определена нами в рамках 529-542 годов.

Л и т е р а т у р а

1. В о р о н о в Ю.Н., Б г а ж б а О.Х., Ш е н к а о Н.К., Ц е б е л ь д а: поиск продолжается, - Советская Абхазия, 25 октября 1983 г., с.3.
2. О первых двух монетах см.: В о р о н о в Ю.Н., Раскопки в Цебельде. - Археологические открытия 1979 г., М., 1980, с.406; В о р о н о в Ю.Н., Б г а ж б а О.Х., Ш е н к а о Н.К., Цебельда: вновь уникальные находки. - Советская Абхазия, 14 августа 1982 г., с.3.
3. Л е к в и н а д з е В.А. Материалы по монументальному строительству в Лазике. - Вестник государственного музея Грузии, т.ХХП-В, Тбилиси, 1961, с.142-143, 146-147.

4. В е й м а р н Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена (опыт реконструкции), - История и археология средневекового Крыма, М., 1958, с.35, рис.13.
5. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963-1964 гг. - Античная древность и средние века, сборник 7, Свердловск, 1971, с.13.
6. О в ч а р о в Д.С. Византийские и болгарские крепости V-X вв., София, 1982, с.31, обр.14.
7. М а д ж и р о в М. Северная порта на Хисарската крепост. - Археология, № 1, София, 1979, обр.1; 10.
8. Muller-Wiener W. Mittelalterliche Befestigungen im südlichen Yonien-Ystanbul, Mitteilungen, Heft II, Istanbul, 1961, Tafel. II.
9. Л е к в и н а д з е В.А. Раннесредневековые памятники Вашнари. - Советская Археология, № 3, М., 1972, с.31, рис. 1; 5а.
10. Т а м же, с.32, рис.5б, в.
- II Х р у ш к о в а Л.Г. Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977 - 1979 гг.). - Византийский временник, т.43, М., 1982, с.161, 176.

Л.Г.Хрушкова

СВЕДЕНИЯ О ПАМЯТНИКАХ С.ЛЫХНЫ У НЕКОТОРЫХ
ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

Лыхны – крупное село (сейчас его население составляет 10 тыс человек), древний политический и культурный центр, который тесно связан с разными периодами истории Абхазии. Оно известно и своими памятниками архитектуры... Это, прежде всего, крестово-купольная церковь и дворец, расположенные на обширной древней площади (рис.1). Монастырский комплекс Айлага-Абыку в пос.Бомборы и церковь в местности Абаанта находятся на периферии села. Наибольшее внимание исследователей всегда привлекала церковь на лыхненской площади, которая входит в группу крупных купольных сооружений в Абхазии (Бзыбь, Пицунда, Моква, Анакопия)¹. Комплекс Айлага-Абыку² и церковь Абаанта³ раскопаны и опубликованы. Из всех названных памятников дворец – единственный, которому до недавнего времени не было посвящено ни одной научной публикации⁴.

Раскопки дворцового комплекса, проведенные в последние годы Абхазским институтом языка, литературы и истории им.Д.И. Гулиа, показали, что дворец сооружен не позже X в., возможно, на рубеже IX-X вв. Новые материалы позволят по-иному рассмотреть вопрос о взаимосвязи дворца, церкви, также других памятников, расположенных поблизости. В связи с этим представляется

1. Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М., 1963, с.204–205; Рчеулишвили Л.Д. Некоторые аспекты грузинской архитектуры Черноморского побережья. – Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978, с.26. Живопись церкви детально рассмотрена в книге: Л.А.Шервашидзе. Средневековая монументальная живопись в Абхазии. Тбилиси, 1980, с.67–149, там же библиография.
2. Шервашидзе Л.А. Айлага-Абыку. Средневековый монастырский ансамбль в деревне Бомборы. Доклад на IV Международном симпозиуме по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983 (отдельная брошюра).
3. Шервашидзе Л.А. Раскопки в селе Лыхны. – Полевые и археологические исследования в Грузии в 1976 г.Тбилиси, 1979.

полезным систематизировать все сведения о памятниках села Лыхны. Работы отечественных авторов немногочисленны и легко обозримы, они названы выше. В настоящей заметке собраны свидетельства зарубежных авторов, рассеянные в самых разных изданиях.

Наиболее ранние сведения о Лыхны и его сооружениях принадлежат французскому торговцу Полю Гибалю, который провел в Лыхны 2 недели в январе 1819 г. и оставил интересные заметки о своем пребывании там⁶.

Поль Гибаль – торговец лесом. Он путешествует в прибрежных районах Абхазии и Мегрелии с целью оценить возможности заготовки и сплава к морю леса. Как известно, край издавна известен великолепными лесами, где произрастают и ценные породы – самшит, тис и др. Одновременно Гибаль собирает информацию, его интересует земледелие и ремесла местного населения, размеры населенных пунктов и устройство жилищ, религия и обычаи людей, с которыми он встречается и, пожалуй, в последнюю очередь – памятники архитектуры. Свои впечатления он записывает в дневник. Записи, сделанные на месте, Гибаль обрабатывает спустя несколько месяцев. Его торговая миссия не имела никакого успеха, гораздо большее значение имеет Дневник как интересный исторический источник. Гибаль – прилежный и, можно сказать, бесстрастный наблюдатель. Помимо этого, ему нужно было обладать еще хладнокровием и храбростью. Положение в крае нестабильно. По Бухарестскому трактату 1812 г. Турция уступала России свой протекторат над Восточным Причерноморьем, но уходить она не спешила. Множество турецких агентов, которые опирались на не-

4. В популярных изданиях памятник упоминается как сооружение XV–XIX или XVI–XIX вв. но без какой бы то ни было аргументации. – Пачулиа В. По историческим местам Абхазии. Сухуми, 1958, с.107; Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1975, с.68.
5. Хрушкова Л.Г. Раскопки дворца в селе Лыхны. – Археологические открытия 1981 г. М., 1983, с.416–417; она же. Исследование дворца в селе Лыхны. – Археологические открытия 1981–1982 гг. в Абхазии (в печати); она же. Раскопки дворца в селе Лыхны. – Археологические открытия 1983 г. (в печати); она же. Раскопки дворца в селе Лыхны. – Археологические открытия 1983 г. в Абхазии (в печати); она же. Завершение раскопок дворца в селе Лыхны. – Археологические открытия 1984 г. (в печати); она же. Завершение раскопок дворца в селе Лыхны. – Археологические открытия 1984 г. в Абхазии (в печати).

которое число протурецки настроенных представителей местной знати, ведут активную антирусскую пропаганду. Власть князя Сафарбея ограничена. Путешествовать по Абхазии небезопасно, особенно сухопутным способом. Не случайно Гибаль, нечаянно уронив в море свою тетрадь с записями, очень встревожился – всякого человека, что-то записывающего, могли принять за шпиона. Район Пицунды и окрестностей контролируют "черкесы". Даже несколько лет спустя П. Гамба, французский консул в Тифлисе, писал, что высадиться в бухте в Пицунде нечего и думать: "Как во времена Страбона, народ этого побережья живет еще пиратством и грабежом".⁷

Гибаль отнюдь не принадлежит к числу эрудитов, его познания довольно поверхностны, да и приобрел он их скорее от нечего делать, когда он провел лето 1819 г. в Сухуми, ожидая возможности поехать в Мегрелию⁸. Он знаком со сведениями Страбона и Плиния и грузинскими летописями, но в целом настроен скептически в отношении возможностей изучения края, в частности, его памятников: "Я не знаю, можно ли было найти Диоскурию сегодня... Я сильно сомневаюсь, что когда-нибудь какой бы то ни было ученый мог открыть там истину, впрочем, маловажную..."⁹ И тем не менее, его наблюдательность и педантизм, с которыми он описывает все, что видит, сыграли свою роль. Он отправляется в Лыхны морем 2 января 1819 г.¹⁰, по дороге наблюдает остатки различных каменных строений, сопровождая их своими комментариями.

6. P. Guibal Journal de mon voyage entre les mers Noire et Caspienne, Astrakhan et Taganrog. Мы осуществили перевод с фотокопии, хранящейся в ЦГАА. Оригинал хранится в ЦГАДА, ф. 1261/1, оп. 1. д. 2396. Источник введен в научный оборот следующей публикацией: Е ф р е м и д з е М. С. Путешествие Гибала в Абхазии в 1818–1819 гг. – Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, 1963, XXXIII–XXXIV.

7. P. Gamba. Voyage dans la Russie meridionale et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase. Paris 1826, I. 40.

8. П. Г и б а л ь. Уксоч., л. 107 об.

9. Там же, л. III

10. Там же, л. 79

11. Там же, л. 91

12. Там же, л. 87–88.

Описание природы в Лыхны отличается точностью и деловитостью, восторгаться Гибаль не склонен: "Большое число источников, которые имеются в этом месте, их свежесть и великолепное качество дали ему название Соуксу (свежая вода). Вода не единственное достоинство, мягкость и красота климата, свежесть воздуха во время летней жары, мягкая температура в декабре, январе и феврале делают это место одним из самых приятных в бассейне Черного моря".¹¹

Свое знакомство с Лыхны Гибаль начал с посещения священника. Священник "добрый бедный имеретинец" живет в хижине, не отличающейся от крестьянских жилищ. Описание ее дано с этнографической точностью. Это постройка из прутьев, обмазанных глиной снаружи, в торцовых стенах этого продолговатого сооружения по одной двери, внутри оно разделено на две части – для семьи священника и скота. Пол земляной, в центре – очаг, скамьи из прутьев покрыты кукурузной соломой, они служат и постелью, над огнем – котелок на веревке, посуда деревянная. У священника несколько рукописных церковных книг, переписанных очень чисто, книги с серебрянными застежками. Кроме того, священник имеет полный набор оружия – ружье, саблю, пистолет и кинжал.¹²

Затем они направляются в церковь. В каком она состоянии в это время, после длительного господства турок когда развалинам древних церквей поклоняются на языческий манер и воспоминания о христианстве сохраняются в некоторых обрядах (пост, красные яйца на пасху). Гибаль отмечает, что портал, который ведет в ограду, был сводчатым, свод упал, но две опоры из тесаного камня еще существуют. Ограда "почти полностью разрушена, ее протяженность определяется только по остаткам".¹³

Из белого упоминания опор из тесаного камня и свода уже можно заключить, что ограда древняя. Действительно, раскопки, проведенные в 1984 г. у южного входа в ограду, показали, что она одновременная церкви, о чем говорят материалы нижнего культурного слоя. И сейчас в ее кладке различаются тесаные камни на древнем известковом растворе, более поздние ремонты выполнены мелкой бутовой кладкой. Из двух древних опор сохранилась одна, западная, другая утрачена при расширении ворот, которое проведено в недавнее время, судя по цементному раствору.

Далее Гибаль описывает церковь. "Размеры церкви таковы, какие бывают у крупных деревенских церквей. Она выложена из

13. Там же, л. 89.

тесаного камня до начала сводов, своды – из кирпича. Интерьер не создает высокого представления и набожности правителей. Пол полностью разрушен, от него осталось только несколько кусков камня, всюду дыры, в которых можно сломать ноги, они служат убежищем крысам, скорпионам и фалангам. Архитектура напоминает мавританскую. Церковь имеет два входа, из которых один сделан из грубо прилаженных камней. Некогда было два прекрасных алтаря, сейчас один в очень плохом состоянии. Штукатурка, которая покрывала стены, сейчас разрушилась от действия сырости и времени, она осыпается, ее остатки видны повсюду. Однако ее остается еще достаточно, чтобы рассмотреть там древнюю живопись в грузинском вкусе. Это святые или изображения богоматери, написанные на китайский манер, без теней. Вверх и внизу – надписи, без сомнения, извлеченные из Писания или указывающие персонажей, которых изображает живописец. Вначале я принял надписи за славянские, но потом по лучше сохранившимся я увидел, что они написаны "на грузинском священном". Из современного убранства¹⁴ есть только несколько икон, присланных из Крыма, и прекрасный серебряный образ, данный князю крестником его сына.

Для вящего назидания верующих один из углов церкви занят большой кучей соли".... Далее Гибаль пишет: "Через несколько дней я имел случай присутствовать на службе, где я увидел все богатство церкви и самые богатые священнические ризы, все соответствовало состоянию интерьера."

Мы видим, что состояние церкви Гибаль описывает со снисходительной иронией. Скорпионов и фаланг он упоминает, скорее всего, для красного словца – если они и были, вряд ли он мог их рассмотреть. Надо вообще отметить, что Гибаль с каким-то мрачным удовольствием описывает отрицательные стороны действительности: бедность, тяготы и неудобства путешествия и т.п. Для нас важно то, что, несмотря на крайне неблагоприятные условия, церковь функционирует, Гибаль присутствовал, вероятно, на рождественском богослужении, и он не отмечает никаких отступлений в порядке службы. Во второй раз он был в церкви вместе с княгиней, которая "счастлива встретить, наконец, настоящего христианина", молодые князья (7 и 10 лет) тоже посещают церковь.¹⁵ В это время в Абхазии действуют только две

¹⁴ В тексте ошибочно написано „ornemens“ вместо „ornements“ (л.89).

¹⁵ Там же. л.89, 93, 94 об.

церкви – знаменитая Илорская и Лыхненская. Это имеет существенное значение для сохранности памятника. Церковь в Лыхны отличается превосходной сохранностью – не только перекрытия, но даже карнизы дошли до наших дней почти целиком.

М.Броссе, бывший в Лыхны в конце 40-х годов XIX в., также отметил "отличное состояние" церкви, "благодаря работам князя Михаила Шервашидзе"¹⁶. Хорошее состояние церкви сделало ненужной неумелую реставрацию, которой подверглись другие крупные памятники Абхазии во второй пол.XIX в. Гибаль отмечает важную особенность конструкции церкви – кирпичные своды. Сейчас они скрыты штукатуркой. Использование кирпича в перекрытиях при каменном основном объеме – существенная черта многих памятников Абхазии периода раннего средневековья. Аналогичную особенность видим и в расположенном рядом дворце, в кладке западного вестибюля, который выложен из камня, а паруса и купол – из кирпича. Мнение о "мавританском" характере архитектуры оставим на совести автора. Что касается живописи "на китайский манер", это понятно. Для европейца того времени, привыкшего к живописи, которая следует принципам перспективного построения формы и свето-теневой моделировки фигур, средневековая живопись, основанная на других законах, могла показаться похожей на китайскую, без перспективы и светотени. Правильно отмечает путешественник, что в живописи преобладают изображения богоматери – церковь посвящена успению богоматери. Остается только пожалеть, что он не описал композиций, которые он наблюдал в лучшем состоянии, чем позднейшие исследователи. Надписи в росписи церкви выполнены на грузинском и греческом языках. Видимо, последние Гибаль и принял за славянские, здесь наблюдательность его не обманула. Вообще во всех описаниях наблюдательность Гибала превосходит его познания.

Внимательно рассматривает Гибаль и современные постройки. Крестьянское жилище описано им на примере дома священника. Дневник путешественника дает представление и о княжеских постройках. Вот дом для иностранцев или гостей, где князь устраивает приемы и где останавливаются родственники князя и княгини, когда приезжают с Соук-су. "Экстерьер и интерьер этого зала или дома не дал бы возможность европейцу заподозрить его назначение." Снаружи это довольно длинное строение из досок,

¹⁶ M. B r o s s e t. Rapports sur un voyage archeologique dans la Georgie et dans L'Armenie execute en 1847-1848. Spb., 1851, rapports 4-12, 8-e rapport, p.116.

крытое крышей "по-европейски". Внутри это большой сарай, с плохим перекрытием, куда свет и "два элемента", как выражается Гибаль с иронией, то есть воздух и вода, проникают через крышу и щели между досками. Дверь служила окном, земля- полом. Посредине маленький очаг, все закопчено. Во время обеда зал полон людьми, князь сидит отдельно за полукруглым турецким столиком. Ему подали просяную кашу на серебряной тарелке, а Гибалью - на фаянсовой, вино - в стеклянных бокалах. Практичный торговец тут же дает справку, что эти бокалы - единственные в Соук-су и что такие же он видал в Сухуме, где их в течение года не продано и двадцати.¹⁷

Уже из описания этого зала для приемов ясно, что каменная постройка, которую мы сейчас изучаем, в это время не использовалась. Князь жил в деревянном строении, расположенном на одной линии с древней церковью и каменным древним дворцом на одной линии, т.е. в юго-восточной части лыхненской площади, на ее окраине. "Дом князя совершенно в турецком роде, окруженный, как и дом Хасан-бея, палисадом из досок и такой же прочный, но здание и ограда более обширны и производят прекрасное впечатление среди деревьев и хижин Соук-су, которые видны здесь и там на большом расстоянии одна от другой. Этот дворец - довольно большое деревянное здание, двухэтажное и покрытое черепицей. Окна - маленькие квадратные отверстия с решетками. На одной линии с домом дальше в сторону моря: дом для канониров или гостей, большой зал для приемов, кухня и т.д. Все эти строения находятся на большом расстоянии одно от другого и среди прочих кухня расположена за двести с лишним туалетов от жилищ князя, так что мясные кушанья успевают остыть раньше, чем их донесут. Конюшни, подобие навесов, кладовые-маленькие бараки, приподнятые на четырех ножках высотой от 15 до 20 футов, все это рассеяно здесь и там без всякого порядка."¹⁸

Многие детали позволяют узнать черты традиционного быта абхазов, хорошо знакомые по этнографическим материалам. Деревянное жилище князя не оставляет сомнения в том, что древний каменный дворец в это время необитаем. Князь принял Гибалью в помещении, которое он "стремился сделать европейским. Интерьер дворца и галерея, которые вели к нему, были загромождены старой домашней утварью. Комната князя достаточно чисто со-держится, она оклеена обоями разных цветов, которые не покрывают стен полностью, в ней камин со шипцами и подставкой для

¹⁷. Там же, л. 199 об. - 100 об.

¹⁸. Там же, л. 96 об., 97.

дров. Вместо стульев - скамьи, или скорее доски, покрытые очень чистыми коврами и подушками, и достаточно высокие, чтобы можно было сидеть по-европейски, как предпочитает князь. Самое ценное в комнате - два зеркала в стеклянном обрамлении и двое часов. В беседе князь обещал показать Гибалью место в лесу, известное древними предметами.¹⁹ К сожалению, это мероприятие не было осуществлено. Взамен князь приглашает Гибалью участвовать в скачках и стрельбе, по поводу чего гость невозмутимо отмечает, что он отнюдь не претендовал на первенство в этих состязаниях.

Интересные сведения сообщает путешественник о размерах и планировке села Лыхны. Село очень велико - около 2 тыс. жителей, Гибаль насчитывает до 400 домов в радиусе около 3 верст. Лучшие дома - такие же, как дом священника. Некоторые имеют ограду из плетеных прутьев, все окружены деревьями, в большинстве случаев лесными; около каждого дома - кладовая на четырех ножках, чтобы воры не могли приблизиться незаметно. Дома богатых и князей не более изящны, чем дома народа, хотя более просторны. Иногда они имеют снаружи кухню, перед входной дверью галерею, которая опирается на 4 балки. Здесь принимают гостей. Гибаль отмечает, что территория Соук-су более значительна, чем у крупных городов, но дома так разбросаны и скрыты деревьями, что с самой выгодной точки их видно не более одной десятой части. "Эта деревня или этот город производят впечатление нескольких деревень, которые имеют общий центр".²⁰

Гибаль приводит важные сведения о планировке лыхненской поляны (по абхазски называемой Лыхнашта): "Обширное пустое пространство, которое простирается от выхода из леса почти до церкви, и на краю которого расположены строения и кладовые князя, образует прекрасную общественную площадь".²¹ В другом месте он говорит, что древняя церковь, древний замок и современные строения княжеской усадьбы расположены в одну линию, т.е. они занимают восточную оконечность площади. Очевидно, что новый дворец князя построен с учетом исторически сложившейся планировки таким образом, чтобы оставить площадь свободной.

То, что такое расположение строений сохраняется с древних времен, свидетельствуется материалами, полученными археологическим исследованием дворца. Раскопки установили, что первоначаль-

¹⁹. Там же, л. 97.

²⁰. Там же, л. 90, 90 об.

²¹. Там же, л. 90 об.

начально дворец был задуман как сооружение сравнительно небольших размеров, состоящее из трех помещений с галереей. Оно было сильно выдвинуто в восточной части площади, где рельеф заметно понижается. Неблагоприятное положение постройки определило неудачу – первый дворец был разрушен, возможно, даже до завершения строительства. Тогда же строители произвели перепланировку дворца, который в своих основных частях и дошел до наших дней. При этом юго-восточная часть, где уклон наибольший, требовала постоянных усилий – ее неоднократно укрепляли различными способами. При этом уже первая постройка сооружалась с учетом рельефа – восточная стена дворца, обращенная к обрыву, с самого начала укреплена мощной фундаментной платформой, вынесенной в восточную сторону²². Безусловно, строительная история памятника говорит о том, что заказчик с самого начала поставил строителям условие – максимально освободить площадь от застройки. Судя по археологическим материалам, дворец построен несколько раньше, чем церковь. При строительстве последней тоже учли необходимость оставить площадь свободной. Постройки Сафар-бея следуют этой традиции. Она сохранялась веками, и была нарушена только в самое последнее время строительством нового дворца культуры, которое заняло юго-восточную часть исторической площади. Важность площади правильно понял П. Гибаль. Это "форум, где обсуждаются общественные дела и интересы правителя и его народа. В середине этой площади – великолепные липы, ветви которых покрывают тенью землю на большом протяжении. У самого их подножия устроено нечто вроде скамьи из земли, покрытой досками. Большая из этих лип имеет скамью с двумя ступенями. Это трибунал, где восседает Сафир-бей, чтобы вершить правосудие над своими поданными. Другое дерево – трибунал низшей инстанции, но где сам князь тоже часто заседает".²³

О древнем дворце Гибаль пишет следующее: "В нескольких шагах от церкви видны развалины подобия замка или, скорее, древней башни²⁴, от него остались только четыре стены, построенные из больших камней. Они насчитывают около 40 футов в высоту, в середине свод полностью рухнувший, разделявший некогда башню на два этажа. Сегодня пространство между четырьмя

стенами служит стойлом для буйволов Сафир-бея. На той же линии – замок или дворец владельца."²⁵

Это краткое описание тем не менее является лучшим, чем все свидетельства авторов XIX в., в том числе и таких видных ученых, которые специально занимались изучением памятников архитектуры. Это и Дюбуа де Монпере, и Н. П. Кондаков,²⁶ и П. С. Уваров.²⁷ Гибаль, приблизительно верно определяя высоту дворца (его лучше сохранившиеся стены и сейчас такой же высоты), не случайно он употребляет слово "башня". К этому времени вспомогательные помещения, галерея на каменных столбах (все это открыто раскопками) уже были скрыты землей, ... компактный объем основного ядра комплекса производил впечатление башни. Слово "свод" употреблено здесь в смысле межэтажного перекрытия, которое было плоским, деревянным, а не в смысле сводчатой конструкции.

Наличие второго этажа в это время подтверждает вывод, полученный на основании археологических данных: реконструкция дворца, включающая создание второго этажа, взамен разрушившегося древнего, и сооружение перегородок в нижнем этаже относятся к XVII в. Таким образом, попытки князя Михаила Шервашидзе приспособить дворец под жилье около середины XIX в. ограничивались, видимо, только ремонтом сгоревших деревянных конструкций, и, возможно, создание деревянного балкона вдоль северной и южной стен дворца. Пожар, вызванный молнией, заставил князя покинуть это здание, и к моменту восстания 1866 г. оно было необитаемым. Поэтому утверждения, постоянно встречающиеся в популярных изданиях о том, что каменный дворец разрушен восставшими, не соответствует действительности.

Из приведенных данных можно сделать вывод, что Дневник П. Гибали – интересный источник по истории села Лыхны и его памятников, как и в целом Абхазии.

Другой автор XIX в., который побывал в Лыхны и осмотрел его памятники, – это Дюбуа де Монпере, швейцарский ученый. Его экспедиция 1833 г. в Крым и на Кавказ и последовавшее затем издание шеститомного "Путешествия" с великолепным Атласом²⁸, обеспечила ему прочное место в историографии. Он успел обследовать

25. Там же, л. 89 об.

26. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, т. III. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб. 1890, рис. 47, 48, с. 59–60.

27. Уваров П. С. Христианские памятники. – Материалы по археологии Кавказа, IV, М., 1894, с. 14–17, табл. II IV. рис. 4

21. Там же, л. 90 об.

22. Хрушкова Л. Г. Завершение раскопок дворца в селе Лыхны. – АО 1984 г. (в печати).

23. Там же, л. 90

24. В оригинале ошибочно "tous" вместо "tour" (там же, л. 89 об.).

довать огромное количество памятников истории, архитектуры, описать и зарисовать их. счастливым образом соединив "перо историка и карандаш художника", по его собственному выражению. Готовясь к своему путешествию, Дюба серьезно штудирует известия древних и новых авторов о Крыме и Кавказе, в том числе об Абхазии. Об этом говорят материалы его архива, сохранившего многочисленные выписки и конспекты разных исторических сочинений.²⁹

28. F. D u b o i s d e M o n p e r e u x. Voyage autour de Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Arménie et en Crimée. Paris, 1839, Allas, Neuchatel, 1840.

Русский перевод первого тома сочинения Ф. Дюбуа де Монпере, посвященный Абхазии, издан Абхазским научным обществом: Д ю б у а д е М о н п е р е Ф. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937. Несмотря на некоторые неточности, этот перевод сыграл большую роль в ознакомлении широкого круга читателей с трудом ученого. Мы пользовались французским изданием. Заметим, что в современной литературе Дюбуа часто именуется "французским путешественником", что является следствием буквального понимания названия его книги. Однако в XVIII и первой половине XIX в. всевозможные "путешествия" были излюбленной формой, в которую облекались и развлекательные сочинения, и произведения большой литературы, и ученые труды. Вспомним хотя бы таких русских "путешественников", как А. Н. Радищев, автор "Путешествия из Петербурга в Москву", или А. С. Пушкин и его "Путешествие в Арзрум".

Справедливая оценка достоинств и недостатков книги Ф. Дюбуа де Монпере уже давно дана специалистами, в частности, В. В. Беридзе. "Дюбуа не был простым путешественником, изложившим лишь впечатления поездки. Это был исследователь, с глубокой серьезностью относившийся к предмету своих занятий, ученый, создавший труд, появление которого, несмотря на многочисленные принципиальные и фактические ошибки автора, можно считать значительнейшей вехой в истории изучения Кавказа". Б е р и д з е В. Против искажения истории грузинского искусства (Древнегрузинское искусство в свете зарубежной буржуазной науки). Тбилиси, 1949, с. 9. Там же приведена оценка М. Броссе труда Дюбуа: "Его книга представляет собою род кавказской энциклопедии."

29. ЛО ААН, ф. 21, оп. I, ед. 4, л. 19, 36, 39. До нас архив Дюбуа де Монпере изучала К а л а н д а д з е Ц. П. (Мацне, 1983, 3).

Как и Гибаль, Дюбуа прибыл в Лыхны морем. По пути он заметил, но не обследовал церковь Айлага-Абыку ("иолагу"). "Церковь маленькая, но красиво построенная в византийском стиле."³⁰ Особое внимание Дюбуа обратил на церковь в Лыхны. Он приводит ее рисунок - вид с юго-запада.³¹ Что касается плана, Дюбуа справедливо отмечает его сходство с планом более обширной Пицундской церкви, который он приводит. Стиль лыхненской церкви "византийский. Материал - камень желтоватый, тесаный, известняк из соседних гор. Купол - восьмигранный. Интерьер покрыт живописью".³² Ученый был принят князем Шервашидзе. Дюбуа говорит, что дом князя расположен "у подножия старой башни". Под старой башней подразумевается древний дворец, хорошая сохранность стен производит впечатление башни. Жилище князя там же, в юго-восточной части поляны. Значительный уклон площади в эту сторону, по сравнению с тем местом, где расположен древний дворец, позволял автору сказать "у подножия". Дом князя - деревянное сооружение с галереями, в нижнем этаже размещена конюшня. В интерьере - скамьи, ковры, подушки, камин на турецкий манер.

Описание Дюбуа де Монпере убеждает в том, что в это время каменный древний дворец оставался в запустении. В отличие от Гибалья, кратковременное пребывание Дюбуа в Лыхны не дало ему возможности более детально осмотреть памятники. Интересен рассказ Дюбуа о человеке, который находился у князя в услужении. Этот человек, о котором Дюбуа говорит с глубокой симпатией, вынужден был сменить офицерский мундир на более скромное платье.³³ Вполне возможно, что это человек декабристского круга. Дюбуа иносказательно упоминает, что они говорили об общих знакомых в Швейцарии. Скорее всего, речь шла о петербургских знакомых - Швейцарию Дюбуа покинул уже несколько лет назад.

Дюбуа де Монпере первым познакомил Европу с памятниками Абхазии. Они стали известны и русскому читателю, несмотря на то, что его "Путешествие" и "Атлас" были изданы небольшим тиражом, и, как отмечали современники, "автор добровольно преградил доступ к себе читающей публике непомерными ценами своими".³⁴ В связи с этим обстоятельством популярное издание

30. F. D u b o i s d e M o n p e r e u x. Op. cit., p. 268.

31. Y b i d., Atlas, serie II, pl. V, 7.

32. Y b i d., p. 264.

33. Y b i d., p.

34. "Библиотека для чтения", т. X, отд. III, с. 86.

"Библиотека для чтения" публиковала содержание "Путешествия" в том числе и первого тома, содержащего сведения об Абхазии.³⁵

С началом освоения Черноморского побережья Кавказа как курорта появились и первые популярные издания для туристов и путешественников. Небольшая книга Е.Мартеля содержит краткие сведения о памятниках архитектуры, в том числе о церкви в селе Лыхны.³⁶

С первой четверти XX в. церковь в Лыхны известна уже историкам искусства, авторам специальных трудов. Они основываются при этом на широко известном издании И.Толстого и Н.Кондакова. Это, прежде всего, автор первой обобщающей работы по истории византийской архитектуры Г.Милле. Он отмечает, что сильно выступающие апсиды и наличие нартекса в церквях Лыхны и Мокве – признак влияния Константинополя³⁷, боковые портики в лыхненской церкви представляют собою простой свод на двух стенах.³⁸ О зубчатом карнизе из кирпичей Г.Милле пишет, что в Лыхны он "венчает стену из тесаного камня".³⁹ Тут верно подмечено отличие церкви Лыхны от византийских построек, где кирпичный карниз обычно сочетался со смешанной кирпично-каменной кладкой или чистой кирпичной кладкой. Также и каменный дворец Лыхны был украшен карнизом из локальных остроугольных кирпичей, обнаруженных раскопками в древних культурных слоях.

Также на издании И.Толстого и Н.Кондакова основывался Ш.Диль, который в своем обширном компендиуме по византийскому искусству называет церковь в Лыхны как пример "классического греческого креста".⁴⁰

На портики лыхненской церкви, которые окружают ее с трех сторон (исключая восточную), обратил внимание французский историк архитектуры А.Хачатрян. В работе, посвященной типологии и значению пристроек в византийских церквях, он приводит церкви Лыхны, Бзыбскую и Симона Канатита как образцы построек,

35. Там же, 1840, т. XXXVIII, отд. 3, с. 85–117.

36. Там же

37. Там же

38. Там же

39. Там же

40. Ch. D i e h l. Manuel d'art bysantin. Paris, 1910, p. 443, 2-e ed, Paris, 1925–1926, p. 473.

где дополнительные помещения акцентируют крестовидную форму плана.⁴¹

Вообще лыхненскую церковь обычно упоминают как пример византийского и, более конкретно, константинопольского влияния как в архитектуре⁴², так и в живописи.⁴³

В работах последних лет встречаются упоминания не только о церкви, но и о дворце в селе Лыхны. При этом авторы высказывают мнение об одновременности дворца и церкви, руководствуясь при этом общими соображениями, но не обследуя сами памятники. Отметим, что ни разу не был приведен план дворца. Так, в Венгрии издан каталог-альбом о памятниках Грузии, предназначенный для широкой публики. В нем лыхненский дворец назван частью комплекса X–XI вв., как и церковь. Интересно, что впервые отмечено наличие сталактитов в купольном перекрытии вестибюля как признак восточного ("исламского") искусства⁴⁴. На наш взгляд характер конструкции перехода отпрямоугольного основания к куполу можно назвать сталактитовой лишь с большой долей условности, так как в куполе вестибюля использованы паруса, а не тромпы, на основе которых обычно создается "сталактитовая" конструкция. Но в общем связь ячеистого паруса лыхненского дворца с восточным искусством отмечена верно.

Дворец в селе Лыхны приводится в одном из последних зарубежных изданий, посвященных искусству и архитектуре в

41. A. K h a t s h a t r i a n. Annexes des eglises bysantines a plan central. Analogies et antecedentes. – Actes du XII Congrès International d'études bysantines. Ochride, 10–16 septembre 1961. Belgrad, 1963, p. 164, fig. 22.

42. E. N e u b a u e r. Abchasische Architektur im Spannungsfeld zwischen und Byzanz (6 bis II Jahrhundert. – Byzantinischer Kunstexport, 1978, 13, s. 74)

43. D. M o u r i k i. The Formative Role of Byzantine Art on the artistic Style of the cultural Neighbors of Byzantium. Reflection of Constantinopolitan style in Georgian Monumental Painting. – XVI Internationaler Byzantinisten Kongress Akten I, 2 Jahrbuch der Österreichischen Byzantistik 31/2, Wien, 1981, fig. 48 p. 749; Reallexikon zur Byzantinischen Kunst, hf 13, Stuttgart, 1970, sp. 713.

44. K. G i n k, E. T o m p o s. Gruzia, Kincsek, varak, kolostor. Budapest, 1973, 97, 98, c. 52–53.

средневековой Грузии.⁴⁵ Автор раздела о культовой архитектуре А.Альпаго-Новелло пишет, что церковь в Лыхны была построена, возможно, для того, чтобы обслуживать дворец обширных размеров, "называемый Шервашидзе".⁴⁶ Действительно, согласно новым данным, дворец был построен несколько раньше, чем церковь, хотя хронологический разрыв между ними может быть совсем незначительным. В каталоге памятников архитектуры, составленном Дж.Иени, церковь приведена как памятник X-XI вв., а дворец - X-XI, XIX вв.⁴⁷ Отметим, что в этом издании план лыхненской церкви публикуется с учетом пристройки с северной стороны, что представляется верным, т.к. пристройка относится к первоначальному периоду функционирования памятника.

Приведенный обзор показывает, что памятники села Лыхны на протяжении длительного времени вызвали интерес иностранных путешественников и исследователей. Это обусловлено и тем, что Лыхны являлось резиденцией владетелей Абхазии, и значимостью самих памятников. При этом церковь получила значительно большее отражение в литературе, чем дворец, - она лучше сохранилась, она получила особую известность благодаря своим росписям, к тому же, в прошлом существовала тенденция преимущественно уделять церковным древностям. Справедливо стремление авторов некоторых новых публикаций рассматривать церковь и дворец как единый комплекс, хотя при этом аргументов не приводится, впрочем, их и не могло быть без специального изучения памятников.

45. A.A. Y p a g o - N o v e l l o, V. B e r i d z e, Y. L a f o n - t a i n e - D o s o g n e. Art and Architecture in Medieval Georgia. Louvain-la-Neuve 1980.

46. Ybid., p.375.

47. Ybid., p.489.

Г.А.Дзидзария

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В АБХАЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ХУШ ВЕКА В СВЕТЕ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

Главными событиями, определившими ход исторического развития Абхазии в конце ХУШ и начале ХІХ века, был Георгиевский трактат (договор) 1783 года и, как его прямое последствие присоединение Восточной Грузии (Картли-Кахетинского царства) к России в 1801 году. Это и естественно. Всякое сколько-нибудь серьезное изменение политического положения Грузии не могло не отозваться на состоянии Абхазского княжества. Это было обусловлено общностью исторических судеб грузинского и абхазского народов, испокон веков многообразными теснейшими узами дружбы и братства.

Вхождение Грузии в состав Русского государства имело широкое значение. Оно предопределяло судьбу не только самой феодально-раздробленной Грузии, но и всех других народов Кавказского региона.

Добровольный приход Грузии к России - закономерный итог вековых русско-грузинских взаимоотношений. Жизненная необходимость такой политической ориентации была продиктована прежде всего усилением опасности со стороны султанской Турции и Шахского Ирана. Агрессивная политика этих государств в конце ХУШ и начале ХІХ века вообще поставила народы Кавказа перед дилеммой: либо быть поглощенными ими, либо присоединиться к России.

Вторая перспектива, несмотря на утверждение колониального режима, с чем кавказские народы никогда не мирились, предвещала общее движение вместе с русским и другими народами огромной страны по пути социально-экономического и культурного прогресса. По уровню своего общего развития - способу производства, культуре и просвещению - Россия стояла гораздо выше Турции и Ирана, хозяйственная и культурная жизнь которых характеризовалась весьма косными формами. К тому же эти страны были втянуты Англией и Францией во всевозможные дипломатические комбинации, рассчитанные на закабаление народов Востока.

Естественно, что кавказские народы тяготели к России, на которую они смотрели как на единственную избавительницу от гнета восточных деспотов. Они учитывали и горькие уроки истории. Как известно, военно-феодалная экспансия Турции и Ирана на протяжении

столетий тормозила развитие производительных сил края, наносила огромный ущерб населению, тяжело сказывалась на развитии культуры, которая в течение многих веков была связана с христианством.

Если говорить конкретно об Абхазии, то это стремление к сближению с Россией и, следовательно, борьба против турецкого владычества здесь также имеет свою получительную историю. Надо подчеркнуть, что береговое положение Абхазии подвергало ее особой опасности со стороны султанской Турции, экспансионистская политика которой была направлена, в частности, на уничтожение культурно-исторических традиций абхазского народа, тесно связывающих его с грузинским и адыгским народами.

Поэтому дальновидные абхазские политические деятели поддерживали указанную внешнеполитическую ориентацию грузинских правителей. И сама Россия давно обращала внимание на Абхазию, учитывая важность ее стратегического и географического положения, а также богатые ресурсы, в первую очередь, лес, который высоко ценился на мировом рынке.

Еще в 1752 году, как видно из рапорта майора Татарова, астраханский губернатор О.И.Брылкин просил узнать о дороге от Кубани к Грузии, называемой "Абазинской" (Абхазской), и тот сообщил ему нужные сведения.¹ Известно, что с древнейших времен географическое расположение Абхазии делало ее мостом между Северным Кавказом и Закавказьем, а также областями южного Причерноморья.

В этот период в Западной Грузии борьбу против турецких поработителей возглавил имеретинский царь Соломон I – талантливый полководец и бесстрашный воин.² В 1757 году султан объявил ему войну. В этой войне на стороне Соломона I активное участие приняли мегрельский владетель Кация Дадияни и самурзаканский владетель Хутуния Шервашидзе (Чачба), которые прибыли к нему со своими ополчениями. Последний во время решающего сражения на Хресильском поле, в Окрибском ущелье, проявил исключительную отвагу. Он ворвался со своим отрядом в гущу расположения противника и уничтожил 16 человек. Но и сам абхазский герой пал на поле брани.³ После окончания боя Соломон I с большими почестями похоронил его. Хресильская битва положила начало национально-освободительному

1. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы. Т. II. XVIII в. М., 1957, с. 178-181.

2. Кстати, Соломон I был женат на дочери абхазского феодала Инал-ипа, а по другим сведениям – Шервашидзе (Чачба), Тинатин, см.: Метрели Г. На перепутье, Тбилиси, 1982, с. 35, 72).

движению в Западной Грузии.⁴

Французский консул при дворе крымских ханов М.Пейсонель, писавший о событиях 1750-1762 годов на побережье Западного Кавказа, подчеркивал, что абхазы не повинуются ни главному турецкому начальнику этого района (паше), ни его сподручному в Абхазии, и "лишь одна сила может привести их к покорности и повиновению. Кубанский сераскир делает иногда на них набеги, отбирая у них мелкий скот, лошадей и рабов."⁵

В конце 50-х годов из Абхазии были высланы владетельный князь Манучар (Сулейман-паша) Шервашидзе и его братья Ширван и Зураб, которые оказались неугодными султанской Турции. Абхазскому владетелю не могли простить то, что не воспрепятствовал своему родственнику Хутуния Шервашидзе энергично поддержать имеретинского царя в день знаменитой Хресильской битвы. Но через некоторое время Зураб был возвращен на родину и объявлен ее владетелем в качестве турецкого вассала.⁶

В 1768 году началась русско-турецкая война, завершившаяся Кючук-Кайнарджийским миром 1774 года. Во время этой войны грузинские цари Ираклий II и Соломон I были в союзе с Россией. Более того, на подступах к Аспиндза войско Ираклия II 20 апреля 1770 года наголову разбило турецкие отряды. В том же году самурзаканский владетель Леван Шервашидзе, подбодренный ходом событий и хорошо сознавая всю опасность для Абхазии турецкой угрозы, начал переговоры о принятии Абхазского княжества под покровительство России. Со стороны последней начальник русского вспомогательного корпуса генерал Курт Тотлебен, направленный в Грузию Екатериной II, а в начале 1771 года Л.Шервашидзе со своим отрядом были в общем лагере русских и грузинских войск под стенами Поты, находившегося тогда в руках турок.⁷ В начале 1771 года Соломон I в письме к капитану

3 Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVIII-XIX веков. Сухуми, 1949, с. 64-65.

4 Метрели Г. Указ. соч., с. 41-42.

5 Пейсонель М. Исследование торговли на абхазско-черкесском берегу Черного моря в 1750-1762 годах. Краснодар, 1927, с. 29.

6 Исторический архив. М.Л. 1950, №5, с. 400-402; *საბჭოთაო მთავრობის*, 1953, №3, 243; Антелава И.Г. Указ. соч., с. 68.

7 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. М., 1923, с. 346; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с. 1722 по 1803 год. Ч. I, СПб., 1869, с. 284, прим. I.

Н.Д.Языкову, посланному в Грузию с особым поручением, твердо уверял, что абхазы собираются идти к крепости Поти "на помощь".⁸ Однако указанные переговоры не привели к желаемым результатам по вине Тотлебена, доставившему русскому правительству вообще "более стыда, нежели славы", и который был вскоре отозван из Грузии.

Следует отметить, что в 1771 году и царь Ираклий II обращался к России с условиями, на которых он желал бы вступить под покровительство России. Известно также, что Соломон I в 1768 году направил в Россию своего полномочного посла за помощью. Между прочим, граф Н.И.Панин 12 марта 1769 года на заседании Государственного совета читал грамоту от Соломона I, а 16 марта - "описание Грузии и притом предлагал, чтобы царю Соломону сделать вспоможение как войском, так и деньгами".⁹ Но в тот период еще не назрела политическая ситуация для заключения соответствующего соглашения между русским правительством и грузинскими царями.

Между тем обстановка в Абхазии крайне обостряется. Уже в том же 1771 году абхазы, по словам Я.Рейнегса, служившего в 1779-1783 годах "комиссионером" князя Г.А.Потемкина при царях Ираклии II и Соломоне I, "Будучи сильно угнетаемы, возмутились.... против пророка и его заместителя", т.е. турецкого султана. В результате упорной борьбы повстанцам, во главе которых стоял сам владетель Абхазии Зураб Шервашидзе, удалось изгнать вражеский горнизон из Сухумской крепости и взять ее. Абхазы "объявили свою свободу с восстановлением прежних обычаев". Но начавшиеся вскоре раздоры между руководителями восстания снова привели к поражению.¹⁰

Тем не менее это крупное восстание^{II} имело важное значение для общей борьбы населения Западной Грузии против турецких захватчиков. Султанское правительство, несмотря на свою неприязнь, не решилось тогда лишить Зураба Шервашидзе владетельского звания. Положение в Абхазии продолжало оставаться весьма неблагоприятным для турок. Они держались в Сухумской крепости, говоря словами русского офицера Ф.Ф.Торнау (1935 год), "утомленные непрерывными нападениями абхазцев".¹²

В 1775 году в "Абхазии" по коммерческим делам находился английский шкипер Томас Рейн, с которым лейтенант русской армии Иосиф Пери имел в Керчи беседу. Как сообщал последний из Таганрога в Петербург президенту Военной коллегии графу И.Г.Чернышеву 27 ноября 1779 года, шкипер рассказывал, что "тамошние старшины" "желают иметь коммерцию с Россиею, также и быть российской протекцией". Вместе с тем, подчеркивал Пери, Турция "весьма ревностно старалась и старается привлекать народ абазинский к себе, но успеха никакого не имеет. Из этого же сообщения лейтенанта Пери также выясняется, что он еще ранее, в Петербурге, доносил тому же Чернышеву об "открытии коммерции" между Россией и "абхазскими народами" и что это предложение графу "не противно".¹³

В Таганроге Иосифу Пери было предложено с этой целью поехать в Абазию". Узнав, что Чернышев согласен с таким предложением, тот и обратился к нему с указанным выше письмом, в котором старался убедить его в выгодности установления непосредственных торговых

II Следует отметить, что такие восстания в Абхазии бывали и в первой половине XVIII века. Так, в 1725 и 1728 годах была осаждена Сухумская крепость с целью изгнания оттуда турецкого войска и паши (К у д р я в ц е в К. Сборник материалов по истории Абхазии, Сухуми, 1925, с.148). Особенно значительным было восстание абхазского населения в 1733 году, когда турецкие войска, вторгшись в пределы Мегрелии и Абхазии, уничтожали все и забирали в плен всех. Но под конец, как сообщает Вахушти Багратиони, "абхазы уничтожали войско турецкое и обратили его в бегство.... взяли много добычи, оставили магометанство и вернули себе свою веру". (ვახუშტი. საქართველოს ცხოვრება. თბ., 1913, გვ.355).

12 Т о р н а у Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера, ч.1, М., 1864, с.6.

13 ЦГАВИФ, ф.172, д.24, лл.196-197.

В определенное время в источниках и литературе термины "Абазия" и "абазинцы" понимались как "Абхазия" и "абазы" в широком смысле.

8 Ц а г а р е л и А.А. Грамоты и исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т.1., ч.2. СПб, 1821, с.292.

9 Архив Государственного Совета. Протоколы Совета. Т.1, ч.2. СПб. 1869, с.770. Кстати, в этом источнике (с.770-779) содержатся интересные сведения, характеризующие взаимоотношения между русским правительством и названными грузинскими царями в 1768, 1770-1775, 1789, 1792-1795 гг.

10. Reineggs J. Allgemeine historische-topographische Beschreibung des Kaukasus. II Hildesheim und S P b, 1797, S 13; Сборник сведений о кавказских горцах, вып. III. Тифлис, 1870, с.18-19.

связей с "Абазией", при этом особо обращая внимание графа на лесные богатства края.¹⁴

В 1780 году Пери должен был совершить поездку в Константинополь. В связи с этим Чернышеву сообщалось о намерении Пери найти там знающего "абазинский язык и все их обряды" лодмана и по его совету заготовить необходимые товары, а затем отправиться в "Абазию".¹⁵ Однако, когда дело приняло практический характер, Чернышев воздержался, считая, что "сего сделать ныне еще невозможно, а когда время / тому будет, то, конечно.исполнено быть может".¹⁶ О торговых интересах России в этой части Кавказа свидетельствует и показание (1786 г.) шкипера Георгия Метакса "в бытность его в Абазию".*

Вскоре последовали события, которые усилили стремление закавказских народов к России, в превосходстве которой по сравнению с восточными деспотиями они все больше убеждались. Имеется в виду прежде всего присоединение Крыма и Прикубанья к России в 1783 году. Этот факт существенно менял политическую и стратегическую обстановку на Кавказе в пользу Русского государства. Владения последнего территориально сблизилась не только с горными районами Большого Кавказа, но и с Закавказьем. В том же году под протекторат России, по смыслу Георгиевского трактата, переходит Восточная Грузия, что еще больше усиливает русское влияние на Кавказ.

Следуя примеру картли-кахетинского царя Ираклия II, имеретинский царь Соломон I и сильнейший из азербайджанских владетелей Фатали хан Кубинский также обратились к России с просьбой о защите и покровительстве. К этому времени относится и проект восстановления Армянского царства под эгидой России, представленный русскому правительству армянским архиепископом Иосифом Аргутинским.¹⁷

После заключения Георгиевского трактата правители Имерети неоднократно обращались к правительству России. Так, в декабре 1784 года в Петербург прибыли имеретинские послы (католикос Максим, князя Зураб Церетели и Давид Квинихидзе), которые

¹⁴ Там же, л.196.

¹⁵ Там же, лл. 187, 197

¹⁶ Там же, д.318, л.8.

* См: АВПР, ф.Сношения России с Турцией, оп.89/8, д.675, лл. 147-151.

¹⁷ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в пореформенный период. М., 1957, с.26-27.

передали русскому правительству прошения и письма. В этих документах содержалась просьба о принятии Имеретинского царства в покровительство России на таких же условиях, на каких была принята Восточная Грузия.¹⁸

Однако правительство Екатерины II не спешило с ответом. Оно избегало обострения отношений с Турцией и ждало подходящего момента. Тогда посол Имерети З.Церетели 8 июля 1785 года предложил представителю России князю Г.А.Потемкину построить на берегу Черного моря (около Кинтриши) порт и крепость цихисдзири, что способствовало бы большей защите со стороны моря Имерети, Абхазии, Гурии и Мегрелии и сделало бы их России "крепко подвластными", и тогда турки вынуждены будут покинуть, без войны, Потю, Батуми, Чакву и "крепость Абхазии" (Сухумскую).¹⁹

Русский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе Я.И.Булгаков в донесении на имя Екатерины II от 15 августа 1785 года писал, что, как стало ему известно, "абхазинцы", не повинующиеся Порте, не хотят никаким образом терпеть оных татар на своей земле и ежедневно их бьют, а как они не в силах противиться, то просят Порту прислать корпус войск как для охранения крепости, так и защищения их от насилия абазинцев. Недавно отправленные отсюда в оную крепость с бинаеминами сто янычар лишь только выехали из принудили судно пристать, где с него сошли и все разбежались, включая 13 человек с офицерами, он отправился к своему месту....."²⁰

Представляет большой интерес и деятельность другого грузинского дипломата - посла имеретинского царя и известного поэта Виссариона Габашвили (Бесики), а также остававшегося в России католикоса Абхазии и Имерети Максима в направлении присоединения Имеретинского царства и Абхазского княжества к России. В письме к Бесики от 2 июля 1789 года католикос просил сообщить князю Потемкину о всех выгодах для России этого политического акта, при котором и абхазский владетель, следуя примеру Имерети, приобретает "большое счастье". Имеретинский царь Давид²¹ в письме от 14 июня 1789 года, отмечая установление хороших отношений с абхазским владетелем, также советовал своему верному дипломату ускорить решение вопроса

¹⁸ შ ა ჯ ა რ ა ძ ე ვ. გესიკი დიპლომატიურ სარბიელზე. თბ., 1968. გვ. 203

¹⁹ Б у т к о в П.Г. Указ.соч., ч.II, с.139; ც ი ბ ც ა ძ ე ი. 1783 წლის მფარველობითი ტრაქტატი, თბილისი, 1960, გვ.284-285.

о присоединении Абхазии к России – "очень выгодного для великой России дела".²²

И Бесики, от имени царя Имерети, неоднократно ходатайствовал перед князем Потемкиным об ограждении Абхазии от посягательства со стороны Турции. Так, еще в докладной записке от 16 сентября 1787 года он, в частности, указывал, что для безопасности Западной Грузии, изгнания с этой территории турок, чтобы те не успели там укрепиться, нужно ввести русские войска в Абхазию, в чем владетель Мегрелии может оказать немалую услугу. Бесики в прошении от сентября 1789 года, в котором выдвигал ряд условий по принятию Имерети в русское покровительство, также писал, что для упрочения позиции России на Кубани, важное значение имеет Абхазия, поэтому надо дать имеретинскому царю соответствующее указание. В его докладной записке от 5 декабря 1789 – 5 декабря 1790 года одним из условий предлагалось представить Абхазии свободу. Он не сомневался в том, что после этого абхазы примут покровительство России, а от торговли в портах Абхазии последняя получит немало выгод.²³

Вызывает интерес и документ от 3 декабря 1791 года, подписанный новым имеретинским послом Семеном Габашвили и поданный Г.А.Потемкину. В нем говорится: "Абхазетии доставить независимость от Порты, и оной в ее внутренние и религии принадлежащие дела не мешаться. Я, ведая о склонности сего народа, обнадеживаю, что они вскоре предадутся христианству и покровительству российскому. Словом, без перенесения к ним победоносного российского оружия изъявят свое России повиновение, и дабы российское купечество и в их, апхазетских, пристанях свободное имело пристанище и полезную торговлю, то обстоят оные".²⁴

Аналогичного содержания было и более раннее письмо католикоса Максима. 27 сентября 1791 года он обратился к тому же Потемкину с просьбой не забывать Имерети и Абхазию при заключении мирного договора с Турцией.²⁵ Речь шла о Ясском договоре 1791 года, который, по существу, фактически признал условия Георгиевского трактата. Это письмо Максима, официально считавшегося католикосом Абхазии и Имерети, при желании могло быть использовано Потемкиным как юридический документ.²⁶

20 АВПР, ф.Сношения России с Турцией, д.656, лл.60–60 об.

21 Давид (Георгиевич) был возведен на престол после смерти Соломона I, последовавшей 23 апреля 1782 г.

22 О б о б о д о . Указ.соч., с.145, 163, 164, 165, 281–282.

23 Там же, с.20, 207, 208, 272–273, 291, 297.

24 Ц а г а р е л и А.А.Грамоты...Т.П., ч.П, СПб, 1902, с.71.

Приведенные данные для нас важны и в том отношении, что они красноречиво свидетельствуют о видной роли грузинских политических деятелей в подготовке присоединения Абхазии к России. Их позиция была и проявлением благородного чувства беспокойства за судьбу братского народа.

Обратимся теперь к другим материалам, представляющим интерес для характеристики общей политической ситуации в Абхазии с точки зрения идеи Георгиевского трактата 1783 года.

В марте 1789 года, в обстановке русско-турецкой войны, в Сухуми высадился командующий турецким корпусом Гуссейн Батал-паша, который, ко всему прочему, имел целью "соединиться" с горскими народами для общего выступления против России. Однако он не имел в этом деле никакого успеха. Через некоторое время на границе Кабарды турецкие войска были разгромлены, а сам предводитель сдался в плен к русским. Война, как известно, закончилась Яским мирным договором, упрочившим положение России в Причерноморье. Он был шагом и на пути освободительной борьбы народов Кавказа. В частности, восстанавливалось действие Георгиевского трактата.²⁷

В 1793 году турецкий сановник Феиз-Улу-Дервиш тайно, через Сухум, в Большую Кабарду привез фирман турецкого султана Селима III, в котором говорилось, что весной следующего года возобновляется война с Россией, если последняя до этого не откажется от Крыма и Кабарды. Падишах требовал от кавказских правителей готовиться к войне совместно с иранским шахом. Фирман заканчивался словами: "Да вручится сей фирман сугумскому (сухумскому.–Г.Д.) Келеш-Бию, потом владельцу Атажуке Атажукову, а оттуда в Дагестан....."²⁸ Однако, как видно, турки и на этот раз не получили ожидаемой помощи от абхазского владетеля, т.е.Келешбея Шервашидзе (Чачба).

Здесь уместно сказать несколько слов об этом владетеле, незаурядном политическом деятеле своего времени, но вызвавшем так много противоречивых суждений в свой адрес. Прежде всего отметим, что Келешбей был сыном упомянутого выше владетеля Абхазии Манучара Шервашидзе, свергнутого турками по политическим мотивам. Сам он

Приведенный документ ошибочно приписывается брату Семена

Габашвили, Виссариону (Бесики), который умер 24 января 1791 года

26 П а й ч а д з е Г.Г. Георгиевский трактат.Тбилиси, 1983, с.228–229.

27 Б у т к о в П.Г. Указ.соч.Ч.П.,с.208–209, 211–212;

С м и р н о в Н.А. Р Политика России на Кавказе в XIV–XVI–XIX веках. М.,1958, с.156–159; М а р к о в а О.П.Указ.соч.,с.275.

28 Б у т к о в а П.Г. Указ.соч.Ч.Ш, с.245.

стал владетелем, с помощью тех же турок, в результате устранения Зураба Шервашидзе. Это произошло в начале 80-х годов. До этого Келешбей управлял Сухумской крепостью (Акуа) и ее окрестностями (Гумской Абхазии).²⁹

Кстати, став правителем всей Абхазии, Келешбей, по политическим соображениям, перенес владетельскую резиденцию из Лыхны, старинного политического центра края, в Сухумскую крепость, мощные бастионы которой могли служить надежной защитой и где стоял усиленный турецкий гарнизон. Это позволило ему, в частности, добиться успехов в объединении раздробленного княжества, усилении центральной власти.

Уже из приведенных можно судить о действительном отношении Келешбея к султанской Турции и ее политике в Абхазии. Совершенно очевидно, что его давно тяготила вассальная зависимость от деспотической, "одряхлевшей и обессилевшей" империи,³⁰ хотя в свое время он и воспользовался ее поддержкой для достижения своих политических целей.

Сошлемся также на сообщение дворян Квинихидзе³¹, которые в июне 1803 года уверяли главнокомандующего в Грузии А.Д.Цицианова в том, что Келешбей Шервашидзе "никак не зависел от блистательной порты Оттоманской."³² В таком духе писал до этого и Я.Рейнеггс, который достаточно хорошо знал политическую обстановку края того времени. Он не сомневался в том, что Келешбей "только делает вид, что он подчиняется Порте..."³³

С.М.Броневский, служивший правителем дел канцелярии генерала П.Д.Цицианова, писал: "Келеш-Бей содержал свой собственный гарнизон из абхазов; когда был в дружбе с турками, то называл свои войска турецкими.... В рассуждении черкесов и абхазов власть Порты всегда была сомнительна. Для наказания за шалости турецкие начальники не смеют посылать малые отряды в горы". В другом месте читаем: "Имея около себя до 10 000 вооруженных абхазов, он (Келешбей.-Г.Д.) мало заботился о выполнении фирманов, от Порты посылаемых. Однако в удовлетворение гордости дивана называл свои войска турецкими,

29. См.: Д а д и а н и Н. История Грузии. -СМОМІК, 1902, вып.

31, с.58; Д з и д з а р и я Г.А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми, 1940, с.5-6; Военный сборник, 1874, №7, с.400.

30 Э н г е л ь с Ф. Что будет с Европейской Турцией? -К.

М а р к с и Ф.Э н г е л ь с. Сочинения, изд.2-ое, т.9, с.36.

31 Одного из них, Давида, еще в 1775 году видим в качестве императорского посла.

как между тем употребляемые для собственных видов. Расширяя таким образом свою власть и владение, он сделался наконец правителем полуденной Абхазии...."³⁴ Он был также "уважаем весьма грузинским и черкеским" народами.³⁵

Интересно в этом отношении и свидетельство командира Отдельного Кавказского корпуса И.Ф.Паскевича (1830 год): "...Келешбей, признавший над собой верховное покровительство Оттоманской Порты, не считал, однако, себя подданным ее, умственным и телесными своими преимуществами и предприимчивым характером умел соединить в своих руках управление всею Абхазскою землею".³⁶ Между прочим Келешбей, по сообщению того же графа Паскевича, располагал и небольшой флотилией, состоявшей из "некоторого числа хорошо вооруженных галер."³⁷ А недалеко от Сухумской крепости, в лимане реки Согумы, была расположена его "корабельная верфь".³⁸

Турция начала смотреть на Келешбея, "который оказывал явное неповиновение", "как на опасного вассала". Таково было заключение и историка С.С.Эсадзе.³⁹

Активная деятельность Келешбея Шервашидзе в направлении практического сближения с Россией, т.е. решения кардинального для края политического вопроса относится к началу XIX века, когда он вступил в открытый конфликт с Турцией, возглавив при этом общественное выступление, а затем и бесповоротно порвал с ней всякие отношения. Но это относится уже к этапу, выходящему за хронологические рамки настоящей статьи.

Необходимо однако, отметить, что Келешбей Шервашидзе, несмотря на сложность личности, подчас колебания и ряда отрицательных моментов в его многолетней деятельности (работоторговля, междоусобные войны и пр) подготовил твердую почву для присоединения Абхазии к

32 Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссіею (АКАК). Т.II. Тифлис, 1868, с.536.

33 Указ. соч., с.8

34 Б р о н е в с к и й С. Указ.соч., с.297, 303, 347.

35 АКАК, Т.III, 1869, с.191.

36 ЦГВИА, ф.ВУА, д.6234, лл.57-70.

37 Там же.

38 Б р о н е в с к и й С. Указ.соч., с.296.

39 Э с а д з е С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.I. Тифлис, 1907, с.104.

России, став при этом жертвой своей внешнеполитической ориентации. Келебшей был убит" с воли султана"⁴⁰ его агентами и представителями местной реакционной оппозиции 2 мая 1808 года. Менее двух лет оставалось до осуществления его " стремления к приобретению покровительства России"⁴¹ - 17 февраля 1810 года.

Вхождение Грузии в целом в состав Русского государства было, как уже подчеркивалось, прямым последствием Георгиевского трактата 1783 года. Оно объективно создавало предпосылки для прогрессивного социально-экономического, политического, культурного и этнического развития, несмотря на колониальную политику царизма. Этот исторический процесс привел край к Великому Октябрю, к социализму, к нерушимой семье народов СССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. АКАК - Акты Кавказской археологической комиссии.
2. ВУА - Военно-Ученый архив.
3. ЗООИД- Записки Одесского Общества изучения древностей
4. ЛОААН- Ленинградское отделение Архива Академии Наук.
5. ПА - Партийный архив.
6. СМОМПК- Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
7. СЭ - Советская Этнография.
8. УЗ КПИ - Ученые записки Кабардинского государственного педагогического института.
9. УЭ ТГУ - Ученые записки Тбилисского Государственного университета.
10. ЦГАА - Центральный государственный архив Абхазии.
- 10а. ЦГАДА- Центральный государственный архив древних актов.
11. ЦГАВМФ- Центральный государственный архив Военно-Морского флота.
12. ЦГВИА - Центральный государственный Военно-Исторический архив.
13. ЦСУ - Центральное статистическое управление.

40 АКАК.Т.Ш,с.191.

41 ჯ ა ნ ა შ ი ა ს . გიორგი შარვაშიძე -
გ.შარვაშიძე. ლიტერატურა. ეპოსი.დრამა. სოხუმი, 1946,
გვ.7.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Б.Е.Сагариа . Советское строительство в Абхазии (1928-1930 гг.)	3
Д.Ч.Нодия . Роль британских колонизаторов в расчленении Омана	18
Р.Н.Кация . Экономическая экспансия средневековой Генуи на Западном Кавказе.	38
Р.Г.Джонуга . Очамчирское РАПО - конкретная форма межотраслевой интеграции.	63
О.И.Хвингия . Собственность в функции основы (субстанции) экономических отношений - псевдокатегория.	72
Ш.Д.Инал-ипа . Северо-западные пределы распространения абхазов в первой половине XIX века	80
А.Е.Шинкуба . Абхазская система терминов родства	91
М.С.Тхайцухов . Генеалогия абазинских фамилий как историко-этнографический источник	105
С.Д.Дбар . Обычаи и обряды абхазов, связанные с охраной здоровья детей и лечением детских болезней.	120
М.М.Гунба . Багмаранский клад сельскохозяйственных орудий.	131
Г.К.Шамба, В.К.Квициния, Н.К.Шенкао . Археологические раскопки в бассейне р.Гумиста (Шубара-2)	136
Ю.Н.Воронцов, О.Х.Бгажба . Некоторые итоги исследований Цибилиума в 1983 году.	143
Л.Г.Хрушкова . Сведения о памятниках с.Лыхны у некоторых зарубежных авторов.	148
Г.А.Дзидзария . Политические события в Абхазии во второй половине XVIII века в свете Георгиевского трактата.	163
Список сокращений	175

საზოგადოებრივი მეცნიერება, XV

„მეცნიერება“
თბილისი
1989

ИЗВЕСТИЯ, XV
(Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа)

«МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1989

Напечатано по постановлению редакционно-издательского совета Академии наук Грузинской ССР

ИБ 4117

Редактор издательства Л. Г. Ахалкани
Худож. редактор Г. А. Ломидзе
Техредактор Э. В. Бокерия
Корректор Г. Г. Грдзелишвили
Выпускающий Е. Г. Майсурадзе

Сдано в производство 30.XII.1988; Подписано к печати 28.IV.88; Формат бумаги 60×90¹/₁₆; Бумага офсетная; Печать офсетная; Усл. печ. л. 12,0; Уч.-изд. л. 12,17; Усл. кр.-отт. 12,3;

УЭ 02369;

Тираж 500;

Заказ 267;

Цена 2 руб. 20 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ. 19.
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქართველოს სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Грузинской ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1900

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO